

И.А. КРЫЛОВ-БАСНОПИСЕЦ

© И. Б. АЛЕКСАНДРОВА,
кандидат филологических наук

В русской литературе к жанру басни обращались М.В. Ломоносов, В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков, М.М. Херасков, И.И. Хемницер, И.И. Дмитриев. Но и классицисты, и сентименталисты говорили о басне как о жанре “пренебреженном”, по выражению Н.В. Гоголя. Первые отказывали басне в полноправном признании из-за отсутствия в ней художественности, поскольку это был жанр “низкий”, не приспособленный для выражения мира чувств личности.

И только благодаря И.А. Крылову басня обрела полноценное место в русской литературе. Именно она стала тем литературным жанром, в котором наиболее полно и удачно выразилась яркая индивидуальность Крылова.

Крылов – это “спокойный мудрец”, наблюдающий, а не исправляющий жизнь и нравы. В его произведениях порок словно разоблачает сам себя, будучи показанным беспристрастно, объективно. По словам П.А. Вяземского, “Дмитриев пишет басни свои; Крылов их рассказывает” (Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. I. СПб., 1878. С. 157).

А.С. Пушкин полагал, что Крылов – баснописец, “превзошедший всех нам известных” (Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 10. Л., 1978. С. 15). Именно Пушкин, который стремился соединить “средний” карамзинский стиль с яркой стихией народной речи и образности, понял вполне дарование Крылова в отличие от Вяземского, который считал, что жанровая форма у баснописца содержит в себе элементы “драматизированной эпиграммы на такой-то случай, на такое-то лицо” (Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. I. СПб., 1878. С. 157), иными словами, перерастает в сатиру. Между тем басня, по его мнению, должна содержать “нравственную истину, общую для человечества, а не местную, личную, условную правду” (Вяземский П.А. Указ. соч. Т. I. СПб., 1878. С. 176).

К последней трети XVIII века жанр басни претерпевает изменения в сторону большого присутствия “личностного” начала. А так как в это время в литературе начинает укрепляться романтизм с его интересом к национальной истории, национальному характеру, быту и нравам народа, то вся жанровая система оказывается проникнутой этой тематикой. И басни Крылова – это закономерный шаг поэзии в направлении общего движения литературы к познанию в человеке не только “мирового”, но и “национального”.

Крылов стоял у истоков нового художественного метода – реализма. Отталкиваясь от классицистической тенденции просветительства, он в то же время не принимал и взгляды сентименталистов, считавших, что предметом изображения в искусстве должен быть лишь человек “частный”. Вот почему и появляются у Крылова не “дидактические” или “сатирические” произведения, а басни, в которых жизнь отражена в виде жанровых сенок, как бы зарисовок “с натуры”. Диалог в его произведениях строится по принципам драматического искусства, как это бывает обычно в комедиях, а ведь баснописец был и замечательным комедиографом!

Живость и правдивость его басен доказывает, что многие эпизоды, легшие в их основу, не сочинены им “назидательности ради”, а взяты из жизни. Он прежде всего – блестящий жанрист, схватывающий жизнь в ее типичных проявлениях; моралист в нем заслонен художником. “У него впервые в русском басенном творчестве убедительно осуществлена нравственно-психологическая дифференциация речи героев” (Лебедев Е.И. Крылов // История всемирной литературы. Т. 6. М., 1989. С. 306). Герои его басен обрисованы так живо и правдиво, что нельзя не видеть в Крылове великого художника-реалиста, ближайшего предшественника Н.В. Гоголя.

Гораздо сильнее Крылов в тех произведениях, которые представляют собой аллегорическую сатиру или жанровые картинки, написанные с беззлобным юмором и тонким знанием русского быта. Народность – вот особенность творчества, которая предполагает и обращение к средствам народной речи, помогающей передать характеры и ситуации, взятые из русской жизни. Создавая свои аллегории, он использует образы фольклора. Так, низшие классы, страдавшие от власти имущих, изображались зачастую в образах “овец”, “рыб” – “бессловесных тварей”, а их обидчики – главным образом в виде волка (грубого хищника, нагло попирающего законы социально правильного поведения) или лисы, которая хитро прикрывает свои дела лицемерием. Какой жизненности достигает Крылов в обрисовке хищника-судьи (типа, созданного русской жизнью и ставшего неперменным объектом русской сатиры с XVIII века, с повести “Шемякин суд”), видно из басни “Лисица и Сурок”. У Лисы, которая была “в курятнике судьей”, “утратила в делах здоровье и покой” и за взятки была изгнана со службы, по словам Сурка, часто было “рыльце в пуху”. Таковы и многие современные поэту чиновники:

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает.
И, подлинно, весь город знает,
Что у него ни за собой,
Ни за женой;
А, смотришь, помаленьку
То домик выстроит, то купит деревеньку!

Он сохраняет привычную структуру басни – “рассказ” и “мораль”, нравоучительный вывод в конце. Но, пожалуй, ярче оказывается именно “рассказ”, так как он позволяет наилучшим образом проявиться таланту Крылова – художника нравов, летописца-сатирика, высшее достоинство которого – народное видение мира. Оно сказывается и в выборе сюжета, и в характере той лукавой, простодушной иронии, которая так свойственна народному представлению о смешном.

Изумительное богатство русской разговорной речи отразилось и в выборе Крыловым языковых средств для своих басен. Он широко использовал возможности русского глагола, передавая завершенное/незавершенное действие, его однократность/многократность, сиюминутность или возможность совершения действия при помощи системы видо-временных форм и наклонений, а также деепричастий:

Как вдруг из лесу шашь
На них медведь...

Здесь при помощи усеченной формы “шашь” создается простонародный колорит. Впоследствии А.С. Пушкин поведет борьбу за употребление таких форм в литературной речи, а также отглагольных существительных разговорного характера вроде “конский топ” и “людская молвь”.

Тащился медленно к своей лачужке дымной,
Кряхтя и охая под тяжелой ношей дров...
Увесистый булыжник в лапы сгреб...
Случись тут мухе быть. Как горю не помочь?
Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;
Вокруг повозки суетится...

В этом отрывке представлены разные формы глагола – от инфинитива до деепричастия. Это придает картине динамичность, позволяет почувствовать малейшие оттенки “течения жизни”, воспроизводимого в баснях Крылова. “Главные достоинства их – прекрасный язык, сжатый и выразительный, глубокое и тонкое знание человеческого сердца, умение только при помощи слов и разговоров действующих лиц рисовать их характерные, типичные черты...” (Сиповский В.В. И.А. Крылов // История русской словесности. СПб., 1911. С. 269). Крылов – создатель нового типа басни, глубокой по содержанию и написанной живым, обогащенным разговорной речью языком.

Что означает слово “самовластье” у Ф.И. Тютчева?

© В. А. ВОРОПАЕВ,
доктор филологических наук

“Вас развратило Самовластье”, – читаем мы в стихотворении Ф.И. Тютчева “14-ое Декабря 1825”, которое при жизни поэта не печаталось. Впервые оно было опубликовано в 1881 году в журнале “Русский Архив”. Долгое время его автограф вместе с другими рукописями поэта находился у князя И.С. Гагарина, старого знакомого Тютчева, а затем был передан Ивану Сергеевичу Аксакову.

В письме от 24 ноября / 6 декабря 1874 года Аксаков от всего сердца благодарит князя за обещание передать ему рукопись Тютчева: “Вижу, что интересы русской литературы вам дороги по-прежнему, что живо в вас русское чувство, что, поставленный лично судьбою вне родной земли, вы не разорвали с нею душевной связи”. Здесь же Аксаков говорит и о стихотворении “14-ое Декабря 1825”: «Из при- сланных вами двух стихотворений одно, полагаю, относится к декаб- ристам (“Вас развратило самовластье...”), стало быть: писано в 1826 году, когда ему было 23 года. Оно сурово в своем приговоре. Ни Пушкин, никто в то время, из страха прослыть нелиберальным, не решился бы высказать такое самостоятельное мнение – и совершенно искреннее, чуждое всяких расчетов, потому что, кроме вас, до сих пор в течение почти пятидесяти лет оно никому не сообщалось» (Лит. наследство. Т. 97: В 2 кн. Федор Иванович Тютчев. Кн. 2. М., 1989. С. 56).

Итак, стихотворение датируется второй половиной 1826 года. По- водом для его написания послужило обнаружение приговора по делу декабристов.

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил, –
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена –
И ваша память для потомства,
Как труп в земле, схоронена.

О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула –
И не осталось и следов.

Комментаторы стихотворения единодушны в понимании его смысла. К.В. Пигарев пишет: «Казалось бы, Тютчев всецело на стороне приятельства: декабристы для поэта – “жертвы мысли безрассудной”, дерзнувшие посягнуть на исторически сложившийся строй. Однако в том, что произошло, Тютчев винит не одних декабристов, но и произвол “самовластья”. А для самого строя у него не нашлось иных поэтических образов, кроме “вечного полюса”, “вековой громады льдов” и “зимы железной» (Тютчев Ф.И. Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. I. С. 455).

В том же ключе толкует стихотворение и В.В. Кожин: «С первого взгляда может показаться, что Тютчев здесь “осуждает” декабристов. На самом же деле его позиция сложна и многозначна. Уже в первой строке историческая “вина” возложена на “Самовластье”, которое в завершающей строфе предстает в предельно мрачных тонах: “вечный полюс”, “вековая громада льдов”, “зима железная”. Тютчев говорит о заведомой обреченности декабристов – и в этом он исторически прав: восстание узкого круга дворянских революционеров было обречено на поражение. Точно так же прав он, говоря о полной оторванности декабристов от народа... Но Тютчев решительно ошибался в одном: он полагал, что “потомство” забудет декабристов, а в действительности они стали примером для следующих поколений революционеров. В замечательных последних строках поэт запечатлел самоотверженный, “безрассудный” героизм декабристов, отдавших свою “скудную кровь”, которая “дымясь... сверкнула на вековой громаде льдов”».

По сути точно так же смысл стихотворения трактуется и в новом Полном собрании сочинений и писем Тютчева. В комментарии В.Н. Касаткиной отмечается “двойственность позиции автора по отношению к декабристам”: «“Самовластье” – развращающая сила, оно “вечный полюс”, “вековая громада льдов”, но усилия деятелей 14 декабря бесплодны и исторически бесперспективны из-за их малочисленности (“скудной крови”) и этической недозволенности (“вероломства”), поэт апеллирует к объективности (“неподкупности”) закона» (Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма. Т. 1. М., 2002. С. 313).

В подобных толкованиях стихотворения понятие “самовластье” (или произвол самовластья, что одно и то же) тождественно понятию самодержавия, т.е. сложившейся системе государственного управле-

ния в России. При этом остается непонятным, как Тютчев, убежденный монархист, противник всяких революций, мог возложить хотя бы и часть вины на самодержавие, сочувствовать декабрьскому бунту. Политические взгляды поэта хорошо известны. Как свидетельствовал тот же Иван Аксаков, самодержавие признавалось Тютчевым “тою национальною формой правления, вне которой Россия покуда не может измыслить никакой другой, не сойдя с национальной исторической формы, без окончательного, гибельного разрыва общества с народом” (Лит. наследство. Т. 97. Кн. 2. С. 56–57).

А.Л. Осповат, посвятивший стихотворению “14-ое Декабря 1825” специальную статью, казалось бы, вносит важное уточнение: “Вас развратило Самовластье...” отнюдь не равнозначно суждению: “Вас спровоцировало на бунт самодержавие”. По мнению исследователя, “политический противник” декабристов и Тютчева – “не самодержавие как таковое, но “самовластье”, то есть деспотизм» (Тютчевский сборник. Таллин, 1990. С. 241).

Однако подобное уточнение не привносит ничего нового в уяснение смысла стихотворения. “Развращающее” самовластье (произвол самодержавия) – подвинуло декабристов на бунт. И “меч” этого самовластья поразил бунтовщиков. Остается все та же “двойственность” в отношении Тютчева к декабристам. И. Непомнящий в недавней работе, посвященной литературным источникам стихотворения, приходит к заключению: “Исторический мыслитель, Тютчев, соглашаясь с декабристской критикой самодержавно-крепостнической действительности, не может согласиться с теми незаконными средствами изменения политического строя, которые избрали заговорщики” (Непомнящий И. “О нашей мысли обольщение...” (о лирике Ф.И. Тютчева). Брянск, 2002. С. 78).

Между тем, для современников поэта смысл стихотворения не держал в себе никакой двойственности. По словам Ивана Аксакова, “оно сурово в своем приговоре”. Память о декабристах – “как труп в земле схоронена”. Мы до сих пор не знаем точного места захоронения казненных декабристов. Издатель “Русского Архива” Петр Бартнев заметил: «... в Ярославле народ кидал мерзлую грязью в декабристов, что дало повод Ф.И. Тютчеву к стихам: “Народ, чуждаясь вероломства, поносит ваши имена”» (Русский Архив. 1896. № 10. С. 166).

Думается, что главная мысль стихотворения заключена в его первой строке, точнее, в слове “самовластье”. В современном словаре русского языка (МАС) приводятся два значения этого слова: 1. “единоличная, неограниченная власть (правителя, государя), а также система государственного управления, основанная на такой власти; самодержавие”. 2. “склонность властвовать, повелевать, подчинять все своей воле, властолюбие, властность” (Словарь русского языка. Т. 4. М., 1984. С. 17). Приблизительно так же понималось дан-

ное слово и в эпоху Тютчева. Возьмем, например, Словарь языка Пушкина. Там отмечено: “Самовластье – ничем не ограниченная власть, деспотизм”. В качестве примера такого словоупотребления приводятся знаменитые строки из стихотворения “К Чаадаеву” (1818):

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

В данном случае слово “самовластье” близко по значению к понятию “самодержавие”. Зато в оде “Вольность” (1817) Пушкин говорит не о самодержавии, а как раз о самовластии (деспотизме), олицетворением которого является Наполеон.

Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.

К Французской революции Пушкин, как известно, относился отрицательно (см. элегию “Андрей Шенье”), как, впрочем, и к бунту вообще (“Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный”). По мысли поэта, власть должна опираться на Закон.

Владыки! Вам венец и трон
Дает Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

Царь, монарх первым должен склониться перед вечным Законом, иметь смирение перед Промыслом Божиим. Если же он становится самовластным тираном, то нарушает законность самодержавия своего, благословленного при коронации Богом. Это несет беду тем, над которыми он поставлен, и ему самому. Он делается жертвой восстания, заговора.

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

Пушкин даже в ранней “вольнолюбивой” лирике (отдав дань своему времени) придерживался умеренных политических взглядов. В оде “Вольность” нет ничего революционного, крамольного. Подобные мысли высказывал сам император Александр I. Вопрос, однако, заключается в том, как понимать Закон. Эпоха Просвещения выдвинула идею закона, не связанного с Божьим предначертанием. Таков “Общественный договор” Жан-Жака Руссо. По мысли французского философа-просветителя, люди заключают договор между собой и ему подчиняются. И все будто бы должно быть хорошо. Такое материалистическое понимание закона неприемлемо для русского человека, имеющего православное устройство души. Закон только тогда тверд и незыблем, когда установлен свыше, не людьми. Тогда не опасно такому закону и монарху подчиниться. Ибо в этом законе он подчиняется Божьей воле. С другой стороны, Французская революция показала, насколько уязвим бывает тот общественный договор, который создан людьми, упоенными самовластием, стремящимися подчинить других своей воле.

Такое понимание “самовластия” находит подтверждение в пушкинском стихотворении “Анчар” (1828). Анчар – дерево яда, источник смерти, проклятие природы.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Но само древо нельзя обвинять в том, что оно несет зло. Это попущено Творцом природы. Для чего? Для того же, для чего создано было и древо соблазна в Эдеме: для испытания человека. Никому, кроме человека, анчар не грозит бедой:

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет...

Человек – вот существо, хотя и сотворенное Богом, но наделенное само-властием, то есть свободой воли. И.И. Срезневский в словаре древнерусского языка указывает: “*Самовластие* – свободная воля” (Т. 3. Ч. 1. М., 1989 / Репринтное издание. С. 246). В православное аскетике под “самовластием” понимается свойственная человеку как разумному существу способность сознательного выбора между добром и злом (см.: Зарин С.М. Аскетизм по православно-христианскому учению. М., 1996. С. 79). Тот, кто имеет власть над другими людьми, зачастую употребляет ее во зло:

... Человека человек
 Послал к анчару властным взглядом,
 И тот послушно в путь потек
 И к утру возвратился с ядом.
 А царь тем ядом напитал
 Свои послушливые стрелы
 И с ними гибель разослал
 К соседям в чуждые пределы.

В черновике мысль Пушкина выражена еще отчетливее: “Послал к анчару самовластно”. Источник зла – самовластная воля человека. Словарь языка Пушкина отмечает: “Самовластно – по личному усмотрению, произволу, самовольно”. Самовластно у Пушкина может поступать не только царь, но и разбойник. Об этом свидетельствует пример такого словоупотребления из “Капитанской дочки”: “Шайки разбойников злодействовали повсюду; начальники отдельных отрядов самовластно наказывали и миловали...”

В этом – пушкинском – контексте следует, как нам кажется, понимать и смысл стихотворения “14-ое Декабря 1825”. Прояснить его помогает статья Тютчева “Россия и революция”, написанная по-французски и впервые напечатанная в Париже в 1849 году. В ней, в частности, говорится: “Человеческое я, желающее зависеть лишь от самого себя, не признающее и не принимающее другого закона, кроме собственного волеизъявления, одним словом, человеческое я, заменяющее собой Бога, конечно же, не является чем-то новым среди людей; новым становится самовластие человеческого я, возведенное в политическое и общественное право и стремящееся с его помощью овладеть обществом. Это новшество и получило в 1789 году имя Французской революции” (Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма. Т. 3. М., 2003. С. 145).

Та же мысль звучит и в стихотворении Тютчева “Наполеон”:

Сын Революции, ты с матерью ужасной
 Отважно в бой вступил – и изнемог в борьбе...
 Не одолел ее твой гений самовластный!..
 Бой невозможный, труд напрасный!..
 Ты всю ее носил в самом себе...

Таким образом, Тютчев пытается определить духовные причины революции. Ее идея заключается в “самовластии человеческого я, возведенного в политическое и общественное право”. Именно в этом смысле и употребляется слово “самовластие” в стихотворении “14-ое Декабря 1825”. Иван Аксаков, близко знавший Тютчева и написавший его биографию, отмечал, что “в его писаниях с самых ранних лет выражалась замечательная самостоятельность и единство мысли”

(Лит. наследство. Т. 97. Кн. 2. С. 56). Развращенные “самовластием человеческого я” (“Вас развратило Самовластье...”), декабристы носили кару сами в себе (“И меч его вас поразил...”). По Тютчеву, причина бунта и гибели декабристов по отношению к ним не внешняя – самовластье (самодержавие), а внутренняя – стремление утвердить власть собственного “я”.

“Самовластье” у Тютчева во многом понимается как “любоначалие” – желание властвовать. Здесь снова уместно вспомнить Пушкина:

Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.

(“Отцы пустынноики и жены непорочны...”, 1836)

В словаре языка Пушкина приводится лишь одно значение слова “любоначалие” – “властолюбие, стремление властвовать над другими”. Но страсть любоначалия многообразна. Это не только властолюбие, но также и превозношение и гордость. Оно (любоначалие) прямо противоречит евангельской заповеди: “Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом” (Мф. 20, 26–27). Нарушение Адамом и Евой запрета, наложенного Богом, не было простым непослушанием. “И вы будете, как боги”, – сказал им змей во искушение (Быт. 3, 5). Вот где лежит исток самовластия восставших декабристов.

Образы второй строфы стихотворения – “вечный полюс”, “вековая громада льдов”, “зима железная” – связаны с символикой русской государственности. Напротив, весна, таяние снега, льда символизировали в ту эпоху революцию. По Тютчеву, декабристы покусились на коренные законы русской жизни, на которых покоилась Российская Империя, поэтому их безрассудный бунт был обречен: “И не осталось и следов”.

Цветовая палитра в поэме Н.В. Гоголя “Мертвые души”

© И. А. ОРЛОВА

Н.В. Гоголь – один из самых живописных, “красочных” писателей XIX века. Он был первым в русской литературе, кто так умело использовал цвет в изобразительных целях. “Цветовая характеристика” присутствует у него почти обязательно, будь то описание какого-либо персонажа или просто предмета.

Гоголь изменил отношение к цвету, заметил В.В. Набоков, разрушил старые стереотипы и показал, что небо может быть не только голубым, «заря алой, листва зеленой, глаза красавиц черными, тучи серыми и т.д. До появления его и Пушкина русская литература была подслеповатой. Формы, которые она замечала, были лишь очертаниями, подсказанными рассудком; цвета как такового она не видела и лишь пользовалась истертыми комбинациями слепцов-существительных и по-собачьи преданных им эпитетов, которые Европа унаследовала от древних. <...> Только Гоголь (а за ним Лермонтов и Толстой) увидел желтый и лиловый цвета. То, что небо на восходе солнца может быть бледно-зеленым, снег в безоблачный день густо-синим, про-

звучало бы бессмысленной ересью в ушах так называемого писателя-“классика”, привыкшего к неизменной, общепринятой цветовой гамме французской литературы XVIII в. <...> Сомневаюсь, чтобы какой-нибудь писатель, тем более в России, раньше замечал такое удивительное явление, как дрожащий узор света и тени на земле под деревьями или цветковые шалости солнца на листе. Описание сада Плюшкина поразило русских читателей почти так же, как Мане – усатых меццан своей эпохи» (Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М., 1999. С. 88; далее – только стр.).

Интерес Гоголя к цвету можно отчасти объяснить тем, что у него был нереализованный талант художника, постоянно напоминающий о себе со страниц его произведений.

“...Мир красок Гоголя – орган целого; свет, колорит, цвет и краска суть у Гоголя фоны, из которых выветвлен самый изобразительный стиль...” (Белый А. мастерство Гоголя: Исследование. М., 1996. С. 133, далее – только стр.). Для Гоголя процесс творчества писателя и художника был равноценен, т.е. он мыслит категориями живописи в широком смысле слова, как бы проецируя описываемые им ситуации на холст художника, примеряя, подойдут ли они для сюжета картины. Показательно описание Ноздрева: “Держа в руке чубук и прихлебывавая из чашки, он был очень хорош для живописца, не любящего страх господ прилизанных и завитых”.

В “Мертвых душах” богатая палитра цветов: от иссиня-черного до розового. Обращает на себя внимание одна особенность поэмы – смена цветовых доминант, уход от контрастных, кричащих красок, стремление к гармонии, цветовому “спокойствию”. Если первый том поэмы “расписан” сочными, яркими красками, то во втором пестрота спадает, нарастает цветовая неопределенность.

Вопрос о цветовых предпочтениях писателя и об их эволюции затронут в работе А. Белого “Мастерство Гоголя”: «Красочное восприятие Гоголя определяет в нем многое; Гоголь – художник, колорист, пейзажист, жанрист; красочное обличье ярко; виден отбор и контроль; цвета природы, окраска предметов, сочетание пятен в костюмах – все выявляет: и декоратора, и костюмера, и режиссера, не только “писателя”; цвет не отчленим от жизни образа...» (133). А. Белый ведет статистику цветов, используемых гениальным прозаиком. Он отмечает, что “в суммарном спектре доминирующая трехцветка – красное – белое – черное”, а “розовое, оранжевое, фиолетовое у Гоголя редки... Разгляд спектра Гоголя по периодам и по группам являет картину исчезновения красного цвета <...>; в первом томе “Мертвых душ” белое занимает первое место; красного нет и в трехцветке; здесь сумма серого с черным почти равна белому...” (137).

Эволюция цвета идет от чистых, несмешанных красок к светотени, к неопределенно-сложным цветам, которые иногда сравниваются не

с цветами спектра, а с предметами; все чаще появляются определения вроде “лишенный цвета”, “неопределенного цвета”. Например, таково описание кабинета Манилова: “...Стены были выкрашены какой-то голубенькой краской вроде серенькой”; фрак Собакевича был “совершенно медвежьего цвета”; лес неизменно темнеет “каким-то скучно-синеватым цветом”; дом Собакевича выделяется своей “красной крышей и темно-серыми, или, лучше, дикими стенами”; день приезда Чичикова к Манилову был “не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета”. Есть и случаи, когда эпитет выражает не цвет, а “цветность вообще”: косынка “радужных цветов”.

Во втором томе “Мертвых душ” (особенно в пейзажах) главенствующий – зеленый цвет, возрастает роль желтого, серого, коричневого, голубого. Оттеночность перекрывает чистоту красок, затушевывает их: появляются такие цвета, как *кофейный*, *бутылочный*, “наваринского дыму с пламенем”. Цвета больше становятся фоном, нежели функционируют как составляющие художественных образов.

Изменение стиля позднего Гоголя отмечает Б. Зайцев: “Мало зрительных образов. Тут уж нечем блеснуть. И не до блистания. Некий ровный, серовато-жемчужный налет над его страницами. А строка звучит тонкими, удивительными, гоголевскими – еще не изученными ритмами” (Зайцев Б. Жизнь с Гоголем. Современные записки, Париж, 1935. № 59. С. 284).

Интересно, что во втором томе “Мертвых душ” довольно много золотого цвета, тогда как в первом томе он почти отсутствует: “...Старинная церковь возносила свои пять играющих верхушек. На всех их были золотые прорезные кресты, золотыми прорезными цепями прикрепленные к куполам, так что издали сверкало, как бы на воздухе, ни к чему не прикрепленное, висевшее золото” (Гоголь Н.В. Мертвые души. Поэма. М., 1995. С. 290; далее – только том и стр.); “только вспыхивавшая, подобно искре, золотая церковная маковка давала знать, что это было людное, большое селенье” (2, 291). А Белый отмечает, что «золото второго тома – не золото сосудов, шлемов, одежд, а золото церковных крестов, поднимающих тенденцию православия; “золотой” звон противостоит здесь “красному звону” казацкой славы» (Белый А. Указ. соч. С. 175). Действительно, появление золотого цвета вовсе не случайно: золото церковных крестов впервые в поэме напоминает о Боге и о будущем духовном возрождении Чичикова.

Еще один аспект изучения проблемы цвета в поэме – функции цветообозначения.

Интересен с этой точки зрения образ Павла Ивановича Чичикова: мы знаем о герое, что он – “господин средней руки”, “не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтоб стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод”. Но не

эти подробности делают его “яркой” личностью, а фрак брусничного цвета с искрой.

Проблеме, почему у Чичикова “сукно брусничных цветов с искрой”, отчасти посвящена статья А.К. Югова. Он говорит об историзме Гоголя, о соотношении некоторых его произведений с древнерусскими памятниками: летописями и “Словом о полку Игореве”. Хорошее знание истории, считает Югов, Гоголь проявил и в “Мертвых душах”: во втором томе поэмы есть эпизод, когда Чичиков заходит в лавку к купцу-суконщику за тканью “с искрой оливковых или бутылочных, приближающихся, так сказать, к бруснике”. Он недоволен тем, что предлагает ему купец, и добавляет: “– Хорошо, но все не то <...>. – Ведь я служил на таможне, так мне высшего сорта, какое есть, и притом больше искрасна, не к бутылке, но к бруснике чтобы приближалось” (2, 499–500). Оказывается, тот цвет был известен еще в XVII веке. В Смутное время был казнен воевода М. Татищев, но “опись его вещей осталась, среди которых находим и “сукно лундыш *бруснично*”, и “кафтан холодной, сукно кострыж сизов *сыскрою*” (Временник О-ва истории. 1856. Кн. VII. С. 31).

Кроме описательной функции, цвет выражает авторское мироощущение. Вспомним лес, темнеющий “скучно-синеватым цветом”. Это – краска с примесью настроения. Синий для Гоголя – цвет печали; белый – девственная чистота, не отражающая следов времени: “прозрачною белизною” светится лицо дочки губернатора; новая церковь “выбелена, как снег”; белый ствол березы “круглился на воздухе, как правильная мраморная сверкающая колонна”.

Цвет – неотъемлемая часть созданных Гоголем образов. Каждый герой расцвечен определенной краской в соответствии с авторской идеей. Это не правило, но тенденция. Внимание на это обратил Ю. Манн (Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996. С. 474, 251; далее – только стр.). Понаблюдаем за этим явлением, рассмотрев некоторые описания помещиков из первого тома “Мертвых душ”.

Цвета Манилова – желтый, зеленый, голубой; Ноздрева – контраст черного и белого, ярко-красный; Собакевича – коричневый; Плюшкина – темные тона, истерто-желтый цвет.

Главная черта Манилова – неопределенность. Его писатель причислил к “людям так себе, ни то ни се, ни в городе Богдан ни в селе Селифан, по словам пословицы” (I, 68). Он ведет размеренную, скучную жизнь; хозяйство его внешне содержится в порядке, но на деле это не так; на первый взгляд, Манилов – человек приятный, “но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару...” (I, 69).

Эти черты у Гоголя выражают цвета: желтый, связанный с обыденностью, – он сопровождается наречием “вечно”: например, верхний этаж гостиницы, в которой остановился Чичиков, “был выкра-

шен вечною желтою краской...” (I, 52); голубой – связан с мечтательностью Манилова и его “проектами”: вспомним голубые колонны у “Храма уединенного размышления”; зеленый обозначает запустение, обветшание – об этом говорит ироничное описание водоема, который давно уже никто не чистит: “пруд, покрытый зеленью, что, впрочем, не в диковинку в английских садах русских помещиков” (I, 67).

Ноздрев обладает непредсказуемым характером – он за одну минуту может менять свое решение. Эта черта отражается в его внешности, где господствует контраст, смешение цветов: “... Вошел чернявый его товарищ, сбросив с головы на стол картуз свой, молодецкато взъерошив рукой свои *черные* (курсив наш. – И.О.) густые волосы. Это был среднего роста, очень недурно сложенный молодец с полными *румяными* щеками, с *белыми, как снег*, зубами и *черными, как смоль*, бакенбардами” (I, 107). Красный здесь – цвет жизненной энергии, которой пышет Ноздрев.

Собакевич отличается “неуклюжестью”, но вместе с тем силой и монументальностью. Он во всем схож с медведем; об этом говорят не только его неповоротливость, привычка наступать всем на ноги, но и его имя – Михайло Семенович, его фрак – “медвежьего цвета”. Именно эта деталь – самая выразительная во внешности Собакевича – мы уже не сомневаемся, что он – “совершенный медведь”!

Плюшкин – воплощение скупости, духовного опустошения. “Тина мелочей” поглотила его жизнь. В главе о нем автор скуп на краски: только зеленое, белое и черное – эти цвета появляются в описании сада помещика: зеленые купола деревьев, местами озаренные солнцем, белые мраморные колонны берез, а между ними – густая темнота.

Итак, можно сказать, что цвет – одна из доминант образа, его неотъемлемая часть, он задает настроение в каждой главе, передает мироощущение автора, его психологию, представление о действительности.

Эволюция цветового спектра в творчестве Гоголя в общем и в “Мертвых душах” в частности наблюдается уже в первом томе поэмы. Ю. Манн пишет о том, что по мере развития сюжета начинают преобладать “темные, мрачные тона”, но «происходит это не потому, что последующий герой мертвее, чем предыдущий, а потому, что каждый привносит в общую картину свою долю “пошлости”, и общая мера пошлости, “пошлость всего вместе” становится нестерпимой» (Манн Ю.В. Указ. соч. С. 274).

В главе о Манилове еще не слышны трагические ноты; его семейная жизнь, на первый взгляд, удалась, он полон различных замыслов. Его недостатки отмечены “пунктиром” и не сильно бросаются в глаза, тогда как отрицательные черты характера Плюшкина обведены “жирными линиями”. Может быть, поэтому он кажется “бездушнее” остальных героев. Мы судим его более строго, так как знаем историю

его жизни, но и сочувствуем ему более других. Сердце писателя кричит от боли при виде духовного оскудения человека: “И до какой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек! Мог так измениться! И похоже это на правду? Все похоже на правду, все может стать с человеком” (I, 170).

Эволюция цвета в “Мертвых душах” связана именно с изменением мироощущения Гоголя. Уход от ярких цветов, обращение к светотени, неопределенности цветовых решений говорит о его внутренней духовной сосредоточенности. Его стиль стал более сдержанным, уходит все “эффектное”, сразу привлекавшее взгляд. “Совсем в иной мир он внедрен. Самое слово его одухотворяется. В нем нет уже ничего резкого и кричащего, бьющего в глаза краскою или рисунком гротескным. Все теперь внутренне-легче, спиритуальней. Воздух его этой прозы – спокойствие, музыка сдержанная и слегка приглушенная” (Зайцев Б. Указ. соч. С. 284).

Из комментария к “Чистому понедельнику”

И.А. Бунина

© О. А. ЛЕКМАНОВ,

доктор филологических наук

На финальной странице этого рассказа едва различимый облик героини (“... одна из идущих <...> вдруг подняла голову, крытую белым платом, загородив свечку рукой, устремила взгляд темных глаз в темноту...”) соседствует с подробно прорисованным портретом великой княгини Елизаветы Федоровны (“...вся в белом, длинном, тонколикая, в белом обрусе с нашитым на него золотым крестом на лбу, высокая, медленно, истово идущая с опущенными глазами, с большой свечой в руке...”).

Зачем Бунину, тщательно и скупко отбирающему при написании “Чистого понедельника” каждое слово, понадобилась подобная расточительность при изображении эпизодического действующего лица рассказа? Чтобы ответить на этот вопрос, сначала, с небольшими сокращениями, приведем обширный монолог героини рассказа, который скрывает в себе ключ к пониманию всего бунинского произведения: «А она говорила с тихим светом в глазах:

– Я русское летописное, русские сказания так люблю, что до тех пор перечитываю то, что особенно нравится, пока наизусть не заучу. “Был в русской земле город, названием Муром, в нем же самодерж-

ствовал благоверный князь, именем Павел. И вселил к жене его диавол летучего змея на блуд. И сей змей являлся ей в естестве человеческом, зело прекрасном” <...>. Так испытывал ее Бог. “Когда же пришло время ее благостной кончины, умолили Бога сей князь и княгиня преставиться им в един день. И сговорились быть погребенными в едином гробу. И велели вытесать в едином камне два гробных ложа. И облеклись, такожде единовременно в монашеское одеяние...”».

Этот, напрямую никак не связанный с фабулой “Чистого понедельника” фрагмент летописи, отчетливо распадающийся на два почти обособленных отрывка, заряжен большой объясняющей силой. Первый отрывок содержит комментарий-объяснение к загадочным взаимоотношениям героя и героини, как их осознает героиня, в одном из эпизодов “Чистого понедельника” прямо уподобляющая героя змею “в естестве человеческом, зело прекрасном”.

Что комментирует и что предсказывает второй отрывок? Вероятно, будущую участь героини, метонимически воплощенную в мученической участи великой княгини Елизаветы Федоровны, урожденной герцогини Гессен-Дармштадтской. Рассказ героини о “благоверном князе, именем Павел” и его княгине в “Чистом понедельнике” явственно соотнесен с репликой дворника, приведенной на финальной странице “Чистого понедельника”: “...там сичас великая княгиня Ельзавет Федровна и великий князь Митрий Палыч”.

Еще важнее заметить, что летописное упоминание о “гробном ложе” княгини, “вытесанном в камне”, находит себе трагическое соответствие в обстоятельствах гибели великой княгини Елизаветы Федоровны. Как известно, ее вместе с сестрой Марфо-Мариинской обители Варварой Яковлевой, а также другими узниками – членами императорского дома – большевики живой сбросили в шахту старого рудника близ уральского городка Алапаевска.

В заключение всё же укажем на одно, но существенное различие в поведении героини рассказа и великой княгини Елизаветы Федоровны в заключительном фрагменте “Чистого понедельника”: Елизавета Федоровна выходит из церкви “с опущенными глазами” – она уже отрешилась ото всего земного и полностью готова к будущему подвигу. Героиня в финале “вдруг” поднимает голову и устремляет “взгляд темных глаз в темноту” – она почувствовала присутствие бывшего возлюбленного и поэтому последние решительные и самоотверженные шаги приходится сделать ему самому: “Я повернулся и тихо вышел из ворот”.

“МОЛИТВЫ ПРЕЧИСТОЕ СЛОВО”

© Е. А. ПОПОВА,
доктор филологических наук

Молитвы, представляющие собой обращение человека к Богу, Богородице, святым и сопровождаемые чтением определенных текстов, относятся к числу наиболее важных для русской нации прецедентных феноменов и поэтому обладают способностью отражаться в других все новых и новых текстах. “В культурах, формируемых религией Писания, – отмечает исследователь Н.Б. Мечковская, – светская литература, школа, вся книжно-письменная культура выходят из лона церковной книжности, и поэтому они наследуют некоторые черты, присущие конфессиональной коммуникации. Светская литература осмысливает те идеи, образы, коллизии, которые представлены в Писании. Она осознает их как вечные вопросы бытия, требующие постоянного решения-преодоления, и ищет на них свои ответы” (Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998).

Так со временем возник литературный жанр *молитвы*, над созданием которого работали А. Пушкин, М. Лермонтов, И. Козлов, Д. Веневитинов, Е. Баратынский, Ф. Тютчев, А. Фет, А. Григорьев, К.Р., Ф. Глинка, И. Бунин, А. Ахматова, М. Цветаева, Н. Гумилев, И. Бродский и другие русские поэты. При этом стихотворение-молитва объединяет присущее реальной молитве обращение к Богу “Ты” с коммуникативным статусом лирики (частым использованием местоимений и глаголов 1-го и 2-го лица, а также восклицаний и вопросов). Стихотворных молитв в русской литературе так много, что из них можно составить целую антологию. Одним из самых ярких стало стихотворение Пушкина “Отцы пустынноики и жены непорочны...” (1836), являющееся поэтическим переложением Великопостной молитвы христианского

писателя IV века св. Ефрема Сирина: “Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу твоему. Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь”.

С этой молитвой, хорошо известной всем православным, «в середине XVII столетия было связано начало раскола в русской церкви: патриархом Никоном в начале Великого поста 1653 г. была разослана “Память”, предписывающая творить крестное знамение не двумя, а тремя перстами, сократить количество поклонов во время чтения Великопостной молитвы Ефрема Сирина, заменив земные поклоны посясными. Очевидно, текст этой молитвы, читаемой священником дважды во время великопостной службы, “пронзил”, говоря словами Достоевского, сердце поэта и произвел на него неизгладимое впечатление. Молитва призывала к покаянию, нравственному очищению души, ее приготовлению к “жизни вечной” и призывала Бога даровать душе дух смиренномудрия, смирения, терпения и любви» (Кусков В.В. Молитва у А.С. Пушкина // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1999. № 2).

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольных бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Тексту молитвы Пушкин предпосылал поэтическое вступление, состоящее из девяти строк (стихотворное переложение молитвы занимает семь строк). Во вступлении Пушкин обратился не к создателю молитвы – преподобному Ефрему Сирину, а к “отцам пустынникам и женам непорочным”, которые сотворили “множество божественных молитв”. Из этого множества лирический герой выделяет одну молитву, повторяемую священником “во дни печальные Великого поста”.

Она умиляет душу лирического героя, чаще других приходит ему на уста.

В просительной части молитвы Ефрема Сирина Пушкин на первый план выдвинул просьбу дать человеку возможность увидеть свои прегрешения, чтобы затем их преодолеть, а среди главных грехов выделил грех осуждения ближнего (“Да брат мой от меня не примет осужденья”). Злословию света поэт противопоставил такие христианские добродетели, как “дух смирения, терпения, любви и целомудрия”.

“Таким образом, текст молитвы преп. Ефрема воспринимался Пушкиным необычайно лично, в соответствии с переживаниями всех перипетий драматических событий биографии поэта.

Эта молитва служила Пушкину духовной подготовкой встречи трагического исхода жизни, встречи покаянной, христиански православной. <...> Так слились воедино два гения – гений аскетической поэзии христианства преп. Ефрем Сирин и гений русской национальной поэзии XIX в. А.С. Пушкин...” (Там же).

Интересно проследить эволюцию смысла слова *молитва* в творчестве Пушкина. Если в раннем творчестве поэта адресатами молитвы были античные боги (Вакх, Венера, Купидон и др.), человек, чаще всего женщина, возлюбленная, то «в последние годы значительно повышается частотность употребления слов поля “Молитва” в их прямом значении» (Петрова З.Ю. Семантическое поле “Молитва” в русской поэзии от Пушкина до современных поэтов // Пушкин и поэтический язык XX века: Сборник статей, посвященный 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. М., 1999). Творчество воспринималось Пушкиным как религиозное служение, о чем свидетельствуют “Пророк” (1826), строки “Веленью Божию, о муза, будь послушна...” из “Памятника” (1836) и из стихотворения “Поэт и толпа” (1828): “Не для житейского волненья, Не для корысти, не для битв, Мы рождены для вдохновенья, Для звуков сладких и молитв”.

Последние слова стали декларацией высокого божественного смысла существования поэзии, призванной “открывать и показывать людям божественную красоту, раскрывать ее предназначение, пестовать прекрасную бессмертную душу человека, показывая место и роль молитвы в ее росте и воспитании. Ведь молитва очищает душу от скверны греха, она зовет к великой любви, укрепляет духовные силы, способствует торжеству добра и мира над злом и раздорами” (Кусков В.В. Указ. соч.).

После Пушкина к молитве как прецедентному тексту обращались и другие русские поэты. Несколько стихотворных молитв создал М.Ю. Лермонтов. Самым известным из этого “молитвенного цикла” является стихотворение “Молитва” (1839):

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко –
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

В стихотворении не говорится, с какой молитвой лирический герой обращается к Богу. Это остается тайной для читателей. Для лирического героя тайной в свою очередь является сила воздействия молитвы на душу человека: “И дышит *непонятная*, Святая прелесть в них”. Первая строфа описывает состояние души лирического героя, вторая – силу и прелесть живых слов молитвы, третья строфа рассказывает о том, что приносит человеку благодатная сила молитвы: уходит тоска и томление, их сменяют вера, надежда, слезы облегчения.

В стихотворении “Молитва” (1837) лирический герой взывает к Божьей Матери как “теплой заступнице мира холодного” с мольбой о счастье любимой женщины, о ее душе:

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием.

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.

Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

В стихотворении вырисовываются три образа: Божьей Матери, лирического героя и той, о ком он молится. При этом внутренняя драма лирического героя, одинокого странника с “пустынной душой”, отодвинута на второй план, а на первый выступает образ героини – ее нравственная чистота и беззащитность перед враждебными силами “мира холодного”, что очень важно в общем контексте лирики Лермонтова. Мольба за любимую женщину (по предположению лермонтоведов, в стихотворении речь идет о В.А. Лопухиной) освещает с новой стороны образ самого лирического героя: трагедия духовного одиночества не разрушила его глубокого участия в судьбе другого человека. “Молитва” проникнута интонацией просветленной грусти, связанной с особым преломлением в этом стихотворении религиозных мотивов: существование “незлобного сердца”, родной души заставляет героя вспомнить о другом светлом “мире упования”, в котором “теплая заступница” охраняет весь жизненный путь “достойной души” и лучший ангел осеняет ее на пороге смерти. Лирический герой отвергает традиционную форму обращения к Божьей Матери с молитвой о себе, как бы заранее зная, что благодать не коснется его “души странника в свете безродного” (Лермонтовская энциклопедия. М., 1999).

Вера стала той духовной основой, которая помогла “лишенному ног и покинутому зреньем” И.И. Козлову не поддаться телесному недугу. “Когда земной мир стал для Козлова темницей, ему открылся небесный свет. Этим объясняется устойчивость религиозных мотивов в лирике Козлова” (Лебедев Ю.В. “Небесным пением своим он усыпил земные муки”. О творчестве Ивана Ивановича Козлова // Литература в школе. 1998. № 1). Сам поэт так об этом поведал в послании к своему ближайшему другу В.А. Жуковскому, который находился в заграничном путешествии, когда Козлов ослеп:

В судьбах Своих непостижимый,
Лишь Он, Всесильный, мне помог
Стерпеть удар сей нестерпимый!
Уже я духом упадал,
Уже в отчаяньи томился;
Хотя роптать и не дерзал, <...>
Но вдруг... хвала Тебе, Творец!
Ты не забыл Свое творенье!
Ты видишь глубину сердец,
Ты слышишь тайное моленье.
Хвала Тебе, мой страх исчез!
Как ангел мирный, благодатный,
Как вестник милости небес,

Незримый, тайный, но понятный,
 Носилось что-то надо мной,
 Душа отрадный глас ловила –
 И вера огненной струей
 Страдальцу сердце оживила.

Поэт К.Р. (великий князь Константин Константинович Романов) в своей стихотворной “Молитве” (1886) вначале обращается к Богу с просьбой научить такой любви к Нему, чтобы можно было посвятить Богу всю душу и жизнь, соблюдать только Его волю и никогда не роптать на свою многотрудную долю:

Научи меня, Боже, любить
 Всем умом Тебя, всем помышленьем,
 Чтоб и душу Тебе посвятить
 И всю жизнь с каждым сердца биеньем.

Научи Ты меня соблюдать
 Лишь Твою милосердную волю,
 Научи никогда не роптать
 На свою многотрудную долю.

В последней строфе лирический герой просит Бога научить бескорыстной, глубокой любви к ближнему, ко всем живущим на земле:

Всех, которых пришел искупить
 Ты Своею Пречистою Кровью,
 Бескорыстной, глубокой любовью
 Научи меня, Боже, любить!

Таким образом, любовь к Богу помогает научиться любви ко всем людям, которых Иисус “пришел искупить Своею Пречистою Кровью”. “Верх и низ связаны друг с другом, – писал М. Бубер. – Слово того, кто хочет говорить с людьми и не говорит с Богом, не находит своего воплощения, а кто хочет говорить с Богом и не говорит с людьми, идет по ложному пути” (Бубер М. Два образа веры. М., 1995).

Лирический герой И.А. Бунина возносит Богу благодарственную молитву. Он благодарит Господа за вечернюю зарю, простор полей, кротость синей дали, пышный пламень заката и за самую возможность говорить с Богом:

За все Тебя, Господь, благодарю!
 Ты, после дня тревоги и печали,
 Даруешь мне вечернюю зарю,
 Простор полей и кротость синей дали.

Я одинок и ныне – как всегда.
Но вот закат разлил свой пышный пламень,
И тает в нем Вечерняя Звезда,
Дрожа насквозь, как самоцветный камень.

И счастлив я печальной судьбой,
И есть отрада сладкая в сознание,
Что я один в безмолвном созерцании,
Что всем я чужд и говорю – с Тобой.

А.А. Ахматова в стихотворении “Молитва” (1915) молится о России:

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар –
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

В стихотворении 1946 года она очень точно назвала молитву “пречистым словом”:

В каждом древе распятый Господь,
В каждом колосе тело Христово,
И молитвы пречистое слово
Исцеляет болящую плоть.

Но молитва исцеляет не только тело. Ее главная задача заключается в воспитании и врачевании души человека. В молитве люди находят утешение в горе и страданиях.

Молитва – одно из проявлений духовного красноречия, исключительный по своей значимости национально-прецедентный текст – вдохновляла многих русских поэтов на создание молитвы как особого поэтического жанра.

Липецк

ЭПИТЕТ МАСЛЯНИСТЫЙ У К.Г. ПАУСТОВСКОГО

А. Н. ШУСТОВ

Замечательный мастер русского слова, К.Г. Паустовский особое внимание уделял определениям. Он считал, что эпитет “должен быть точен, свеж и скуп”. Это высказывание относится и к эпитету *маслянистый*, который встречается в опубликованных сочинениях Паустовского 27 раз, при этом из них 16 приходится на “итоговую” автобиографическую “Повесть о жизни” (1946–1963).

Маслянистый представляет собой суффиксальное прилагательное со значением “содержащий то или сходный с тем, что названо в основе мотивирующего слова” (Грамматика современного русского литературного языка. АН СССР. М., 1970. § 465), т.е. оно имеет различные значения: похожий на масло (как бы покрытый им: лоснящийся, скользкий) и пропитанный маслом. Толковые словари приводят несколько единичных случаев употребления эпитета *маслянистый* русскими писателями: Н. Некрасовым, М. Салтыковым-Щедриным, Л. Леоновым, А. Куприным, М. Горьким, К. Фединым, М. Шолоховым.

Не фиксирует его Словарь эпитетов литературной русской речи А. Зеленецкого (1913 г.), а также ни один из словарей синонимов русского языка. Этому можно найти объяснение. Дело в том, что прилагательное *маслянистый* долго не воспринималось (пожалуй, и сейчас еще не всегда воспринимается) как художественный, а тем более поэтический эпитет из-за того, что оно носит либо явно выраженный “технический”, либо сатирически-отрицательный оттенок (см. у Салтыкова-Щедрина: “лицо покрыто маслянистой слизью”). Примеры поэтического употребления этого эпитета в художественной литературе крайне редки: “Маслянистое вино” (Некрасов), “маслянистые личоточки” (Федин).

Ни один из наших словарей не приводит примеров употребления прилагательного *маслянистый* И. Буниным. А между тем, уже в первом своем крупном произведении “Романтики” Паустовский ссылается на него: “Читал свои рассказы Бунин. Его глухой голос без интонаций усыплял. Сюртук был застегнут на все пуговицы <...> Но за этим сюртуком вдруг расцвела жаркая Иудея, и русский язык сверкал, как только что найденный клад золотых монет”. Позже в “Повести о

жизни” он вновь вспомнил о Бунине, выступавшем в 1914 году в Москве. Последний раз он видел его в 1920 году в Одессе перед отъездом Бунина в эмиграцию. Паустовский боготворил этого писателя и в 1961 году посвятил ему специальный очерк. В свою очередь, и Бунин высоко оценивал прозу Паустовского.

В приведенной цитате из “Романтиков” Паустовский упомянул древнюю Иудею, ожившую под пером Бунина. Действительно, в 1907–1911 годах Бунин опубликовал серию очерков, объединенных им позже в один цикл – “Тень птицы”, куда вошли описания его путешествий по Средиземному морю и библейской Палестине. В этих очерках, которые поразили молодого Паустовского, Бунин так описывает море: “Густым сине-лиловым маслом светит <...> вода”; море “было густое сине-лиловое масло”; “я с изумлением глядел на это горящее масло, лизавшее пароход”.

Такой художественно-эмоциональный образ действительно трудно забыть. И Паустовский позже прибегает к этому приему описания в своей прозе: “Вода в бухте казалась покрытой слоем темного оливкового масла” (1935); “Мы вышли не в море, а в лиловое пламя” (1957); “Море тяжелое и гладкое, как оливковое масло” (1961).

В своих очерках Бунин использовал и прилагательное *маслянистый*: “Маслянисто-золотые полосы” света из иллюминаторов падали на волны; “бронзово-зелеными маслянистыми бревнами лежали свиноголазые крокодилы”; река сливается с “маслянистой, жгуче-горькой и тускло-зеленоватой водой асфальтической”. В других произведениях тех лет: “под маслянистой желто-смуглой кожей”, “черны и маслянисты были его волосы, его борода, смугло и маслянисто лицо”. В период 1907–1913 годов Бунин особенно часто обращался к прилагательным с суффиксом *-ист*. В поэтических произведениях у него часто встречаются: *змеистый, смолистый, когтистый, каменистый, скалистый, лучистый, волнистый*... и, конечно же, *маслянистый* (“маслянистый блеск воды, огнями озаренной”).

Впервые эпитет *маслянистый* зафиксирован у Паустовского в “Романтиках”: “Маслянистая мастика сожгла горло”. Затем в 1924 году: “Черным лаком пылал асфальт, изъезженный маслянистыми шинами”. Позже – в 1930 и 1933 годах: “Маслянистый и соленый запах хамсы”, “розовое и маслянистое мясо лососины”, “маслянистые волны”. С 1944 года Паустовский вновь начинает употреблять этот эпитет. Помимо традиционно определяемых понятий: *вода, глаза, волна* – эпитет *маслянистый* используется писателем и применительно к таким понятиям, как *глыбы халвы, табак, медь*.

Наряду с этим для писателя характерны и метафорические эпитеты, определяющие отвлеченные понятия: запах, тепло, сладость. И здесь вновь прослеживается образная параллель в описаниях Бунина (прошел возле “вдыхающей машины, обдавшей... своим теплом и

запахом разогретого масла”) и Паустовского (“маслянистое тепло машинных отделений”).

В одних случаях описания Паустовского предельно реалистичны: “Маслянистая струя лилась с шумом из машинного отделения”; “Паровоз громко вздыхал, и из него капала на песок горячая маслянистая вода”; “Становилось вдвое жарче от раскаленного паровоза и лившегося из тендера маслянистого кипятка”. Здесь *струя, вода, кипяток* потому *маслянисты*, что действительно содержат масло. В одной из книг “Повести о жизни” Паустовский так и пишет: “...из паровоза неожиданно полилась... горячая вода, смешанная с машинным маслом”.

Но нередко встречаются неожиданности такого рода: “Она угощала меня пирожными-меренгами, таявшими во рту с маслянистой холодной сладостью”. Развернутые описательные образы ранних произведений (“Чубиров сиял <...> как вымазанный маслом кочегар”; машинист – “маленький, блестящий от машинного масла старик”) в автобиографической повести трансформируются в краткую, но емкую и выразительную характеристику: “Ходили, матерясь, маслянистые кочегары”.

Некоторые образы у Паустовского удивительно постоянны и стойки. Он пишет в 1930 году: нефть – “коричневая, с золотым жирным блеском”. И почти так же спустя тридцать лет описывает он “маслянистую коричневую с золотым отливом эмбенскую нефть”. Этот эпитет может нести разный эмоциональный заряд. Сравним две фразы: “Особенное отвращение вызывал у меня короткий человек с круглыми маслянистыми глазами” и “Почему-то мне хотелось, чтобы <...> смола в сердцевине сосен приобрела маслянистую красную окраску”. Отталкивающее впечатление – в первом случае и радостное восприятие природы – во втором.

У Паустовского встречаются описания, являющиеся синонимами прилагательного *маслянистый*, но все они более прозаичны, “просты”: *замасленная спина, блестящий от машинного масла старик, блестящие маслом паровозы, лоснящаяся от автола земля*. Как выигрывает по сравнению с ними емкая фраза: “Поезд спал. От него тянуло маслянистым теплом”. Точнее и выразительнее не скажешь!

К концу жизни, когда Паустовский, будучи уже тяжелобольным, писал автобиографическую “Повесть о жизни”, в которой “слова соперничают по силе воздействия с красками живописи” (Р. Фраерман), он высветил в памяти давно полюбившееся ему прилагательное, открыв в этом “сухом” слове большие художественные и синонимические возможности.

Санкт-Петербург

“Я вам несу мою мечту...”

О поэзии Н.Н. Матвеевой

© Ю. А. ОЗЕРОВ,
кандидат педагогических наук

В 2004 году исполняется 70 лет Новелле Николаевне Матвеевой – поэтессе, барду, переводчику.

Она стоит у истоков бардовской песни наряду с Б. Окуджавой, Ю. Визбором, М. Анчаровым. В 60-е годы этот жанр стал популярной формой духовного общения людей разных профессий, появились яркие “поющие поэты”: В. Высоцкий, А. Галич, А. Городницкий, А. Якушева, Ю. Кукин, Е. Клячкин, О. Митяев, Ю. Ким. Их лирический голос отличался искренностью, исповедальностью, романтическим мироощущением.

Благодаря помощи К. Чуковского и М. Атабекян в 1966 году на фирме “Мелодия” у Матвеевой вышел первый в нашей стране диск авторской песни. Диски-гиганты по 15–20 песен на каждом, а также гибкие пластинки продолжали появляться и в последующие годы. Голос исполнительницы, негромкий, но отважный, высокий, почти детский, не меняющийся с годами, вызывает пронзительное ощущение внутренней чистоты, естественности и одновременно драматической наполненности.

В творческой судьбе поэтессы принимали участие С. Маршак, В. Чивилихин, Н. Старшинов, Д. Кугультинов. С 1963 года рядом с ней был ее супруг Иван Семенович Киуру, тоже наделенный поэтическим даром, друг и соавтор, скончавшийся в 1992 году. Матвеева сочиняла

музыку и на его стихи: “Варданэ”, “Кони”, “Роща заалела”, “Табор”, “Мелодия для гитары”, “Мой вороненок” и др.

Как известно, бардовская песня – жанр синтетический: в нем талант поэта и композитора, музыканта-исполнителя и певца неразделимы. Если в эстрадной песне важна прежде всего музыкальная сторона, то в бардовской, по признанию Б. Окуджавы, именно текст, его качество определяет и музыку, и манеру исполнения. Правда, Матвеевой свойствен иной подход к своему творчеству: “Песня у меня потому и песня, что уже с самого начала имеет свою мелодию, которая, как правило, является мне раньше слов... Вообще же слова моих песен без мелодии невысказанны. Песенные слова для меня лишь выводы из музыки” (см.: Бардовская песня. М., 1993. С. 27). Тем не менее, в любом случае для авторской песни характерна гармония слова и мелодии, большая доступность и простота восприятия.

Сущность поэтического мировосприятия Матвеевой можно определить словом “романтика”. “Если для высокого романтизма наряду с высокими идеалами характерна внутренняя драматическая раздвоенность героев, глубоко трагический взгляд на мир, то романтике, при всем чувстве драматизма, свойственны мечтания и надежды, эмоциональная легкость и подвижность, окрыленная фантазия” (Русские писатели. XX век. Библиографический словарь: В 2 ч. Ч. 2. М., 1998. С. 35).

В своих песнях поэтесса с присущей ей активным темпераментом и смелостью обращается к романтическим образам и темам – морю, небу, дальним странам, экзотическим островам, сказочным городам, белым кораблям, облакам, парусам, маякам. Её любимые герои – таинственные капитаны, путешественники, всадники, первопроходцы, люди ищущие, одержимые открытием неведомого и прекрасного (“В предзвездном тумане”, “Братья капитаны”, “Летучий голландец”, “Синее море”, “Песни о дальней дали”, “Капитан без усов”, “Горизонт”, “Маяк”, “Есть путешественник”, “Предки Джимми”, “Миссури”, “Америка”, “Италия”, “Испанская песня”). Волшебный мир поэта-барда питается приключениями и сказками из книг Стивенсона, Лондона, Ж. Верна, Купера, Твена, Свифта, Гауфа, Гофмана, Станюковича.

Романтические устремления Матвеевой ближе всего к А. Грину, которого она считает своим учителем и с творчеством которого в её поэзии постоянно происходит переключки, что выражается в реминисценциях, как скрытых, так и явных. Книги писателя населены племенем сильных, гордых, самоотверженных, бескорыстных и добрых людей, а загадочно и необычно звучащие имена героев и городов, где они живут, поддерживают ощущение прекрасного, радостного, светлого, исходящего от этих книг.

Таким настроением пронизана пьеса “Предсказание Эгля” (по мотивам прозы Грина), в которую вошли тридцать три авторские песни,

придавшие романтическую тональность всему спектаклю. Заключительные строки одной из них (под тем же названием) обращены к той, которая ждет необыкновенный корабль:

Верь волне морей,
Верь судьбе своей –
Час наступит твой!
Ты увидишь блеск
Алых парусов:
Это – за тобой.

Для Матвеевой, как и для Грина, алые паруса – символ красивой справедливости, претворенной мечты.

Придуманый Грином мир вполне реален для поэтессы – при чтении создается полная иллюзия его достоверности. Как поэта гриновского направления, Матвееву отличает сочетание романтической фантазии с тонкой поэтизацией обыденного. Мир поэтессы реалистичен и психологичен. Энергичное вторжение в действительность с целью изменения ее для осуществления высокой мечты наполняет творения художника жизненной силой, чувством ответственности за происходящее на земле.

Для Матвеевой столь же натуральна, как Зурбаган для Грина, вымышленная, сказочная “Страна Дельфиния” с главным городом Кенгуру, который без автора не существует: “Пальмы без меня засохнут, Розы без меня заглохнут, Птицы без меня замолкнут...”. Но в этой стране, оказывается, живет обычная, деревенская родня, которая шлет ей письма с приветами и утверждает, что и без нее пальмы растут, розы цветут, птицы поют, то есть сказочный мир обретает реальность. Это тревожит: “Что там будет без меня?”. Поэтесса прибегает к психологическому параллелизму:

Набегают волны синие.
Зеленые? Нет, синие.
Набегают слезы горькие...
Смахну, стряхну, сотру.

В песне “Страна Дельфиния” используются также другие распространенные в лирике бардов приемы: образные эмоциональные сравнения (в сказочном краю “Белые конверты с почты Рвутся, как магнолии почки, Пахнут, как жасмин”), синтаксические, словесные и звуковые повторы, выражающие авторское настроение (“А вчера пришло, пришло, пришло Ко мне письмо, письмо, письмо”), аллитерации – сочетание, главным образом, плавных сонорных звуков (“Набегают волны синие... Как хамелеонов миллионы... Ласково цветет глициния – Она нежнее инея”). Поражает ритмическое и интонацион-

ное разнообразие песни, ее удивительная красочность, живописная картинность.

В страну мечты и романтики плывет и знаменитый “Кораблик” Матвеевой (под этим названием в 1963 году вышел ее второй сборник стихов). Склонность поэтессы к метафоричности, плодотворное следование традициям М. Цветаевой ярко проявились в этом стихотворении. Ее кораблик сам себя построил (“сам смолою себя пропитал, сам оделся и в дуб, и в металл”, сам себе лоцман, боцман, капитан. Он все видит, замечает, всех ободряет).

В стихотворении простое и естественное соединение двух интонаций, двух лексических пластов – возвышенного и обыденного. Если в первых двух строках возникают романтические ноты (“Над волнами, как сокол, парил”), то в двух следующих – разговорный, повседневный стиль (“Сам себя, говорят, смастерил”).

С одной стороны, кораблик “шумел парусами”, “о чем-то мечтал”, с другой – “корчил рожи последним царям”, “все записывал, все проверял”, “судачил” с другими судами, “все, что видел, на мачты мотал” – вспомним поговорку “мотать на ус”). Уменьшительно-ласкательная форма слова *кораблик* позволяет воспринимать его как живое существо, стремящееся к счастливой и свободной жизни. В свете этого образа постигается смысл слов самого автора: “Видимо, в глубине души я человек деятельный, и отсюда в стихах – путешественное начало. Я предпочитаю в стихе широкую географию узкой так же, как поток предпочла бы стоячей воде, красочную растительность – тусклой, льняную материю – синтетике, а живое яблоко – сухофрукту. Наверное, я просто нормальный человек... жажду приветствовать не тесноту, а пространство и стремиться к чему-то яркому” (Матвеева Н. Роскошь, доступная каждому // Вопросы литературы. 1988. № 7. С. 260).

В песнях Матвеевой действие может происходить не только в “вечно чудесных” и неизвестных странах, в горах или на берегу моря, но и на окраине родного города. В песне “Окраины, или Дома без крыш” автор передает свое ощущение причудливости погруженной в ночной сон новостройки, тонко используя метафору и ассоциацию: “на ветру волшебном” танцует “бумажный сор”, “дома без крыш” плывут куда-то, словно “корабли”, “кадка с какой-то краской” превращается в “челн”, “палка-мешалка” – в “весло”, “кадка-лодка” отнесена “цементными волнами” от “кораблей кирпичных”; в “белой ночной дали” чудятся какие-то “вышки вырезные”, краны кажутся “кружевными”.

Она находит красоту в самых, казалось бы, обыденных вещах, прозаических предметах. Образы реальные сближаются со сказочными. Романтика Матвеевой одновременно земная и возвышенная. С борта своего воображаемого кораблика она видит реальную картину московских окраин и в то же время воспринимает ее в ином, волшебном

свете. Сама поэтесса признается: «...тот “бумажный сор” написан с натуры. Если самообманом была вся та ночь, тогда и весь мир есть самообман, потому что прекрасней и замечательней, чем тот вечер, переходящий в ночь, я не видела. Я не считаю, что смогла передать всю его красоту, и даже тот летающий мусор не производил впечатление грязи. Просто я так вижу мир, он меня то очень возмущает, то, наоборот, оставляет как бы без языка для описания его... не красоты, нет... Красота это какое-то немножко сладкое слово, для описания его замечательности, скажем так...» (Истомин С., Денисенко Д. Самые знаменитые барды России. М., 2002. С. 268).

Так может утверждать только художник, в стихах и песнях которого сказочность и фантастичность идут от любви к жизни. Среди лучших песен поэтессы – “Фокусник”, “Пожарный”, “Цыганка-молдаванка”, “Вереск”, “Водосточные трубы”, “Старинный бродяга”, “Бездомный домовый”, “Какой большой ветер!”.

Любовная тема в лирике Матвеевой возникает не в стихах, а только в песнях: “Письмо к любимой”, “Ах, как долго едем!”, “Девушка из харчевни”. В последней автор использует сквозную метонимию. Тема тайной и безответной любви раскрывается через бытовые детали: когда любимый “уходил к другой”, о нем напоминал плащ, висящий на гвозде, когда он ушел навсегда – гвоздь в стене, потом – след от гвоздя, который вырвали из стенки... Однако память и верность противостоят случившемуся, любовь не умирает.

Особого внимания заслуживает книга стихов “Душа вещей” (1966). Поэтесса размышляет о поэте и поэзии, о творчестве и связи его с жизнью, о назначении искусства, о природе поэтического ремесла, о том, как рождаются образы ее стихов и песен. Книгу составили произведения, разные по направленности и интонации – лирические, остропублицистические, песенные, язвительно иронические, а иногда и сатирические. Свое поэтическое кредо автор высказала в одноименном стихотворении:

Мне скажут: брось мечты, рисуй действительность;
Пиши как есть: сапог, подкову, грушу...
Но есть и у действительности видимость,
А я ищу под видимостью душу.

“Душа вещей” (понятий, категорий, отношений) – “это скрытая от глаза их суть, концентрированная действительность, преображенная творческой фантазией, это романтическая сердцевина художественного образа, его святая святых” (Пустовойт П.Г. Образное слово Новеллы Матвеевой // Веч. ср. школа. 1996. № 3. С. 36). Поэтесса тяготеет к искусству аллегорическому, в котором условное, часто фантастическое помогает глубже постигнуть суть вещей.

Она провозглашает уход не от действительности, а от обыденности, от лежащих на поверхности “правильностей бешеных”, от которых, взбунтовавшись, хочется убежать “для озорства На остров красок смешанных, Где ночь – не ночь, И день – не день, Где пропасть необычного, где не сиренева сирень, Корица не коричневая” (“Краски”). Это фантастический остров Гель-Гью – вымышленный мир Грина.

В “Песне” поэтесса говорит о произвольности, непредумышленности своего творчества, не поддающегося контролю и рациональному объяснению:

Как сложилась песня у меня?
И сама не знаю, что сказать!
Я сама стараюсь
У огня
По частям снежинку разобрать!

Автор как бы оправдывает себя: пою как поется, пишу как пишется, а если начать вникать в логику образов, просвечивать их мертвящим светом анализа, – ничего от них не останется. Поэзию Матвеевой, по наблюдениям критика С.И. Чуприна (см. его вступительную статью “Республика грез Новеллы Матвеевой” к сб. “Избранное”. М., 1986), отличают такие качества, как абсолютная свобода самовыражения, эмоциональная раскованность, разнообразие и прихотливая гибкость ритмов и интонации, непринужденность любого внутристрихового “жеста”.

Поэтесса утверждает личностную независимость, единственность и неповторимость каждого духовного и жизненного опыта, одновременно выражая свою неприязнь к стертым словам, затасканным выражениям, ритмической и интонационной монотонности. Сонет “Штамп” заканчивается энергичными строчками:

Мне страшен штамп! Мне страшно трафарета:
Он глуп, смешон, но в нем – кончина света.

Сатирический портрет производителей и потребителей обывательски-мещанских “штампов” создан в стихотворении “Реквизит одного поэта” (“Все прелое, все квелое, томленное, Все – шмяклое, наплывшее на край”). Зная цену слову, применяя его честно и целомудренно, Матвеева беспощадна к вычурности и трюкачеству, кокетливости и претенциозности, о чем говорит в сонете “Рифма”:

И там, где рифма слишком потрясает,
От потрясения гибнет вся строка.

Если поэт думает не о смысле, а о форме, чтобы “покрасоваться”, поиграть словами, то созвучия в его стихе будут искусственными.

В стихотворении “Созвучья” автор заявляет: “Вот только не люблю, когда созвучья – Как на сосне березовые сучья”. Используемый здесь прием паронимии встречается и в “Старинном слове”: “Поэт и слава – нет опасней сплава”.

Ядовитой иронией пронизано стихотворение, в котором Матвеева обращается к некоему поэту, погрязшему в натуралистической тине:

Не пиши, не пиши, не печатай
Хриплых книг, восславляющих плоть.

Прибегая к метафорическому стилю, автор противопоставляет “плоти” “звезды разума, сполохи духа”, все возвышенное в человеке. Путь духовного возрождения тяжел и труден, зато легко скатиться к примитивности, обыденности, бездуховности минерального существования, и тогда мир плотских потребностей, голой чувственности и утробности приведет человечество на “путь от Платона к планктону И от Фидия к мидии...” (здесь поэтесса опять тонко и изящно использует возможности паронимии).

Духовная крепость, нравственная чистота и красота в самой Матвеевой поддерживается ее великими предшественниками в мировой литературе и искусстве, к которым она постоянно обращается и посвящает свои стихи: “Василий Андреевич”, “Лермонтов”, “Памяти Пришвина”, “Роберт Бернс”, “Шекспир”, “Генрих Гейне”, “Рембрандт”, “Рубенс”, “Питер Брейгель-старший”.

В последующие годы выходит ряд стихотворных и песенных сборников Матвеевой: “Ласточкина школа” (1973), “Река” (1978), “Закон песен” (1983), “Страна прибоя” (1983), “Хвала работе” (1987), “Нераспоржимый круг” (1991), “Менуэт” (1994), “Сонеты” (1998), “Мелодия для гитары” (1998), “Пастушеский дневник” (1998), “Караван” (2000), “Жасмин” (2001). С течением времени в ее лирике углубляются философичность, аналитичность, повышается интерес к современным общественным проблемам, взгляд становится диалектичным, мудрым и зорким, усложняется поэтическая палитра. Особенно это видно в осмыслении мироздания, природы. Постигание истины вещей, необходимость во всем доходить до сути – вот причины, которыми руководствуется художник.

Стихотворение “Следы” завершается призывными строками:

В путь!
Между разными звеньями
Рвусь восстанавливать связь.

Матвеева любит афористическую концовку, выражающую прямое отношение к теме.

Единоборство стихии и разума в душе человека составляет основу поэмы “Шпалы”. Если стихия ведет в никуда, в тупик, то “Только там хорошо и не страшно, Где высоко проложены шпалы”, то есть где в человеке присутствует организованное, волевое начало. Поэтесса утверждает:

Путь по шпалам не может не сбыться.
Невозможно на нем заблудиться.

Шпалы как бы берут на себя роль жизненного ориентира на сухопутном пространстве, сближаясь в этом смысле с надежным светом маяка в море – тоже символом добра. Эти же мотивы – прежде всего дисциплина поэтической мысли – проходят и в сонете “Завидую далеким временам...”:

Нужна узда горячим скакунам,
Обложка – книгам, рама всем портретам,
Плотина – разогнавшимся волнам,
Сонет – разговорившимся поэтам.

Стихотворение “Трюизмы”, в котором осмысливается тема морали, строится на приеме антитезы – столкновения контрастных понятий: пламя – ледник, насилие – добродетель, ум – глупость, волк – голубь. Автор гневно протестует против философии “беспредела” («все едино, Значит – “все дозволено»»), проводит мысль о недопустимости забвения незыблемых, испытанных столетиями нравственных ценностей в сознании и поведении современников.

Мысль о диалектике жизни и смерти тонко проведена в “Снежинке”. Гонимая ветром, она припала к оконному стеклу и тут же растаяла:

И только у смерти снежинка узнала,
Что в жизни бывает тепло.

В других стихотворениях о природе (“Лето”, “Дубрава”, “Зима”, “Степь”, “Акация”, “Лес”, “Река текла как дождь”, “Лунная ночь”, “Мороз”, “Алоэ”, “Дым”, “Водопад”, “Под прошлогоднюю листвой”) автор пытается понять жизнь деревьев, цветов, обитателей полей и рощ, полную загадок и тайного, сокровенного смысла. У Матвеевой природа одухотворена, она живет, дышит, волнуется, и мы словно видим, слышим, чувствуем ее желания и замыслы. Прикоснувшись к ней, поэтесса испытывает своеобразное просветление и очищение души, полнее осознает прелесть жизни, своего существования на земле. Это состояние великолепно передают в “Балладе круга” уменьшительно-ласкательные суффиксы и соответствующий ритм рефрена:

Только бы видеть листочки да лучики...
Только бы чаще мне были попутчики:
Тень на тропинке,
Полет паутины
И рощи несумрачный взгляд.

Стихи о природе поражают удивительной наблюдательностью автора. С помощью шестнадцати эмоционально-оценочных и цветовых эпитетов, отличающихся точностью и образностью, она определяет разные состояния льда (“Лики льда”). Длиннен ассоциативный ряд в “Гимне перцу”: “Орден кухни, герб кладовых... радостный гном”; а вот “подорожник – санитар испытанный” (“Лето”). Останавливают неожиданные сравнения: “Как раковины речные, Вдруг приоткрылись фиалки ночные” (“Ночные фиалки”), “Кольца на пне – как на воде круги” (“Древесина”), “Волны ерошливо машут пряжей, Как прядильщицы-бунтовщицы” (“Волны и скалы”); зрительные и слуховые образы: “Красно-рыжая с черным тайга” (“Сибирь”); “Медным зеркалом горит сухой закат” (“Степь”); ручей – “арфа звучная подо льдом” (“Зимние оргии”); “на веревке... лязгает промерзлое белье” (“Зима”); тавтологические сочетания: “Но нежен свет особой зимней негой” (“Дым”); “Можно пасть, чтоб не упасть, И упасть, чтобы не пасть” (“Водопад”); звукопись: “В лощинах снег, слоистый, как слюда...”; “Баклажаны бока отлежали...”; “Листовую сталью лютой стужи” (“Зима”).

Поэтесса любит, что видит за окном: кустом шиповника, душистым горошком на изгороди, вечерним дождем, простой кувшинкой, кочаном капусты, майским жуком, и каждый раз создает живописные “пейзажные” зарисовки, открывая читателю земную красоту.

С годами лирико-романтическое начало в поэзии Матвеевой не ослабевает, хотя критики не раз упрекали ее в приверженности к экзотике, в бегстве от действительности, в оторванности от жизни, говорили, что фантазия уводит ее в иллюзорную область мечты. На самом деле экзотика у поэтессы является неизбежным спутником романтических странствий, она помогает соединить далекое с непосредственно окружающим. К тому же, сама поэзия имеет право на вымысел, на фантазию, дающую возможность понять реальную жизнь, утверждать пока не существующее в ней; да и тяга к чудесам помогает преодолевать однообразие быта, дисгармонию жизненной прозы.

Ее “вольнодумство и независимость” привели к тому, что она “оказалась непонятой (впрочем, как всякий большой поэт), несвоевременной и, по крупному счету, не востребованной” (Красников Г.Н. Роковая зацепка за жизнь, или В поисках утраченного неба. М., 2002. С. 213, 216).

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИ ТВОРИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНЕНИЯ

© Ю. Ю. УШАКОВА,
кандидат филологических наук

Конструкция со значением образного сравнения, выраженная творительным падежом, достаточно часто включает в свой состав определения, которые несут различную смысловую нагрузку.

Известный чешский лингвист Р. Мразек говорит о творительном сравнении с атрибутом как об отдельной разновидности этой конструкции (Мразек Р. Синтаксис русского творительного (Структурно-сравнительное исследование). Прага, 1964. С. 72), поскольку присутствие атрибута наблюдается прежде всего (или почти исключительно) в художественном тексте, а не в устной разговорной речи с ее стремлением к лаконичности.

В некоторых случаях атрибут структурно и семантически обязателен: “Оранжевый сок в стакане сиял *электрическим светом*” (курсив здесь и далее наш. – Ю.У.); “*Рыбьей* чешуей блеснула сталь...” (Устинова); “Глаза полковника сверкнули *бритвенными лезвиями*” (Довлатов). Гораздо более интересны случаи, когда определения семантически и стилистически значимы для художественного текста. Прежде всего, появление атрибута может влиять на само значение падежной конструкции. Так, значение сравнения в творительном падеже может возникать именно за счет присутствия при нем определения: “А он вор, вор, он преступник, которого обложили со всех сторон свои и чужие, и он не знает, как ему теперь спастись, и который бежит, бежит *затравленным зверем* в надежде, что уйдет...” (Устинова). Существу-

ет штамп *смотреть зверем*. Определение *затравленный*, во-первых, обуславливает само сравнительное значение конструкции и, во-вторых, семантически окрашивает действие: *бежать затравленным зверем*.

С необходимостью определения мы встречаемся также и в том случае, когда без него была бы невозможна лексическая сочетаемость творительного сравнения и глагола: “Кипит, играет и спешит, Крутясь *хрустальными* клубами, И под ветвистыми дубами Стеклом *расплавленным* бежит [родник]” (Бунин).

Атрибут редко бывает семантически нейтральным по отношению к конструкции и к художественному тексту в целом. Относительно факультативным его можно считать, вероятно, в том случае, когда он конкретизирует объект сравнения, внося о нем какую-то новую информацию непринципиального содержания: “Кое-где лишь пестрели *зелеными* пятнами небольшие березовые рощи” (Тургенев); “Дивно рисовались на золотой эмали заката *серыми* кораллом сучья в инее”; “Как в светлой влаге голыши Дрожат мозаикой *узорной*”; “Березы *желтою* резьбой Блестят в лазури голубой” (Бунин); “На горизонте молнии *белыми* лентами непрерывно бросались из туч в море” (Чехов); “На зеленой траве *серыми* комьями лежали овцы”; “*Алой* розой цвела ветчина” (Довлатов); “Кофе стремительно поднялся *ноздrevатой* *коричневой* шапкой” (Устинова); “За окном *черным* комочком по белому снегу передвигается моя дочь”; “...И каша шлепается *жидкой* кляской на нянькино лицо” (Токарева).

В большинстве случаев эта дополнительная информация касается цвета, размера или каких-то других внешних характеристик предмета или его свойств и часто предполагается семантикой субъекта сравнения.

Но даже факультативный атрибут вряд ли является полностью семантически нейтральным по отношению к содержательной стороне конструкции, конкретизируя, зрительно приближая образ, делая его материально осязаемым, живым: “Там густо валили *черно-багровым* руном клубы дыма” (Бунин). Как обеднел бы образ без этого цветового мазка! Или изображение двух водоемов, представленных как зеркала, но совершенно непохожих друг на друга из-за определений: “Нет солнца, но светлы пруды, Стоят зеркалами *литыми*...” (Бунин) и “Пруд стоял громадным *черным* зеркалом...” (Бунин).

Атрибут может быть семантически избыточным в зависимости от характера действия, субъекта и объекта сравнения, и в этом случае он выполняет функцию усиления их признаков, являясь своего рода интенсификатором: “А сам останусь на чужбине сиротой *бесприютной* прозябать” (Аксаков). И семантика глагола *прозябать*, и семантика объекта сравнения *сирота* предполагает бесприютность, но это дополнительно подчеркивается атрибутом. “*Морская* – так иди в свои моря! Оставь меня, скитайся вольной птицей!” (Ахмадулина). Семан-

тика глагола *скитаться* и объект сравнения *птицей* предполагают признак вольности, который усиливается определением.

Еще примеры: "...Промелькнет Велосипед *бесшумным* махом птицы, Да прогремит в немецкой фуре лед" (Бунин); "Вдруг жизнь показалась ему прекрасною, вдруг надежда загорелась *яркой* звездой в душе его"; "Любовь для нее не была занятием мазурки или модного безделья: она загорелась в душе звездой *неугасаемой*" (Соллогуб); "У них тогда любовь горела *ярким* факелом"; "Волосы лежат *сплошным* полотно и блестят" (Токарева); "Гена чувствовал себя *благородным* рыцарем, защищающим честь прекрасной дамы" (Мальшева); «Дешевая "огненная" вода ... *раскаленной* лавой прокатилась по пищеводу...» (Донцова); "И тогда наши критики <...> *голодными* ястребами кидаются на добычу" (Довлатов).

Атрибут, давая оценку объекту сравнения, может даже принимать на себя его основной семантический вес. Это происходит, во-первых, при семантической неполноценности объекта сравнения без атрибута: "Иван Алибеков лежал у ног *бесхозным, невозделанным* участком. На нем еще пахать и пахать. Земля благодатна" (Токарева); "Но из прошлого, из былой печали, как ни сетую, как там ни молю, проливается *черными* ручьями эта музыка прямо в кровь мою"; "К ним бежит букашка божья, *бедной* барышней бежит" (Окуджава); "Не дайте, чтоб измыслие вошло *поганым* войском в млечный мир дитяти" (Ахмадулина) "Портвейн распространялся *доброй* вестью, окрашивая мир тонами нежности и снисхождения" (Довлатов).

Без атрибута в объекте сравнения акцентировалось бы присутствующее в нем значение, не соответствующее конкретному авторскому замыслу: "По вечерам в чужом окне сияла *кроткою* звездой их жизнь, неведомая мне" (Ахмадулина). Вне определения *кроткая* в объекте сравнения *звезда* на передний план выступило бы значение активного свечения, яркости, этому не прелятировала бы и семантика глагола *сияла*, что совершенно меняло бы смысл текста.

Аналогично: "Молодость не кипела в нем ключом; она светилась *тихим* светом" (Тургенев); "Чудовищем *ручным* в чужих домах/нести две влажных черноты в глазницах" (Ахмадулина).

Определение, помимо разрушения языкового штампа, создает новый образ: "Прорезав ночь *оранжевой* чертой, Взвилась ракета *бешеной* змеею" (Бунин). Семантика глагола *взвиться* предполагает стремительность движения, что дополнительно усиливается определением при объекте сравнения: не просто змея, а *бешеная* змея. Без определения признак, по которому идет сравнение ракеты со змеей, касается прежде всего внешнего впечатления от взмывшей вверх ракеты, формы траектории ее движения, тогда как атрибут *бешеная* добавляет к признаку сравнения, то есть делает общим у субъекта и объекта сравнения, еще и скорость.

Или: “...И сыплются листья дождем *золотым*” (Бунин). Здесь за счет атрибута основной акцент в образе делается не на интенсивности падения листьев (что мы имели бы без определения: *сыплются листья дождем*), а именно на их цвет, который становится уже принципиально важным.

Как известно, творительный сравнения стремится порвать семантическую связь с субъектом сравнения и “онаречиться”, став языковым штампом и утратив первоначальную образность. Этому процессу противостоит употребление определения, которое, несмотря на свою внешнюю необязательность, принципиально важно для создания художественного образа. Поясим на примере: *Таня птицей порхала вокруг стола*, т.е. *Таня легко порхала вокруг стола*. Порхать птицей – языковой штамп с явно преобладающей приглагольной семантической связью у творительного сравнения и со стремлением его к адвербиализации. “Таня серой *тонкой* птицей порхала вокруг стола...” (Улицкая), т.е. Таня напоминала серую тонкую птицу, порхая вокруг стола, – мы видим возвращение точного образного значения. Или: «Иногда... она пробиралась в комнату родителей, ситцевой рыбкой ныряла между ними и сонным счастливым голосом требовала “обнять и поцеловать”» (Улицкая).

Таким образом, определение при творительном сравнения в абсолютном большинстве случаев несет значительную смысловую и эстетическую нагрузку, часто добавляя принципиально важное значение в компаративную конструкцию и являясь ярким средством выражения авторского замысла и сообщения тексту дополнительной выразительности.

Калуга

ШКОЛА ДЛЯ ЧИНОВНИКОВ

IV

© М. Н. ПАНОВА,
кандидат филологических наук

Мы продолжаем разговор о преподавании русского языка и культуры речи государственным служащим (см. Русская речь. 2003 № 3; 2004. №№ 2, 3) и рассмотрим в этой статье некоторые типичные ошибки, связанные с несоблюдением грамматических норм в устной и письменной служебной речи.

Многие из этих ошибок встречаются также в разговорной речи и в СМИ; есть среди них и отклонения от грамматических норм литературного языка, характерные именно для речевого поведения работников органов государственного управления и связанные с их профессиональной деятельностью.

Поскольку краткий коррективовочный курс не дает возможности проанализировать все актуальные примеры по данной теме, прежде всего мы знакомим слушателей с некоторыми словарями и справочниками, которые рекомендуем приобрести и использовать в повседневной практике. Это следующие издания: Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. М., 2001; Еськова Н.А. Краткий словарь трудностей русского языка (Грамматические формы. Ударение). М., 2001; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка. М., 2001; Иванова Т.Ф., Черкасова Т.А. Русская речь в эфире. Комплексный справочник. М., 2002; Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1998.

Рассмотрим трудности употребления некоторых грамматических форм.

Как известно, многие имена существительные мужского рода, обозначающие лицо по профессии, занимаемой должности, выполняемой работе, ученому званию и ученой степени, в официально-деловой речи сохраняют свою форму и в тех случаях, когда относятся к лицам женского пола: *сотрудник, депутат, ветеран, судья, адвокат, доцент, профессор, кандидат и доктор наук, лауреат*. Для некоторых наименований должностей в литературном языке существуют варианты: *заведующий – заведующая (детским садом), начальник – началь-*

ница (лаборатории), управляющий – управляющая (учреждением). Но в официально-деловом стиле предпочтительно сохранять форму мужского рода, если речь идет о номенклатурном наименовании должности: *заведующий отделом, управляющий трестом*. Принадлежность лица к женскому полу в этих случаях может обозначаться синтаксически: глаголом-сказуемым в форме женского рода прошедшего времени: *судья объявила, депутат выступила*. Однако определяются только в форме мужского рода: *она известный депутат, она опытный политик*.

Примеры ошибок:

И. Хакамада – одна из известных российских политиков. Г. Старовойтова была одной из немногих профессиональных парламентариев в стране.

Многие имена существительные, которые раньше употреблялись в форме женского рода или параллельных формах мужского и женского рода, в современном литературном языке имеют форму мужского рода. Это существительные *рельс, корректив* (поэтому следует говорить: *внесение коррективов, компонент* (как составная часть чего-л.), *табель* (*отметить в табеле*, но в *Петровской Табели о рангах*). Интересный для госслужащих факт: существительное *карьер* – продвижение по службе – в XIX в. употреблялось и в форме мужского рода: “Ведь надобно ж служа открыть себе карьер” (Хмельницкий. Воздушные замки, 1818 г.) – пример из “Историко-этимологического словаря современного русского языка” П.Я. Черных (М., 1993. С. 384). В произведениях классиков русской литературы также можно встретить подобное употребление.

При анализе трудных случаев склонения фамилий, особенно если речь идет о так называемых нестандартных фамилиях, обращается внимание на существование для каждого конкретного случая определенных правил и рекомендаций. Так, в официально-деловой речи не следует склонять женские и мужские фамилии, оканчивающиеся на -о (-ко, -енко): *Шило, Безбородко, Кириенко*.

Фамилии, оканчивающиеся на согласную, за исключением фамилий на -ых(-их), а также стандартных русских фамилий на -ов, -ев, -ин, -ын, как известно, склоняются, если относятся к мужчинам, не склоняются, если относятся к женщинам, например: *сообщить Алексею Кравчуку, но Елене Кравчук*. «Частые отступления от правила (несклоняемость русских мужских фамилий, оканчивающихся на согласный звук), – считают некоторые лингвисты, – наблюдаются в тех случаях, когда фамилия совпадает с названием животного или предмета неодушевленного (Гусь, Ремень), во избежание непривычных или курьезных сочетаний, например “у господина Гуся”, “господину Ремню”. Нередко в подобных случаях, особенно в официально-деловой

речи, сохраняют фамилию в начальной форме» (См. упомянутый выше «Справочник...» Д.Э. Розенталя и др. С. 207). На практике в официально-деловой речи исключение делается не только для «зоологических» или других действительно неблагозвучных фамилий, вызывающих нежелательные ассоциации. Нередко руководитель подразделения (особенно это относится к силовым структурам) настаивает на невозможности склонения своей фамилии, никак не мотивируя свое требование, что, по нашему мнению, недопустимо.

Фамилии на неударное *-а*, напротив, в большинстве случаев склоняются. Исключение составляют, как отмечается в справочных пособиях, фамилии малоизвестные и достаточно экзотические с точки зрения русского языка, среди которых финские, исландские, многие грузинские фамилии, в том числе на *-иа* (*Гулиа*), и большинство японских. В словаре «Грамматическая правильность русской речи» в качестве рекомендации для таких фамилий предлагается «последовательное склонение вне зависимости от национальной принадлежности собственного имени» (С. 232). Однако в речевой практике, на занятиях мы сталкиваемся с трудностями и сомнениями при решении этого непростого вопроса. Поскольку к исключениям относится большая часть японских фамилий, может быть, фамилию *Хакамада* не следует склонять не только потому, что об этом прост ее известная обладательница?

Примеры ошибок:

Сообщить Лукашенке, распоряжение Наздратенки, письмо от Варга (им. пад. – *Варга*), *ответ А. Черныха, распоряжение Ивана Деркач*.

Неумение склонять (или неумение правильно склонять) количественные и порядковые числительные – большой вопрос, который постоянно поднимают лингвисты в публикациях, посвященных культуре речи в современном обществе. Часто встречаются ошибки, связанные с неразличением при склонении форм числительных *оба, обе: представители обеих стран*. Типичной ошибкой можно назвать и неправильное употребление собирательных числительных, которые даже в разговорной речи не должны сочетаться с существительными женского рода: не *двое сотрудниц*, а *две сотрудницы*. Что касается их нормативного употребления с одушевленными существительными мужского рода, необходимо учитывать, что иногда «они вносят сниженный оттенок значения», поэтому «два профессора», «три генерала», а не «двое профессоров», «трое генералов» (См. Розенталя Д.Э. и др. Справочник по правописанию... С. 232). Эту рекомендацию можно отнести ко всем существительным, обозначающим руководящие должности, ученые звания, ученые степени, некоторые воинские звания называемых лиц и т.д. Таким образом, выбор правильного варианта языковой нормы связан в данном случае с экстралингвистичес-

ким фактором – социальным и профессиональным статусом лица, престижем профессии или должности.

Примеры ошибок:

Семь из пятиста самых богатых людей мира живут в России.

В Госдуме они обладали пятидесятью мандатами.

В двух тысяча четвертом году проект будет претворен в жизнь.

Эти принципы приемлемы для обеих сторон.

В прошлом году защитились трое его аспиранток.

Нередки случаи неточного выбора сравнительной степени имени прилагательного, например: “Руководители государственных органов власти становятся в своих действиях *много гибче*, чем раньше”. Дело в том, что простая форма сравнительной степени прилагательных может употребляться во всех речевых стилях, но официально-деловой речи в большей степени свойственна сложная. Поэтому в данном случае лучше было сказать, а тем более написать: “...становятся в своих действиях *значительно более гибкими...*”. Не рекомендуется употреблять в строго официальном общении формы сравнительной степени прилагательных с приставкой *по-*, они характерны для разговорной речи: не *получше*, *похуже* (сделать что-л.), а *лучше*, *хуже* и т.д. Следует помнить о том, что от прилагательного *молодой* образуется форма сравнительной степени *моложе*, а *младше* имеет значение “ниже по званию, по должности, по чину”.

Особое внимание на занятиях уделяется актуальной для госслужащих теме – согласованию приложений – географических названий. В устной деловой речи, в ситуациях не строго официального общения рекомендуется употребление словосочетаний *в городе Москве, власти города Саратова, в городе Ялте, на реке Оби* – здесь название города согласуется в падеже с определяемым словом. Подчеркивается недопустимость согласования в *городе Иванове*, потому что названия административно-территориальных единиц на *-ов(о), ев-(о), -ын(о), -ин(о)* не согласуются в падеже с определяемым словом (*город, деревня, поселок*). Употребляемые же без определяемого слова существительные – топонимы на *-о* в литературном языке склоняются: *из Стругина, в Переделкине*.

Однако “в отличие от общелитературного употребления в языке служебных документов (особенно военных, географических, дипломатических) обычно не изменяются и не согласуются с родовыми наименованиями названия городов, сел, деревень, станций, островов, рек, гор, пустынь и т.д.: в городе Ялта, на реке Ось” (Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 1998. С. 115).

Ошибки в именных и глагольных сочетаниях, связанные с неправильным грамматическим управлением – выбором неверного падежа или (и) предлога – это наиболее распространенные в служебной речи грамматические ошибки:

Никакой опасности жителям поселка эти пожары не представляют; Об этом нам говорят выпускники кафедр с различных субъектов Федерации; См. также: приехать с регионов, прийти с Госдумы; Подорвано доверие в правоохранительные органы; Все, кому есть хоть капля стыда за нашу страну, должны объединиться; На ее решение необходимо подключить соответствующую структуру при Президенте РФ; В работе охарактеризованы взаимоотношения среди персонала госслужбы; Он спит и видит о лаврах бесноватого Гитлера. Согласно приказа начальник отдела переведен на новую должность.

В современном русском языке различаются значением словосочетания *управление чего-л.* и *управление чем-л.* В значении “организация” слово *управление* употребляется с существительным в форме родительного падежа: *управление кадров* (ср.: *отдел кадров*), *Управление внутренних дел*. В значении “действие” слово *управление* употребляется с существительным в форме творительного падежа: *управление кадрами государственной службы*.

Форма управляемого существительного при слове *контроль* тоже зависит от значения. Конструкция *контроль за чем-л.* употребляется, когда зависимое существительное обозначает действие: *контроль за выполнением*. Если же зависимое существительное обозначает конкретный предмет, употребляется конструкция *контроль над чем-л.*: *контроль над финансами*.

Много вопросов возникает у госслужащих в связи с выбором предлога: *в* или *на* в словосочетании с названием государства Украина: *в Украину (в Украине)* или *на Украину (на Украине)* и, соответственно, *с Украины* или *из Украины*. Дело в том, что в наши дни не только в СМИ, но и в межгосударственной деловой переписке чаще употребляется вариант *в Украине*. На прошлогодней Международной книжной ярмарке в Москве президент Украины Л. Кучма, представлявший там свою книгу “Украина – не Россия”, вопрос о причинах стремительного распространения выражения “в Украине” переадресовал филологам. Как истинный дипломат, Л. Кучма отметил, что, по его мнению, *на Украине* “просто звучит некрасиво” (Книжное обозрение. 2003. 8 сент.).

Как известно, “словосочетание *на Украину* возникло под влиянием украинского языка (ср.: *на Полтавщину/Полтавщине, на Черниговщину/Черниговщине*) и поддерживается выражением *на окраине*” (См. Розенталь Д.Э. и др. Справочник... С. 288). “По соображениям национального престижа”, дескать, “с Украины” – значит “с окраины” (хотя исторически это именно так) украинскими политиками эта форма была осуждена как неправильная и отвергнута”, – отмечают авторы книги “Не говори шершавым языком”, подчеркивая явное “национально-политическое происхождение” данного словосочетания (См. Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком. М., 1999. С. 152).

В русском языке сосуществуют равноправные варианты топонимов: *на Кипре* и *в Республике Кипр*, *на Кубе* и *в Республике Куба*. У государства Украина нет статуса республики, и аналогичная форма невозможна. Несмотря на активное употребление сочетаний *в Украину*, *из Украины* в речи многих российских политиков, чиновников, журналистов мы квалифицируем данную форму как проявление “ложно понятой политкорректности” (См.: Эр. Хан-Пира. Русский язык. 2001. № 46) и рассматриваем этот вопрос – не только лингвистический, но и общественно-политический – в рамках дискуссии о целесообразности подобных сомнительных инноваций, когда речь идет о нормах русского языка.

Грамматико-стилистическую норму нарушает наличие общего зависимого слова при различном грамматическом управлении, например: *в соответствии и на основе распоряжения, организация и управление государственной службой*.

При перечислении однородных членов предложения и в устной, и в письменной служебной речи нередко пропускается предлог, например: *на предприятиях, организациях и учреждениях*.

Несовпадение в предложении с деепричастным оборотом производителя действия, выраженного глаголом-сказуемым, и производителя действия, выраженного деепричастием, также приводит к грамматической ошибке: *Анализируя проблемы государственной службы, нами были высказаны конкретные предложения; Неужели, собрав такой урожай зерна, наш насущный станет дороже?*

Довольно часто встречаются ошибки в использовании фразеологизмов, которые заключаются в искажении грамматической формы компонентов оборота. «Во фразеологическом составе русского языка есть немало фразеологизмов, имеющих какой-нибудь грамматический архаизм – старинную падежную форму (*притча во языцех*), старинную форму глагольного времени (*погибоша аки обры*) и т.д. К ним принадлежит и *нашего полку прибыло*. Не понимая этого, некоторые авторы бессознательно осовременивают грамматический облик слова, используя конструкторку с предлогом “в”» (Рахманина Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык. М., 2003. С. 253). Так же, как и в предложении “*в милицейском полку прибыло*”, в словосочетании “*власть предержавшие*” искажена грамматическая структура фразеологического оборота. Причина подобной ошибки, описанной Ю.Л. Воротниковым, – “контаминация этого выражения (*власть предержавшая*. – М.П.) с очень близким по значению и по форме устойчивым сочетанием *власть имущие*” (Русская речь. 2002. № 4).

Примеры ошибок:

Не считаться с ними власть предержавшие не могли; Это понимание у власть предержавших станет превалировать над узкоэгоистическими интересами.

Назовем и другие грамматические ошибки, встречающиеся преимущественно в речи государственных служащих и политиков. Политико-административному жаргону свойственно ненормальное абсолютное (без дополнения) употребление глаголов *определиться* (вместо “определить свою позицию по какому-л. вопросу”) и *высказаться* (вместо “высказать свою точку зрения по какому-л. вопросу”), например: *Мы должны определиться в этом вопросе; Необходимо все же определиться до логического завершения с административной реформой; Правительство хочет высказаться по этой поправке.*

В отличие от литературного языка, в котором глагол *голосовать/проголосовать* употребляется с предлогом *за* и существительным в винительном падеже (*проголосовать за что-л.*), в политико-административном жаргоне, как правило, этот глагол употребляется без предлога, как переходный (*проголосовать что-л., кого-л.*): *проголосовать закон, поправку, кандидатуру.*

Конструкции с предлогом *по* вместо других предлогов, придающие высказыванию канцелярский характер, тоже примета политико-административного жаргона: *проблема по энергообеспечению северных территорий, вопрос по голосованию, выставки по энергосбережению, программы по Индии; температуры по Сибири; распределение ответов респондентов по данному вопросу.*

Известно, что некоторые вещественные и отвлеченные имена существительные, употребленные в конкретном значении, в профессиональных языках имеют форму множественного числа: *корма* – в значении “разновидности корма” (в животноводстве), *чаи* – в значении “сорта чая” (в пищевой промышленности), *почвы* – в значении “виды почвы” (в биологии и почвоведении), *банковские риски* – в значении “виды рисков” (в сфере экономики и финансов), *вызовы терроризма* – в значении “провокации террористического сообщества” (в сфере политики). Подобное употребление характеризует и политико-административный жаргон, например: *провести структурные реорганизации, допустить дезорганизации в работе с кадрами* – о неординарных и конкретных случаях реорганизации и дезорганизации на госслужбе; *угрозы для конфиденциальности служебной информации* – о разновидностях такой угрозы, *разные менталитеты* – о типах менталитета.

В последнее десятилетие не только в СМИ, но и в научных работах, особенно в области политической социологии, высший политический и административный слой общества принято называть *элитой*. В статьях и учебных пособиях по данной проблематике употребляются следующие словосочетания: *политические элиты, региональные элиты, правящие элиты, рекрутизация элит.*

Исследователи подчеркивают, что всякое профессиональное отклонение от правил литературного языка может быть отнесено в раз-

ряд допустимых в специальных сферах и квалифицировано как профессиональный вариант. Иногда налицо прямая ошибка или отклонение от нормы в терминологическом ударении, словообразовании или словоупотреблении” (Культура русской речи. Учебник для вузов. Под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева М., 1998. С. 206). Именно поэтому описанные выше и распространенные в профессиональной речи чиновников ошибки – в статьях мы рассмотрели лишь некоторые из них – становятся предметом анализа на занятиях по русскому языку и культуре речи в Российской академии государственной службы.

А теперь, уважаемые читатели, предлагаем вам выполнить следующие задания.

Задание 1. Найдите и исправьте грамматические ошибки в следующих предложениях:

1. Следует отличать ошибки и заблуждения.
2. Они заинтересованы о том, чтобы у заведующего отдела была поддержка.
3. Вопреки распоряжения администрации завода график работы не изменился.
4. Чем характерна ситуация в отрасли?
5. Система управления госслужбы нуждается в реорганизации.

Задание 2. Поставьте числительные в нужную форму.

1. Издан краткий энциклопедический словарь, состоящий из 956 статей.
2. Подарить сувениры 697 гостям конференции.
3. Познакомиться с 7486 личными делами.
4. Из 1758 бюллетеней 10% оказались недействительными.
5. Лидеры (оба, обе?) государств.

Ответы к заданиям см. на с. 127.

Прилагательное *пошлый* в научной и наивной лексикографии

© О. Е. ФРОЛОВА,
кандидат педагогических наук

Сложность и размытость семантики слов *пошлый*, *пошлость* заставляет нас в первую очередь обратиться к специальной лингвистической литературе и толковым словарям.

В.В. Виноградов, рассматривая историю формирования современного значения, указывает на то, что слово *пошлый* – русское, народное и выделяет следующие значения: “1) исстари ведущийся, старинный, исконный, искони принадлежащий; 2) прежний, обычный” (Виноградов В.В. История слов. М., 1999. С. 531). Он полагал, что отрицательный оттенок значения в семантике слова *пошлый* формировался в конце XVII – начале XVIII века.

Между тем толковые словари фиксируют прилагательное *пошлый* лишь с середины XIX века. “Словарь церковнославянского и русского языка” 1847 года объясняет интересующее нас слово так: “Пошлый – 1. Низкий качеством, весьма обыкновенный, маловажный. *Пошлая живопись на картинах обливает младенчество искусства.* 2. Низкий, простоватый. *Пошлые речи.* 3. *Стар.* Бывший издавна в обычае, или в употреблении. *А ездоки ездят пошлою дорогою.* 4. *Стар.* Стародавний, исконный, принадлежащий издавна кому-либо. *А люди мои пошлые, ... а те люди детям моим по половине. Пошлый дурак то же, что избитый или совершенный дурак*”. На современное употребление указывает только пример, приведенный в качестве иллюстрации второго значения: *пошлые речи*.

“Современную” семантику слова фиксирует В.И. Даль, помещая слово *пошлый* в статью *пошлина*: “*стар.* Давний, стародавний, что исстари ведется; старинный, древний, ис(спо)конный. Ныне: избитый, общеизвестный, надокучивший, вышедший из обычая; неприличный, почитаемый грубым, простым, низким, подлым, площадным; вульгарный, тривиальный. *Пошлые шутки и речи. Эти пошлые романы надоели; Пошлый человек, пошляк, пошлянка, пошлячка*” (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. С. 374). В.И. Даль отмечает как устаревшее значение, так и актуальное. Он же был первым, предложившим объяснение значения близких семантически единиц как круг. *Пошлый* у В.И. Даля трактуется через *вульгарный*.

“Словарь русского языка” в 4-х т. (МАС) под редакцией А.П. Евгеньевой толкует семантику слова *пошлый*, следуя В.И. Далю: “1. Низкий, ничтожный в духовном, нравственном отношении // Свойственный низкому в нравственном отношении человеку // Содержащий в себе что-л. неприличное, непристойное; 2. Неоригинальный, надоевший, избитый, банальный // Безвкусно-грубый, вульгарный”.

Мы видим свою задачу в том, чтобы определить, 1) какие единицы сближаются в лексикографии слова *пошлый*; 2) насколько носители русского языка владеют значением этого слова.

В сознании носителя русского языка слово *пошлый* оказывается в ряду близких по значению слов: *вульгарный*, *тривиальный*, *банальный*, *избитый*, *мещанский*, *обывательский*, *плоский*, *сальный*. Этот ряд формируется двумя семантическими центрами, которые отметил еще В.И. Даль: условно говоря, *пошлый* “выше пояса” – в терминологии В.И. Даля “избитый, общеизвестный, надокучивший, тривиальный”, и “ниже пояса” – “неприличный, почитаемый грубым, простым, низким, подлым, площадным”.

Анализ толкований слова *пошлый*, а также семантически близких слов, приведенных в МАС, показывает, что в правой части словарной статьи слова *пошлый* оказываются *избитый*, *банальный*, *вульгарный*. Семантика прилагательного *вульгарный* толкуется через обращение к слову *пошлый*. Само слово *пошлый*, или *опошленный*, как инструмент толкования помещено в правой части словарной статьи для прилагательных *тривиальный*, *банальный*, *избитый*.

Эта “двуполосность” семантики слова *пошлый* препятствует появлению у него полных синонимов. К полюсу “выше пояса” тяготеют *тривиальный*, *банальный*, *избитый*, к полюсу “ниже пояса” – *плоский*, *сальный*.

Еще одно обстоятельство, требующее внимания: разделение атрибутивного и предикатного употребления слова *пошлый*. Выражения *пошлая шутка*, *пошлый анекдот* синонимичны словосочетаниям с прилагательным *сальный* и понимаются однозначно как грубые шутка или анекдот на сексуальную тему. Предложение *Это – пошлость* семантизируется гораздо труднее.

Сначала, основываясь на употребительности выражения *говорить пошлости* и невозможности **говорить вульгарности*, а также естественности *выглядеть вульгарно*, но сомнительности *выглядеть пошло*, выскажем предположение о том, что *пошлость* а) предполагает негативную оценку чего-либо с содержательной стороны, что б) данное слово связано со сферой речи. Что касается *вульгарности*, в семантике этого слова можно предположить присутствие наблюдателя, поскольку по-русски совершенно естественно сказать: *вульгарная расцветка*, *вульгарное платье*, *вульгарная манера говорить*, *вульгарная косметика* (см. Фролова О.Е. Пошлый или вульгарный // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1(5). С. 106–123).

Та составляющая семантики слова *пошлый*, которую мы условно назвали “выше пояса”, связана с ложными претензиями говорящего, кроме того, прагматика употребления данного слова предполагает более иерархически высокую позицию говорящего по отношению к объекту.

Итак, семантика слова *пошлый* складывается из нескольких составляющих: “выше пояса”: ложная претензия, сфера речи, оценка содержания, повторение общеизвестного; “ниже пояса”: грубость, сексуальная тематика.

Невозможность найти полные синонимы слова *пошлый* заключается в том, что в семантике прилагательных *банальный*, *избитый*, *тривиальный* нет семы *ложная претензия*. У слова *вульгарный* нет связи со сферой речи и оценкой содержания, кроме того, присутствует наблюдатель, о котором нельзя говорить применительно к *пошлый*. Что касается слов *мещанский* и *обывательский*, также связанных с понятием *пошлость*, в них присутствует социальная составляющая, не представленная у прилагательных *пошлый*, *банальный*, *избитый*, *тривиальный*.

Для того чтобы выявить, как носители русского языка понимают значение слов *пошлый*, *пошлость*, нами был проведен опрос студентов первого курса Московского института лингвистики. Целью опроса было выявить, 1) что вкладывают носители языка в значение слова *пошлый*, т.е. какие составляющие, по мнению носителей языка, формируют это значение; 2) в формулировании каких составляющих значения слова *пошлый* носители языка испытывают затруднения.

Было опрошено 25 человек – 23 девушки и два юноши в возрасте 17–18 лет. По национальному составу, т.е. по принадлежности к русскоязычной культурной общности, группа была однородна, выделялась одна чеченская девушка, билингв, в совершенстве владеющая обоим русским языком.

Результаты опроса показали, что в 12-ти ответах была отмечена связь понятия *пошлость* с сексуальной темой, в семи – студенты написали о связи с неприличными вещами.

Приведем некоторые ответы:

1) *Пошлость* – грубость, искажение чего-л. в интимную сторону. Пошлый – грубый, озабоченный человек, который говорит об интимных вещах, часто склоняет к этой теме (часто это бывает у подростков во время полового созревания);

2) *Пошлый* – в нашем мире это озабоченный человек, думающий только об интимных частях человеческого тела;

3) *Пошлый человек* – это человек, который постоянно ведет разговор на сексуальную тему. Поворачивает обычную ситуацию в другие русла. Создает неловкие ситуации;

4) *Пошлость* – некультурность, вульгарность, непристойность действий, неприятность.

Можно говорить о том, что семантика слова *пошлый* “ниже пояса” чаще всего осознается носителями русского языка и легче всего формулируется. В первом и третьем ответах студенты связали *пошлость* также со сферой речи, во втором – со сферой мысли: ведет разговор на сексуальную тему, говорит об интимных вещах, человек, думающий только об интимных частях человеческого тела.

Однако для разговора на сексуальную тему, по мнению респондентов, небезразличен способ выражения мысли, слова и выражения, которые употребляет пошлый человек. В ответах были отмечены в качестве признаков пошлости – употребление нецензурной лексики (ответы 5, 7) и двусмысленность в речи, когда пошлый человек выражается таким образом, что все, что он говорит, можно интерпретировать в “сексуальном ключе” (ответы 5, 6). С пошлостью было связано употребление мата или нецензурных выражений в четырех ответах, а с двусмысленностью – в трех.

5) *Пошлость* – это нецензурные слова, связанные с задними мыслями, когда человек какое-то слово, сказанное ему другим человеком, коверкает.

Пошлый – это тот, кто коверкает то слово, которое ему сказали, и он воспринял это слово в другом, т.е. в “заднем смысле”.

6) *Пошлость* – колкость, язвительное высказывание на сексуальную тему. *Пошлый* – много думающий на сексуальную тему, “озабоченный”.

7) *Пошлый* – это когда человек что-то сказал на неприличную тему (сексуальную). Или когда что-то сказано в нецензурной форме (мат). Может быть, это некая форма хамства, распушенности.

При выраженном единомыслии относительно составляющих семантики слова *пошлость* “ниже пояса”, студенты отметили еще одну важную характеристику. В разной форме в восьми ответах отмечалось, что *пошлый* человек противостоит обществу, стремится выделиться: вызывающее поведение, которое порождает отрицательные эмоции у окружающих; слово *пошлый* употребляется в речи для создания чего-то нестандартного; что-то, выходящее за рамки приличия.

8) *Пошлость* – отрицательное качество человека, при котором он выглядит по меньшей мере странно, не как все, но это не значит, что он индивидуален, наоборот, его внешний вид вызывает неодобрение окружающих. Также человек может вести себя пошло, т.е. не соблюдая элементарных правил поведения, неприлично.

Ассоциации: неприлично одетый и выходящий за рамки нормального поведения человек. Такой человек думает только о сексе.

9) *Пошлый человек* – высмеивающий интимные стороны жизни общества, грубый, примитивный. О человеке можно сказать, что он

пошлый, когда его поведение выходит за рамки приличия, он нарушает границы дозволенного обществом, затрагивая какие-то интимные, сугубо личные стороны жизни окружающих, обсуждая то, о чем обычно не говорят.

10) *Пошлость* – очень простая мысль, легкая мысль; грязная мысль.

Пошлый – человек, мыслящий слишком просто, высказывающий негативные мысли по любому поводу; человек, который думает и говорит о личных, интимных делах в извращенной форме.

В 8-м ответе респондент говорит о стремлении выделиться, но отказывает пошлому человеку в оригинальности. Это, на наш взгляд, одно из наиболее удачных суждений, автор которого пытался выразить суть ложной претензии. В ответе 9 выход за рамки приличия трактуется в “сексуальном ключе”. В 10-м ответе респондент под словосочетанием *слишком простая мысль*, видимо, пытается выразить то, что пошлость в его понимании связана с банальностью и избитостью.

Разброс интерпретаций семантики слова *пошлый* “выше пояса” демонстрирует очевидные трудности, с которыми столкнулись студенты, пытаясь сформулировать эту составляющую. В одном ответе была предложена интерпретация, которая свидетельствует о непонимании составляющей “выше пояса”: “Пошлый человек – человек, который высказывает то, что думает, не обращая внимания на окружающих”.

О трудностях в ответах на предложенные вопросы сказала проводящему опрос, автору настоящей статьи, только чеченская девушка. Вот ее ответ: 11) *Пошлость* – со стороны человека – это грубо и некрасиво. Пошлость неприемлема. Я не знаю, с пошлостью встречалась редко.

В качестве ассоциаций респонденты привели словосочетания, в которых прилагательное *пошлый* соединено с существительным *человек* – 9 ответов. Кроме того, *пошлый* было связано со следующими словами: *анекдот* – 3, *слово/слова* – 3 ответа, *шутка* – 2, *выражение* – 1, *юмор* – 1. Таким образом, студенты отметили наличие в значении слова *пошлый* связь со сферой речи. С другой стороны, студенты в ассоциациях связали пошлость со сферой мышления, приведя такие ответы: *пошлая мысль* – 5, *идея* – 1, *выдумка* – 1.

В своих ассоциациях студенты связали определение *пошлый* с оценкой содержания речевых произведений, произведений искусства, а также их создателей: *пошлыми* были названы *автор* (1), *фильм* (3), *песня* (3), *рассказ* (1), *передача* (1), *статья* (1). Оценке подверглись также средства массовой информации: *газета* (1), *журнал* (1).

Теперь проанализируем ту лексику, которую употребили студенты в своих ответах. Слова, помещенные в правую часть наивного толко-

вания, которое было предложено респондентами, можно сгруппировать следующим образом. В первую группу, которая, на наш взгляд, связана с семантикой “ниже пояса”, попали: *непристойный, неприличный, нецензурный, распущенный, грязный, “озабоченный”* (в смысле думающий только о сексе), *грубый*. Вторую группу, связанную с тематикой “выше пояса”, составили следующие слова: *обычный, узкий кругозор, неграмотный, избитый, банальный, недостойный, слишком материальный, некультурность, вульгарность, невежественность, невоспитанный*. Наконец, в третью группу, промежуточную, на наш взгляд, можно поместить слова: *некрасивый, ужасный, неприятный, вызывающий, наглость, хамство*. Первые три прилагательные связаны с оценкой понятия *пошлость*.

Подведем итоги. По нашему мнению, в своих ответах студенты продемонстрировали понимание двуполюсности семантики слов *пошлость, пошлый*. Однако нельзя сказать, что им с одинаковой легкостью удалось сформулировать свое понимание составляющих “ниже” и “выше пояса”. *Пошлость*, которую можно было бы описать как составляющую “ниже пояса”, студенты связали с сексуальной сферой, грубостью в речи и поведении, двусмысленностью выражений, нецензурной лексикой. В формулировке своего понимания составляющей значения слова *пошлость* “выше пояса” они столкнулись с очевидными трудностями. Эти трудности были вызваны, на наш взгляд, тем, что ложная претензия, являющаяся основой этой составляющей, в том, что пошляк ведет себя и говорит так, как большинство, претензию же составляет дополнительная значимость, которую пошлый человек придает всему тому, что говорит и делает. В приведенных в качестве ассоциаций словосочетаниях студенты однозначно отнесли *пошлость* к сфере речи, вербальным произведениям. Это позволяет признать, что можно говорить о восприятии молодежью семантики интересующего нас слова на интуитивном уровне.

Таким образом, опрос показал, что словарное толкование не противоречит образу слова, присутствующему в сознании носителя языка.

Мыло, намылить, мыльница

© А. В. ЗЕЛЕНИН,
кандидат филологических наук

Еще лет десять–пятнадцать назад в ответ на вопрос: “что такое мыло?” можно было слышать (практически без колебаний и раздумий) примерно такое: “вещество (жидкое или твердое), предназначенное для мытья рук, лица, тела и т.д.”. Когда я задавал этот вопрос сейчас, то часто в ответ слышал встречный вопрос-уточнение: *а в каком смысле?* Это значит, что в современном употреблении слово *мыло* имеет такую широкую и часто тематически несовпадающую сферу употреблений, что без уточняющих или ограничивающих семантических конкретизаторов ответить однозначно на этот вопрос люди уже затрудняются. Вместе с тем, данное слово (и его производные) хорошо иллюстрирует один из ведущих механизмов развития языка – закон *асимметричности языкового знака* С.И. Карцевского. Кратко напомним суть этого закона: план содержания и план выражения слова находятся в состоянии динамического неравновесия – план выражения стремится передавать новое смысловое содержание, в свою очередь план содержания “ищет” новые способы языкового выражения. Карцевский приводит такой пример: «Предположим, что в разговоре

кто-то был назван *рыбой*. Тем самым был создан омоним для слова “рыба”,...но в то же время прибавился новый член к синонимическому ряду: “флегматик, вялый, бесчувственный, холодный” и т.д.» (Карцевский С. Об асимметричном дуализме языкового знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965. С. 90).

В литературном языке слово *мыло* не изменило значения, однако оно ведет чрезвычайно активную семантическую и словообразовательную жизнь в сфере жаргонов и профессионального просторечия, которые оказывают довольно сильное давление на современное языковое сознание. Именно поэтому слово *мыло* и вызывает множество ассоциаций – исходя из языкового опыта и повседневной жизни каждого конкретного человека. Если в XIX веке слово *мыло* имело две основные языковые ассоциации: “моющее средство” и – образованное по механизму метонимического переноса – производное значение “пот лошади (обычно в виде пены, напоминающей *мыло*)”, то в XX веке вторая ассоциация постепенно отходила на задний план. Во второй половине XX века, и особенно в последнее десятилетие, в слове *мыло* (и его производных) отмечены новые значения, семантических намеков на которые раньше вообще не было. Эти новые значения концентрируются в области профессиональных обозначений (номинаций), выполняя роль вторичных названий для уже существующих имен.

Цель переноса слова *мыло* в область профессионального просторечия объясняется ментальным приемом *олицетворения (персонификации)*, сохранившимся с эпохи анимализма до наших дней. Голландский историк культуры Йохан Хейзинга (1872–1945) очень точно характеризовал роль персонификации в современной жизни, культуре и науке: “Персонификация – это привычная форма духовной деятельности, из которой мы в нашей повседневной жизни еще вовсе не выросли. Кто не ловил себя снова и снова на том, что вслух и вполне серьезно обращается к какому-нибудь неодушевленному предмету, скажем, к упрямой запонке, чисто по-человечески приписывая ей нежелание повиноваться и осыпая ее упреками за поведение, заслуживающее всяческого осуждения. Но, делая это, мы же не исповедуем веру в запонку как в некое существо или хотя бы идею. Мы входим, хотя не по собственной инициативе, в состояние игры” (Homo ludens. М., 1997. С. 137–138).

Перенос слова обычного языка на понятия специальных областей знания или занятий не случаен и не нов: такой семантический механизм позволяет новому понятию “встроиться” в систему привычных представлений человека путем его намеренного “занижения” и даже смыслового огрубления. Откуда же появились новые значения в слове *мыло* в современном языке, особенно в его жаргонно-профессиональных стилях? На этот вопрос мы и попытаемся ответить.

В современном употреблении слово *мыло* и его производные группируются вокруг нескольких семантических зон: телевизионной, публицистической, уголовной, технической и компьютерной; в некоторых из них эта лексема особенно популярна и богата словопроизводственными связями, в некоторых менее частотна и не так продуктивна в словообразовательном отношении. Под одной графической и фонетической “крышей” слова *мыло* в русском языке “собрались” самые различные по происхождению обозначения.

В публицистической речи слово *мыло* стало известно с начала 90-х годов XX века как калька с английского просторечного *soap* “мыльная опера” (сокращение от *soap opera* в том же значении). Сначала это употребление было фактом языка телевизионщиков, однако вскоре оно попало в рубрики газет и телевизионных программ, представляющих и рекламирующих разные телевизионные передачи, а затем – и на страницы общей прессы, перейдя из разряда экзотизмов (мексиканские, аргентинские, американские мыльные оперы) в группу просторечной лексики русского языка: *отечественное “мыло” на экране; всё про “мыло”: сериалы теперь можно читать; конкурс сценаристов “мыла”; российская глубинка безропотно смотрит подсовываемое ей “мыло”* и т.д.

Обычно существительное *мыло* в телевизионном жаргоне (просторечии) рассматривают только как кальку с английского *soap*, однако, на мой взгляд, процессу закрепления этого слова могло способствовать также жаргонно-просторечное употребление данной лексемы в значении “что-то безвкусное, пресное (о пище)” (Елистратов В.С. Словарь московского арго. М., 1994. С. 259) с дальнейшим расширением значения (что вполне обычно в устном просторечии) до значения “что-либо скучное, примитивное, безвкусное (о любом произведении искусства)”. Именно при поддержке русского просторечного употребления слова *мало* заимствованное значение смогло так быстро прижиться в русском языке. И не просто закрепиться, но и пустить словообразовательные корешки. В прессе встречаются омонимичные производные *мыльник* “создатель мыльной оперы”: “От западных *мыльников* наши авторы переняли только некоторую технологию параллельных съемок, когда в одно время в разных павильонах снимались сцены и сразу же монтировались и озвучивались” (Олимп. 1996. № 1) “многосерийный сериал; мыльная опера” (“*Мыльник* [“Новый Принц из Бель Эйр”], длившийся более полугода, имел положительный резонанс в среде тинэйджеров и молодых домохозяек...” – Кино-Парк. 1999. № 10). Появление данного окказионализма в первом значении не случайно. В последние годы стала весьма активна словообразовательная модель на *-ик* со значением лица: *азарник, альтернативник* “сторонник альтернативной военной службы; военнослужащий, проходящий такую службу”, *антиперестроечник, антирыночник, бюд-*

жетник, гаишник, государственник, державник, контрактник, лагерник, льготник, налоговый, наперсточник, оптовик, перестроечник, рыночник и мн. др.

Во втором значении слово *мыльник* было образовано также по популярной словообразовательной модели типа *боевик* “остросюжетный приключенческий фильм” и регулярных разговорных усечений: (*видео-, радио-*) *ролик* “видеофильм, радиопередача рекламного, информационного характера”, *мультик* “мультипликационный фильм”, *ужастик* “фильм ужасов”. Таким образом, активность словообразовательных моделей в разговорном языке и профессиональном просторечии способствовала созданию “модельного” слова *мыльник*. Его появление диктовалось как целями языковой экономии (однословность, краткость), так и стремлением к семантической новизне и экспрессивности.

Подвижные границы между жаргонами (особенно смежными или близкими) помогают “экспансии” слов. Так, из сферы телевидения термин *мыльник* “перекочевал” в жаргон (просторечие) литераторов, поэтому уже не удивительно встретить употребление данного слова по отношению к литературным произведениям: «Первый советский “мыльник” [рассказы Льва Овалова о майоре Пронине, созданные в 40-х годах XX века и бывшие очень популярными] благополучно дожил до начала пятидесятых годов” (Огонек. 2000. № 29).

Другим словообразовательным новшеством являлось сочетание существительного *мыло* с префиксоидами, также заметно активизировавшимися в языке последнего десятилетия: мексиканское *телемыло*; *видеомыло* сейчас предостаточно; этот фильм можно определить как *кино-мыло-клип-рок-оперу*; “*телемыльный*” актер Джерри Сайнфилд; дешевое “*киномыло*” (последний пример из словаря “Слова, с которыми мы все встречались” / Под общим руководством Р.И. Розинной. – М.: Азбуковник, 1999. С. 109). Таким образом, в телевизионном просторечии слово *мыло* обнаруживает словообразовательные возможности, обусловленные языковыми (семантическими и словопроизводственными) тенденциями в публицистике. Кроме того, приведенные выше новообразования практически сразу распознаются людьми и могут быть достаточно легко ими истолкованы.

Одной из ведущих особенностей слова *мыло* в современном употреблении является, конечно, его использование в компьютерной сфере: “электронное письмо” или “электронная почта”. Такое значение сложилось в результате вольного фонетико-графического (основанного на языковой игре) прочтения компьютерщиками английского *e-mail* (сокращение от *electronic mail* “электронная почта”). Один из вариантов такого прочтения – слово *мыло* (весьма отдаленное в фонетическом и графическом отношении от исходного англицизма), другой – слова *емеля, емелька* (имитирующие англицизм хотя бы своим

фонетическим – и отчасти графическим – обликом). Кажется, в данном случае мы имеем дело также с косвенным влиянием просторечного употребления слова *мыло*, о чем уже шла речь ранее, и взаимодействия его с вольной адаптацией (русификацией) английского слова. Рассмотрим более подробно семантическое и словообразовательное поведение слова *мыло* в этой смысловой области.

Графическое разнообразие исходной формы *мыло* в компьютерной переписке поразительно, так что иногда даже трудно узнать начальный облик: *мыл* (в муж. роде), *емыл*, *Е-мыл*, *е-мел*, *е-мыло*, *ё-мыл*; ср. также деминутив *мыльце*. Словообразовательное гнездо “компьютерного” слова *мыло* весьма обширное. Это – производные: *е-мыльный* адрес, *мыльник*, *е-мыльник* “электронный почтовый ящик; адрес электронной почты”. Появились и глаголы: *мылить* “отправлять электронную почту”, *отмылить* (в том же значении), *отмылиться* (то же), *намылить* (в том же значении), *е-мылить* (то же). Сформировались устойчивые словосочетания: *кинуть*, *бросить*, *оставить мыло* “написать электронную почту, электронное письмо”; *писать мылом* “отправлять электронную почту, электронное письмо”. Приведенные слова показывают, что существительное *мыло* (и его производные) полностью отвечает русским законам словоизменения, подчинившись флективному строю русского языка. Программа, которая позволяет отправлять и получать электронную почту, получила название *мылер* (по словообразовательной аналогии со многими словами английского происхождения на суффикс *-er* во всемирной паутине, то есть Интернете) и *мылсерв* (сервер электронной почты; см. “Большой словарь русского жаргона” В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной. СПб., 2000. С. 364), *мыльница* (в том же значении). Последнее существительное пришло в компьютерный жаргон, скорее всего, из смежных жаргонов: музыкального, технического или радиоловительского.

Существительное *мыльница* известно в жаргонах уже несколько десятилетий. Это вполне обычное литературное слово получило свое переносное значение “крайне простой аппарат, приспособление, прибор” на основе коннотативных признаков “простота, несложность устройства”, “незамысловатая форма”, “массовость использования”. Точное время формирования данного переносного смысла в существительном *мыльница* установить трудно, однако это произошло, по всей вероятности, в 40–60-е годы XX века. Так, уже в конце 40-х годов в среде радиоловителей и радиоинженеров было известно это слово для обозначения микрофона МД-47, которым укомплектовывались отечественные магнитофоны вплоть до конца 70-х годов XX века. Немного позднее именно в этом жаргоне *мыльницей* стали обозначать любое радиотехническое устройство несложной конструкции (радиолы, радиоприемник, магнитофоны), предназначенные для массового

потребителя. Поэтому неудивительно перенесение слова в другие жаргоны: сначала технические, затем – смежные (музыкальный, фотолюбительский), позднее – компьютерный.

В “Большом словаре русского жаргона” В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (СПб., 2000) в слове *мыльница* представлены самые разнообразные его “значения”, которые – по сути – являются в семантическом отношении метонимическими переносами: “примитивный фотоаппарат”, “микрофон на гибком витом проводе”, “пластмассовый портфель-“дипломат”, “портативный (обычно самодельный) радиоприемник”, “магнитофон невысокого класса (обычно отечественного производства)”, «автомобиль “Запорожец”». Такое разнообразие “значений” не представляет собой трудности для общения людей и не создает “информационного шума и помех”, так как вполне допустимо, что весь спектр этих “значений” знает и может использовать в своей речи даже один человек, однако конкретность жаргонной ситуации, точность и ограниченность лексических средств в пределах данной смысловой зоны не препятствуют пониманию друг друга, для этого только необходимо знать языковой код данного жаргона.

Одним из самых последних семантических новшеств стало использование слова *мыльница* в публицистическом дискурсе с такой мотивацией: отмывать “грязные” (незаконные или нелегальные) доходы, деньги. Это устойчивое выражение появилось в русском языке как калька английского сленгового выражения *to wash black money* (букв. – “отмывать черные деньги”). Актуальность и популярность данной темы в средствах массовой информации, необходимость яркого словесного выражения для обозначения места, где происходит это “отмывание денег”, способствовали рождению данного окказионализма в пределах публицистического жанра: «Мозамбик как “мыльница” нелегальных доходов бен Ладена» (заголовок). Этот окказионализм родился на “перекрестье” двух тенденций: потребности в языковой экспрессивности и давления лексической системы (в языке пока еще отсутствуют многие слова, обозначающие это новое понятие, поэтому журналисты ищут – более или менее удачно – соответствующие обозначения для формирующегося нового смыслового ряда). Очевидно, данное название останется только фактом публицистической речи, однако прогноз в этой лексической области напрашивается сам собой: число таких “экспериментальных” лексем будет расти.

Санкт-Петербург

НЕОЛОГИЗМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

© Г. А. ЗАВАРЗИНА,
кандидат филологических наук

Существенные изменения, происходящие в российском обществе в наше время, обусловили возникновение большого количества неологизмов лексико-семантической группы “*nomina politicis*”. Группа новых слов – наименований лиц по принадлежности к политическим партиям, группам, течениям – является открытой и, безусловно, чутко реагирует на все изменения в общественной жизни.

Как показал анализ фактического материала, среди новых словесных знаков лексико-семантической группы “*nomina politicis*” можно выделить сильные и слабые новообразования. К сильным неологизмам традиционно относят словообразовательные и заимствованные новые слова.

Наиболее продуктивным в сфере образования неологизмов в данной сфере является суффиксальный способ. Так, наибольшую активность в подгруппе слов со значением “лицо по принадлежности к организации, партии или другой политической группировке” показывает суффикс *-ец/-овец*: *омоновец (ОМОН)*, *спецназовец (спецназ)*, *фондовец (Пенсионный фонд)* и др. Здесь встречаются также новообразования с общим значением “последователь кого-, сторонник чего-либо”, образованные, как правило, от производящих основ имен собственных или аббревиатур (*лужковец, чубайсовец, жириновец, зюгановец, ампиловец, дудаевец, ЛДПРовец* и др.). Среди новых слов названной группы можно отметить также лексические единицы, образованные от основ актуализированных лексем (*думец*).

Чаще всего в образовании слов с общим значением “лицо, характеризующееся свойствами, взглядами, идейным направлением, которые названы мотивирующим словом”, используется суффикс *-ист*: *антиглобалист, лоббист, сепаратист, федералист, этноцентрист, экстремист* и др. Очевидно, что названный суффикс активно участвует в образовании новых слов от заимствованных основ (за исключением немногих слов типа *ельцинист* – сторонник Ельцина, *уклонист* – лицо, уклоняющееся от службы в армии, и др.).

Суффикс *-щик* также активен в производстве существительных, обозначающих лицо по принадлежности к организации, учреждению,

движению и т.п.: *альтернативщик, антикриминальщик, антиперестройщик, коммунальщик, номенклатурищик* и др. Как видно, подобные наименования являются функционально-стилистически и экспрессивно-стилистически окрашенными (ср.: *номенклатурищик – Разг. Неодобрит. Номенклатурный работник*).

Интересные группы представляют собой образования с нулевым суффиксом (ср.: *нелегал* в значении “человек, находящийся на нелегальном положении”), с суффиксами *-ик/-ник* (ср.: *правозащитник* в значении “общественный деятель, выступающий перед властями с требованием соблюдения ими общепризнанных прав и свобод человека”; *налоговик, силовик, теневик, государственный, яблочник, ФСБшник, ГИБДДшник*), *-ант* (*репатриант, подписант*), *-арий* (*парламентарий*), *-атор* (*приватизатор*) и др.

Неологизмы-заимствования в настоящее время могут обозначать как новые, так и известные ранее реалии, уже имеющие в русском языке наименования. Большинство современных иноязычных слов “*nomina politicus*” передают понятия, давно существующие на Западе и начинающие завоевывать права на жизнь в новой российской действительности (ср.: *хардлайнер* – политический деятель, придерживающийся жесткого курса и избегающий компромиссов; *скинхеды* – группы молодых людей, отличающихся вызывающим поведением и склонностью к агрессивности и экстремизму; *мафиози* и др.). Некоторые иноязычные лексемы обозначают уже известные российскому языковому сознанию понятия и имеют те или иные соответствия в русском языке (*секьюрити* – сотрудник охраны, *бизнесмен* – предприниматель; *менеджер* – специалист по управлению производством).

Многие иноязычные слова, широко употребляющиеся в современной русской речи, не являются принципиально новыми, а были известны русскому языку и ранее, но оказались востребованными лишь в последнее время. Некоторые из них перестают обозначать понятия, ранее свойственные только зарубежной или дореволюционной действительности, и начинают употребляться в условиях уже новой российской жизни (ср. современное толкование и употребление слов *стикер* – председатель парламента и *мэр* – глава муниципалитета, в значениях которых произошла утрата смысловых компонентов “в зарубежных // буржуазных // некоторых странах”).

Следует отметить также, что в последние десятилетия актуализировались некоторые экзотические лексемы, связанные с обозначением исламских социально-политических группировок, сословий (*моджахеды* – бойцы вооруженной оппозиции; *талибы* – вооруженные боевики, воспитывавшиеся в мусульманских школах и впоследствии получившие подготовку в военных лагерях; *шахид* – смертник, “камикадзе” и др.).

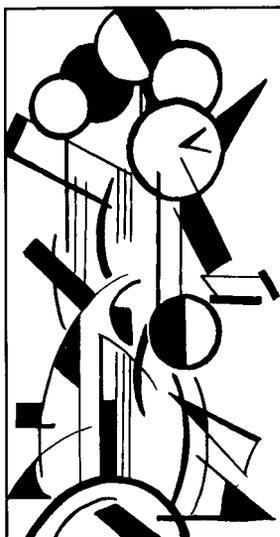
Слабые неологизмы представляют собой известные для русского языка слова, новизна которых определяется изменениями того или

инного аспекта их содержания. Среди таких слов разграничиваются собственно семантические и функционально-семантические неологизмы. Первые образуются, как правило, за счет возникновения у слова нового значения (*регионал* в значении «член депутатской группы “Российские регионы”»; *патриот* в значении “национал-патриот”; *коммунист* в значении “член КПРФ” и др.). Появление семантических неологизмов может быть связано также со снятием “идеологических наслоений” или с “переориентацией номинаций” (исчезновение идеологизированного семантического компонента “сторонник буржуазных партий, течений в капиталистических государствах” в словах *радикал* и *нацифист*; разрушение сем “реакционный, консервативный, враждебный передовым течениям” в словах *правый* и *демократ*, снятие семы “в дореволюционной России” в слове *кадет* и др.).

Функционально-семантические неологизмы в группе “*nomina politicus*” связаны с изменениями в характере их функционирования: сужением или расширением сферы употребления слова, увеличением или уменьшением частотности его использования, отнесенностью к разряду устаревшей или новой лексики. Так, на рубеже XX–XXI веков стали широкоупотребительными наименования *губернатор*, *думец*, *политолог*, *плутократ*, *партократ*, *олигарх*. В то же время в пассивный словарный запас уходят такие малоупотребительные в настоящее время слова, как *фарцовщик*, *перестройщик*, *горбачевец*, *сталинист*.

Очевидно, что процесс появления новых языковых явлений в политической сфере отличается особенной интенсивностью. Многие из новых наименований получили отражение в лексикографических изданиях русского языка новейшего периода, а некоторые продолжают существовать как речевые факты.

Воронеж

*Язык прессы***Рефлексы постмодернистской стилистики
в языке российских газет**

© А. П. СКОВОРОДНИКОВ,
доктор филологических наук

Стилистика современных российских газет разительно отличается от стилистики советских газет так называемого доперестроечного периода. Есть основания полагать, что в произошедших и происходящих изменениях существенную роль сыграли не только социально-экономический и политический факторы непосредственно, но и философия и эстетика литературного постмодернизма, занявшие заметное место в культурной жизни страны. В пользу такого вывода говорят некоторые явные, хотя и неполные (частичные) аналогии между главными стилистическими признаками постмодернистской художественной литературы и некоторыми характерными чертами стиля современных российских газет. Далее мы показываем эти соответствия, соотнося значимые для нашей темы черты постмодернистской стилистики с их «отражениями» (рефлексами) в текстах газет.

Следует оговориться, что поскольку русский постмодернизм «соединяет в себе несоединимое, элитарен и эголитарен одновременно»,

использует “язык массовой культуры”, предельно политизирован и “очень часто манифестируется через радикальные, подчеркнута эпатажирующие приемы” (Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. М., 2001. С. 5, 63, 71), некоторые приводимые нами газетные тексты, с этической точки зрения, находятся за пределами традиционной литературной нормы.

Интертекстуальность, понимаемая как “осознанная цитатность”, “диалог между текстами” и “взаимодействие различных видов внутритекстовых дискурсов” (Ильин И.И. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. М., 1999. С. 204–210, широко представлена в газетных текстах в виде прямых цитат, реминисценций литературных и прочих аллюзий, пародий на речевые жанры или конкретные тексты.

Прямое цитирование: «Достигал ли моральный уровень отца народа заоблачных высот, когда он изрыгал: “Как я сказал, так и будет!”» (Завтра. 1999. № 1); «Весть об увольнении <...> Эрнст преподнес своему заму не без внутреннего удовлетворения, надо думать. Присовокупив, правда, киношное “Старик, nothing personal”, то есть ничего личного» (Комок. 2003. № 36).

Реминисценции: “Часто умней уклониться от приглашения, как Путин от Шарм-аш-Шейха. *Блажен муж, не идущий на совет нечестивых*” (АиФ. 2000. № 45. Здесь и далее выделения принадлежат нам. – А.С.).

Высокочастотны в газетных текстах случаи деконструкции (разложения, обновления) реминисцируемых прецедентных текстов (особенно в заголовках): “Еда в России больше, чем еда” (Комс. правда. 2001. 13 апр.), ср.: “Поэт в России больше, чем поэт” (Е. Евтушенко); “Я знаю, дача будет! Я знаю, саду цвеств” (Сегодняшняя газета. 2001. 17 февр.), ср.: “Я знаю – город будет, / Я знаю – саду цвеств” (В. Маяковский).

Аллюзии: «После коллективизации крестьяне исчезли – остались одни колхозники. <...> Пришли времена ежегодной “битвы за урожай”, которую мы столь же ежегодно проигрывали...» (АиФ. 2000. № 45); “Сортирофобия – профессиональная болезнь террористов” (АиФ. 2000. № 28).

Пародии: “В бизнесмене все должно быть прекрасно – и 600-й мерс, и дача на Канарах, и контрольный выстрел в голову...” (Телевизор. 2003. № 35). Ср. у А.П. Чехова в “Дяде Ване”: “В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли”.

Аллюзивность и реминисцентность, будучи весьма распространенными приемами, создают своеобразную двууровневую организацию газетных текстов, “двуадресность”, расситанную одновременно как на элитарного, так и на массового читателя, что составляет одну из

примет поэтики литературного постмодернизма (Скоропанова И.С. Указ. соч. С. 69).

Смешение равностильных элементов в газетных текстах, основу которых составляет нейтральная и книжная лексика, осуществляется в основном за счет широкого включения разговорных и – особенно – жаргонных слов и фразеологизмов: “Пьянство, как и любовь, бывает по расчету, по глупости или по барабану” (Новая газета. 2001. 25–26 янв.); “И виной всему – план реструктуризации отрасли, который разработал Анатолий Борисович. Как оказалось, не только коммунисты и внутренние недруги Чубайса *катят на него* в связи с этим *бочку*” (Континент. 2000. № 26); “30 лет и 3 года лежал на печи Илья Муромец. Такого *бодуна* Русь еще не знала!” (Моск. комс. 2003. № 15).

Использование жаргонизмов и жаргоноидов в газете в функциях интимизации повествования, характеристики и эмоциональной оценки очень распространено и соответствует такой черте постмодернизма, как повышенный интерес к языковым элементам массовой культуры (Скоропанова И.С. Указ. соч. С. 63).

Гибридизация речевых жанров выражается, во-первых, в подвижности границ между традиционно выделяемыми группами информационных, аналитических и художественных жанров; во-вторых, в глобализации категории комического, распространении ее влияния на все жанры газеты, что способствует частичному сходству их стилистического облика. В-третьих, в постсоветскую эпоху появились новые газетные жанры гибридного характера. Примерами могут служить материалы, публикуемые в “Комсомольской правде” в рубриках “Люди, которые нас удивили”, “Жизнеспособность политических субъектов”, а также блицэпиграммы: “Депутаты Госдумы на первом осеннем заседании в 62-й (шестьдесят второй) раз рассмотрели вопрос о снятии с работы главного российского электрика. А как еще доказать, что реформы парламенту не до лампочки?!” (Комс. правда. 2003. 12 сент.); «М. Шаймиев: “Принародно обещаю: четвертого срока не будет!” Похоже, это становится любимой фразой не только рецидивистов, но и президентов» (Аиф. 2001. № 14); “Авиационные аварии и катастрофы последнего времени, вызванные зачастую неумеренной эксплуатацией измученной легкой техники с целью получения финансового или какого-то другого эффекта, отзываются горькой болью в душах всех, кто относится к авиации с доверием, любовью и гордостью.

То пожар, то глохнет двигатель, то гибель!..
Видно, в черством нашем времени крутом
Первым делом, первым делом стала прибыль!
Ну а техника? А техника потом”

(А. Буримов. Лит. газета. 2002. № 30).

С точки зрения интенции, содержания и композиции, первый жанр является изовербальным комическим (ироническим или сатирическим) комментарием какого-либо социально значимого события, факта или высказывания известного деятеля (фотография которого предшествует тексту); второй – комическим комментарием цитаты; блицэпиграмма являет собой конвергенцию двух семантически завершенных, но связанных по смыслу текстов: прозаического и стихотворного.

Если под гибридизацией жанров понимать их пародийные “мутации”, то следует иметь в виду, что в современных газетах (особенно таких, как “Литературная газета”, “Комсомольская правда”, “Сегодняшняя газета” и некоторые другие), взятых в совокупности, таких жанров насчитываются десятки. Приведем примеры нескольких наиболее распространенных.

Комическая пословица: “Одна голова хорошо, а с телом лучше” (Твой Додыр. 2001. № 28); *комический афоризм:* “Любите людей, и их станет больше” (АиФ. 2001. № 39); *комический анонс:* «Новости телевидения. Вместо программы Дмитрия Диброва “О, счастличик!” на канале НТВ вскоре начнет выходить программа Сергея Доренко “Ах ты, сволочь!”» (Твой Додыр. 2001. 26 февр. – 4 марта); *комическая новостийная заметка:* «Корреспондент “Стенгазеты” выяснил, что после акции “Оборотни в погонах” будут проведены не менее важные операции “Лешие в пиджаках”, “Кикиморы болотные в приемных” и “Водяные с разводными ключами”. Все это пройдет под знаком акции “Выдумщики хрентони в средствах массовой информации”» (Лит. газета. 2003. № 33).

В языке современной газеты находит свое многогранное отражение “*Множественность языковых игр*” как характерная черта постмодернистского текста (Скоропанова И.С. Указ. соч. С. 53, 60). На использовании разных типов языковой игры создаются и разнообразные автономные малоформатные речевые жанры газеты и фрагменты больших газетных жанров. Причем для многих случаев языковой игры в газете свойственно сочетание занимательности/развлекательности и политизированности содержания. Вот несколько разнотипных примеров языковой игры в газете.

Каламбурный тип: “В году не шесть торжеств мемориальных – / Все больше в честь божеств мнимореальных” (Лит. газета. 2001. № 22) – каламбур на основе паронимии; «Раньше в нашей стране все решали дедки, а теперь – “бабки”» (АиФ. 2000. № 46) – каламбур на основе омонимии.

Словообразовательный тип: “Слушая Доренко, Вешняков впадает в избиркому” (Завтра. 1999. № 46); “Греф-фрукт” (Завтра. 2000. № 28, заголовок).

Фразеологический тип (деконструкция фразеологизмов и других прецедентных текстов): “Крыши по-прежнему протекают, но теперь

чаще – “едут”» (Лит. газета. 2001. № 31–32); “Жена с человеческим лицом” (Лит. газета. 2003. № 33).

Фоностилистический тип (в частности, внесение элементов ритма и рифмы в текст заголовка): «Не пяточок под каблучок, а тыща “баксов” в кулачок» (Моск. комс. в Красноярске. 2000. 5–12 окт.); “От фальшивых таблеток получилось много деток” (Комс. правда. 1998. 6 авг.); “За койки больничные – цены приличные” (Сегодняшняя газета. 1997. 15 окт.).

Реже такой прием можно встретить и в других частях текста, например, в концовке: «Председатель Совета Федерации с удивительной последовательностью раскритиковал Закон об “автогражданке”, за который сам же Совфед голосовал: “Я крайне отрицательно отношусь к этому закону. О железе мы подумали, а о людях – нет”.

Себя от глупостей страхуя, неплохо б думать, голосаю!» (Комс. правда. 2003. № 32).

Использование игры свидетельствует о том, что современной газете не чуждо явление *карнавализации*, означающее в постмодернистской трактовке «центрежную силу языка, “веселую относительность” предметов, участие в диком беспорядке жизни, имманентность смеха» (Скоропанова И.С. Указ. соч. С. 58).

В газетных текстах нередки “размывание граней между эстетическим и неэстетическим, прекрасным и безобразным, искусством и неискусством и т.п.” (Современная философия: Словарь и хрестоматия. Ростов-на-Дону, 1995. С. 60); “повышенный интерес к темному, запретному, маргинальному <...>, отказ от эстетических (добавим – и этических. – А.С.) табу”. Приметы обозначенного явления можно усмотреть, например, в следующих газетных контекстах: “Надо сказать, что эффектно разбрызганные мозги убиенного очень скрасили аскетический интерьер (и фокстерьер тоже) комнаты, где произошли основные действия сказочки, которую я только что тебе рассказал, дружок” (Сегодняшняя газета. 2001. 2–3 июля); “Говорят, что маркиза де Сада / как-то взяли завхозом детсада. / Долго садик потом / вспоминал суп с котом / и котлеты из нянина зада” (Лит. газета. 2003. № 13).

Тяготение современных газет к изображению темных сторон жизни заметно уже в заголовках публикуемых материалов. Например, только в одном номере газеты “Московский комсомолец в Красноярске” (2004. № 1) мы насчитали 26 заголовков брутального содержания: “Подросток забил мать и сестру молотком”, “Ради бизнеса студент был готов пойти по трупу матери”, “С убитого бизнесмена не сняли золото” и т.п.

“Эстетизация безобразного” связана с понятием *телесности*, которая, по мнению исследователей постмодернизма, есть “антитеза понятию духовности”, “реабилитация чувственности” (Лексикон нон-классики. Художественно-эстетическая культура XX века. М., 2003.

С. 434), “акцентирование аффективных сторон чувственности <...> с обостренным интересом и ее паталогическому аспекту, и, наконец, сексуальность как наглядно-концентрированное проявление чувственности” (Ильин И.П. Телесность // Современное зарубежное литературоведение. С. 266–267).

Телесность как “акцентирование аффективных сторон чувственности” часто связана с агрессивностью, что рождает особую стилистику – стилистику языкового экстремизма. Например: “Экстрасенсов распроклятых / Много вывелось сейчас – / не пора ли нам, ребята, / закатать им в третий глаз?” (Лит. газета. 2003. № 33).

Можно выделить и такой принцип построения постмодернистского текста, как *нонселекция*. По мнению И.П. Ильина, он “отражает различные способы создания эффекта преднамеренного повествовательного хаоса, фрагментированного дискурса” (Ильин И.П. Нонселекция // Современное зарубежное литературоведение... С. 240). Рассмотрим эти способы, выделенные И.П. Ильиным применительно к текстам художественной литературы (с сохранением его формулировок), в их отнесенности к текстам газетно-публицистическим.

Синтаксическая неграмматичность, в частности, такая “ее новизна, когда предложение оказывается оформленным не до конца, с точки зрения законов грамматики, и фразовые клише должны быть дополнены читателем, чтобы обрести смысл” (Ильин И.П. Указ. соч. С. 239). Этому определению соответствует такой достаточно распространенный в газетных текстах стилистический прием, как незавершенность высказывания, например: “Березовский – это знаковая фигура времени, эпохи олигархов. Говорим Березовский, подразумеваем... И наоборот” (Парламентская газета. 2000. 25 июля); “[А.И. Солженицын] вернулся, как обещал, в Россию. Парламентские хамы демонстративно, на весь экран, зевали, слушая его речь перед ними. Не мечи бисер...” (Лит. газета. 2003. № 49); “Вот приедет Путин...” (Комс. правда. 2002. 4 июля; заголовки).

К средствам создания “фраgmentированного дискурса” в газете следует отнести такие достаточно частотные приемы, как *парцелляция* и *сегментация* (*сегментированные конструкции*).

Парцелляция: «Сколько людей у нас на важных постах, им не ответствующих! Занявших их через “блат”, взятки, интриги, обман, предательство» (Лит. газета. 2003. № 13).

Сегментация: “Память... Она – как бессменный часовой, поставленный на пост совести охранять те святыни в душе, на которых заляется чувство воинского долга” (Завтра. 1999. № 37); “Примешать столько мифов к имени и авторитету президента – как это понимать” (АиФ. 2000. № 46); “Около 700 тыс. рублей – столько нужно иметь сегодня каждому, чтобы покрывать свои минимальные потребности” (АиФ. 1995. № 32).

“Семантическая несовместимость”, которая может проявляться как “последовательное смешение явлений и проблем разного уровня, уравнивание в своей значимости как совершенно незначительного, так и существенно проблематичного”, а также как “сочетание в одном произведении явно фактического и явно фиктивного” (Ильин И.П. Указ. соч. С. 239–241). Эта особенность литературного постмодернизма часто проявляется в газетных текстах. Укажем здесь на *оксюморон* и *силлеспис* – приемы равно характерные для текстов художественных и публицистических.

Оксюморон: “Я отдаю их (деньги. – А.С.) совсем не за то, чтобы более десяти (!) лет подряд слышать этот *вдохновенный бред*” (Лит. газета. 2003. № 26); “Он пригласил своего адвоката Клавдию Синицыну, *женщину мужского рода*” (Там же); “И только за угол свернул на набережную, почувствовал громкое, я бы даже не побоялся сказать, *вопящее молчание толпы*” (Лит. газета. 2000. 9–15 окт.).

Силлеспис (предполагающий включение в перечислительный ряд наименований предметов, явлений, понятий, разнородных логически и/или онтологически): «Натюрморт с неуклюжим подростком. *Большая бочка, колокольчик, золотая монета, лозунг “Зуб за зуб”, отбросы улова рыбы, неуклюжий подросток*» (Лит. газета. 2003. № 26); “В новой русской парикмахерской: – *Височки какие будем делать – прямые, косые или на вылет?*” (Телевизор. 2003. № 33).

«*Прием избыточности*, предлагающий читателю либо наличие слишком большого количества “коннекторов” (связующих элементов), должных привлечь его внимание к связности текста, либо назойливую описательность, перегружающую реципиента избытком ненужной информации” (Ильин И.П. Указ. соч. С. 239). Этой характеристике постмодернистского текста в газете соответствует широкое использование *полисиндетона* (стилистически значимого многосоюзия); различного рода *повторов* (лексических, синтаксических, лексико-синтаксических); *амплифицированных высказываний* (в частности, приема аккумуляции). Эти приемы обладают большим количеством структурных разновидностей, поэтому ограничимся несколькими примерами.

Полисиндетон: “[О культуре] *Но жизнь ее, но сегодняшнее бытие ее не есть истинно жизнь*” (Лит. Россия. 1998. 27 июля); “*И не зависть, и не черная*” (АиФ. 1995. № 45; заголовок); “*И президент решил, и Дума утвердила, / и СМИ клялись на всю страну трубя! / Но денег на военных не хватило: / Пока хватило только на себя!*” (Лит. газета. 2002. № 28–29).

Повторы: “[Законы] невозможно выполнить: *так они составлены, так они продуманы, так они обеспечены* (АиФ. 2000. № 42) – изоклон, усиленный анафорой; “Интернет кишмя-кишит *начинающими писателями, известными писателями, видными писателями, выда-*

ющимися писателями и просто графоманами” (Завтра. 2000. № 51) – градационный повтор; “*Давайте дружить дружно*” (АиФ). 1998. № 31; заголовок) – тавтологический повтор; “Героя производства сменил на экране убийца и насильник, а вместо станка и доменной печи мы видим *трупы, трупы, трупы*” (Лит. газета. 2003. № 14) – повтор-геминация; “У гениев озарение надолго. У нас мельком, иногда. Но эти мгновения *спасают, выручают*” (Лит. газета. 2003. № 34) – парный синонимический повтор.

Аккумуляция: “Мы – в центре потока искушения: купи, съешь, попробуй, курни, уколись, посмотри на то, что смотреть нельзя, соверши то, что традиционная мораль категорически запрещает, обмани, обойди, сделай подлость – и ты получишь наслаждение” (Лит. газета. 2003. № 13); “Возможно, если бы все реформы осуществлялись нормально, если бы два триллиона долларов не утекли за рубеж, если бы наши предприниматели не построили на свои средства пять тысяч восемьсот предприятий за рубежом, если бы не была проведена такая ваучеризация, если бы не было дефолта, если бы все осуществлялось по-нормальному, то мы могли бы сейчас иметь процветающее государство на основах нормального либерализма, а жизненный уровень населения был бы в 10–15 раз выше настоящего” (Завтра. 2000. № 31); “Милая моя, единственная, нежная, сладкая, добрая, знойная, хорошая, желанная, любимая, родная, неповторимая, непревзойденная! Деточка, веточка, ласточка, рыбонька, воробушек, кисонька, лапушка, птенчик мой, горлица, голубушка, звездочка, козочка, солнышко, золотце... Алмаз души, свет очей!.. Жемчужина сердца! Ну будь ты человеком, ну дай на пиво!” (Сегодняшняя газета. 2003. 27 дек.).

Исследователи литературного постмодернизма упоминают также феномен “*сквозной контрастности, или противоречивости постмодернистского текста*” (Ильин И.П. Указ. соч. С. 240). Принцип контраста, как и соответствующий ему стилистический эффект, реализуются в упомынутых нами приемах. Сюда можно также отнести *зевгму*: “Отсюда вывод: пиво должно быть свежим. И девушки – тоже” (Комок. 2001. 17 апр.); “Алкоголь вызывает кратковременное расширение сосудов и круга друзей” (Телевизор. 2003. № 53); *антана-классу*: “Не нами замечено, что народ достоин тех правителей, которых имеет (и которые потом имеют его, добавляют острословы)” (АиФ. 2001. № 6); *антитезу*: “Оптимисты изобретают самолет, пессимисты – парашют” (Телевизор. 2003. № 53); *антифразис*: «Особенно *трогательна* сценка с поджариванием верещащей старушки (отчего-то немедленно вспоминаются всякие курорты типа “Бухенвальда”, “Освенцима” и “Маутгаузена”») (Сегодняшняя газета. 2000. 8–14 июля); «*Жизнерадостная* детская радиопередача. Конкурс для юных знатоков. Главный приз: энциклопедическое издание “Сто самых великих смертей мира”. Для счастливого детства подарок просто неза-

менимый!» (Лит. газета. 2003. № 30); *прием обманутого ожидания*: “Писать афоризмы я начал рано: жена и дети еще спали” (Лит. газета. 2001. № 31–32); “Если вы очень боитесь расползеть, выпейте 50 граммов коньяку – он притупляет чувство страха” (Комс. правда. 2001. 14 дек.); *столкновение разностилевых элементов*: “Даже извечные оппозиционеры из КППРФ и те *демонстрируют лояльность* к Кремлю и всячески *стараятся примазаться* к любым инициативам В. Путина” (АиФ. 2000. № 46); “Шампанское из тувельки – это вам не водку из кирзача” (Телевизор. 2003. № 53).

Некоторые из названных приемов (особенно такие, как антитеза, столкновение стилей, обманутое ожидание) могут выполнять текстообразующую функцию, пронизывая весь текст (“сквозная контрастность”) или быть доминирующим приемом, определяющим характер основного стилистического эффекта.

Из всего сказанного, на наш взгляд, можно сделать следующие выводы:

В стилистике современных российских газет получили отражение многие существенные черты литературного постмодернизма: интертекстуальность (цитатность, реминисцентность, аллюзивность, пародийность), стилистическая и жанровая гибридизация; экспансия комического в его аксиологических и развлекательных формах, осуществляемая, в частности, в разнообразных приемах языковой игры; эстетизация безобразного; гипертрофированная телесность с акцентуацией сексуального начала; нонселекция с тенденцией к деконструкции традиционных стилистических и жанровых норм, обращением к экстремальной стилистике, эксплуатирующей риторические приемы, дающие наиболее яркие стилистические эффекты на основе контраста.

Можно также утверждать, что в современных российских газетах явлены (в большей или меньшей степени) такие специфические черты русского постмодернизма, как политизированность, литературоцентризм (в смысле ориентации на приемы, используемые в художественной литературе), антинормативность (стеб), шоковая эстетика (“чернуха”, “порнуха”), контрфактичность, мистификаторство (фантазийные конструкторы). Эти черты как специфические для русского постмодернизма отмечены в “Лексиконе нонклассики...” (С. 353).

По сравнению с художественной постмодернистской литературой, в газетном дискурсе стилистические особенности постмодернизма, за исключением политизированности, получают неполное, адаптированное отражение, что объясняется несовпадением экстралингвистических факторов, обуславливающих в конечном счете стилистику художественной литературы с доминированием в ней эстетической функции языка и стилистику газеты, где информативная функция является определяющей.

Язык прессы

“Друг мой Аркадий, не говори красиво...”**О лексических ошибках в современной публичной речи**

© Э.Д. ГОЛОВИНА,
кандидат филологических наук

Не только процитированному в заголовке герою И.С. Тургенева, но и многим реальным его современникам претило пустопорожнее безвкусное краснословие. Однако жив курилка! Известное выражение И.А. Крылова “словечка в простоте не скажут” и сегодня приложимо к тем авторам устных и письменных публичных выступлений, которые считают хорошим тоном выразиться посOLIDнее, поученее, поцветистее. Свои устремления они осуществляют с помощью различных приемов и, прежде всего, путем отбора, предпочтения определенных лексических средств современного русского языка.

Так, из возможных синонимов выбирается более высокий по стилю: *возвести* коровник, а не *построить* (Кировская правда. 1998. № 31), *трудиться* в похоронном бюро, а не *работать* (Кировская правда. 1992, № 45), *познать* повадки медведей, а не *узнать* или *изучить* их (Кировская правда. 1998. № 75). Видимо, из особого уважения к хищникам таблоид “Досуг в Москве” (1999. № 44) пишет, что “волк питается мясом, но *кушает* он и землянику, и полёвок, и крупнокопытных”.

Стремление щегольнуть мудреным словцом приводит и к смещению паронимов, то есть однокоренных, но не синонимичных лексиче-

ских единиц: “*Зачинателем* скандала стала небольшая заметка в английской газете” (Дайджест-Куранты. 1991. № 1); “Один из *зачинателей* драки – Дмитрий Архипов” (Вятский наблюдатель. 1996. № 34); “В рисунках подкупает *естество*, какое-то легкое дыхание” (Книжное обозрение. 1990. № 5); “Сегодняшняя мода – это гимн гармонии, *естеству*” (Всем. 1998. № 13). Между тем инициаторы драк, скандалов и других неблагоприятных дел являются не зачинателями, а *зачинщиками*; книжное же существительное *естество*, употребленное вместо однокоренного *естественность*, на самом деле означает “природное свойство, суть, сущность”, например: непостижимость естества человека.

Так же не взаимозаменяемы паронимы *откровение* и *откровенность*, *останки* и *остатки*, *официозный* и *официальный*. Однако журналисты пишут: “Тут главное – суметь вызвать на *откровение* самих подростков и постараться понять их” (Новая газета. 2002. № 78); “У нас в слое земли 19-го века были найдены *останки* проволоки” (Наш вариант. 1997. № 43); “Автор говорит не об *официозных* вещах, а просто о себе, описывает увиденное” (Независимая газета. 1999. № 68).

Во-вторых, для авторов публичных выступлений явно иноязычные по облику и происхождению слова, как правило, предпочтительнее исконных языковых единиц. Так, еженедельник “Вятский наблюдатель” постоянно называет погоду *климатом*: “Ближе к ночи первыми посетителями пляжа стали выпускники вятских школ, которых *климат* не смущал” (Вятский наблюдатель. 2001. № 26); “Мартовских котлов что-то не видно – возможно из-за нестабильного *климата* чувства еще не проснулись” (Вятский наблюдатель. 1999. № 13). Невзирая на смысловые различия слов, журналисты именуют виновника ДТП *инициатором*, исключение – *аномалией*, инфекционное заболевание – *инфекцией*, соперника – *оппонентом*, задачу – *проблемой*, уровень – *кондичией*, преимущество – *приоритетом*, а местные СМИ – *локаль-ными*. Вопросы у нас не *обсуждаются*, а *муссируются* (раздуваются), экономическое отставание не *растет* и не *увеличивается*, а *прогрессирует*. Что-либо замечательное нас не *поражает*, а *шокирует*, несмотря на то, что глагол *шокировать* (от франц. “удар, толчок”) означает “приводить в смущение нарушением правил приличия и общепринятых норм”.

В-третьих, часто из существующих синонимических средств выбираются слова наиболее узкого, терминологического применения: “Это расходитсЯ с действительными фактами, причем противоположного *окраса* (вместо *окраски*)” (Деловой вторник. 2000. № 41); “Возникнут затруднения, например, не будут *заселять* (вместо *поселять*) в гостиницу” (Комс. правда. 2002. № 73); “Я думала, меня *захоронят* (вместо *похоронят*) с костылями” (Мегаполис-экспресс. 1999. № 38). “Протокольное” слово *подельник* по существу уже вытеснило на га-

зетных страницах существительное *сообщник*, хотя поделщиками являются не всякие сообщники, а лишь те, которые проходят по одному и тому же уголовному делу. Например: “Охрана задержала двоих *поделщиков*, которые попытались украсть с территории предприятия оборудование” (Наш вариант. 2000. № 7); “Собакин сохранил некоторые деловые способности, которыми и не замедлили воспользоваться его *поделщики*, переправлявшие угнанные машины в страны СНГ” (Собеседник. 1997. № 44); “В *поделщики* любитель геологических чудес взял свою маму. Она стояла под окнами и принимала камушки” (Кировская правда. 1996. № 28); “Охранник открыл окна кабинета, куда с улицы по водосточной трубе забралась двое его *поделщиков*” (Для Вас. 1994. № 30); “Вскоре детдомовец решил разбогатеть, нашел *поделщика*, вместе с ним и стащили иконы” (Вятский наблюдатель. 1994. № 39).

Существительные *кровать* и *постель* как в обиходном, так и в газетном языке все чаще заменяются словом *койка* (место для сна на судне, в общежитии, в больнице, казарме и в других “казенных домах”). Например: “Ну кто бы мог тогда подумать, что я буду спать в *койке* из красного дерева?” (Общая газета. 1997. № 15); “Посреди ночи его (главного энергетика. – Э.Г.) подняли с *койки* – на шахте произошла авария” (Комс. правда. 2004. 13 февр.); “Стоит кому-то оказать со мной в *койке*, потом просто невозможно отвязаться, прилипают насмерть” (Моск. комс. 2000. № 20); “Придется посмотреть сквозь пальцы на прыжки своего благоверного в чужую *койку*” (Клиент всегда прав. 1999. № 48).

В-четвертых, отметим склонность авторов устных и письменных публичных выступлений к ошибочной замене более простых по морфемному составу слов более сложными словами того же корня: *несоизмеримо* вместо *неизмеримо*, *проистекать* вместо *протекать*, *произрастать* вместо *расти*, *прикупить* вместо *купить*, *сожалеть* вместо *жалеть*, *сопричастный* вместо *причастный*, *распознать* вместо *узнать*, *разукрашивать* вместо *раскрашивать*, *излишний* вместо *лишний*, *извечно* вместо *вечно*, *заполучить* вместо *получить*, *заглавный* вместо *главный*, *оплата* вместо *плата*, *обосновать* вместо *основать*, *обучаться* вместо *учиться*, *вздоргнуть* вместо *дрогнуть*, *встряхивать* вместо *тряхивать*, *встать* вместо *стать*, *контекст* вместо *текст* и многие другие (См.: Головина Э.Д. На ошибках учимся: Практикум по культуре речи. Киров, 2003). Прочитав в этой связи хотя бы некоторые центральные и региональные периодические издания: “И точно могу сказать, что в те годы было *несоизмеримо* проще работать” (АиФ-Вятка. 2000. № 50); “Целых полгода жизнь местных снобов и музэстетов *проистекала* крайне скучно” (Моск. комс. 2000. № 35); “Кролики живут колониями, и их образ жизни несколько напоминает кошачий... Поэтому кошки и кролики *обучаются* пони-

мать друг друга” (Всемир. 2000. № 10); «Мы будем стоять на своем до конца. А вот “Яблоко” уже *вздригнуло*» (НТВ. Г.А. Зюганов); “Осторожнее, – пугается врач, отскакивая от пациента, – не *встряхивайте* их (тараканов. – Э.Г.)” (Вятская медицинская газета. 1997. № 6).

Особенно впечатляют случаи, когда предпочитаемое приставочное образование не только не тождественно бесприставочному, но и прямо противоположно ему по смыслу: *дисгармония – гармония, демобилизовать – мобилизовать, демонтаж – монтаж, инвариант – вариант, импотенция – потенция* и т.п. Например: “Множество разных *инвариантов* приходило в думающую голову” (Моск. новости. 1987. 25 янв.); “Можно ли мне в 74 года восстановить три года назад утерянную *импотенцию*?” (Твое здоровье. 2001. № 13).

Нередко выбор делается в пользу слов, имеющих более “солидную” суффиксальную часть, хотя и не тождественных по смыслу: *дерзновенный* вместо *дерзкий*, *дружественный* вместо *дружеский*, *гражданственный* вместо *гражданский*, *личностный* вместо *личный*, *адресат* вместо *адрес*, *концовка* вместо *конец*, *семейство* вместо *семья*, *заболеваемость* вместо *заболевание*, *лесничий* вместо *лесник*, *тематика* вместо *тема*, *проблематика* вместо *проблема*, *рецептура* вместо *рецепт*, *фактор* вместо *факт*, *картинг* вместо *карт*, *инструментарий* вместо *инструмент*, *персонаж* и *персоналия* вместо *персона* и т.д. Некоторые примеры: “Ну, дома на *педальном картинге* не очень-то разгонишься” (ТелеСемь. 2001. № 14); “Российскими духовными лидерами XX века не постеснялись назвать Бари Алибасова, Эдуарда Лимонова, Бориса Березовского и еще десяток *персоналий*” (Мир за неделю. 1999. № 7); “Можно назвать ряд *персоналий* и учреждений, в отношении которых проводится исследование” (Новая газета. 2002. № 67); “Москва встречает всевозможных звездных *персонажей*” (Моск. комс. 2001. № 26).

Предупредить описанные речевые ошибки помогает обращение к толковым словарям современного русского литературного языка, а также к словарям лексических трудностей, к словарям паронимов и синонимов.

Киров

ОБ ОДНОМ ПАМЯТНИКЕ ИЗ БИБЛИОТЕКИ Н.П. РУМЯНЦЕВА

© Т. Г. ПОПОВА,

кандидат филологических наук

Рукопись, о которой пойдет речь в настоящей статье, представляет собой самый древний среди известных в настоящее время восточнославянских списков Лествицы и вообще одну из древнейших дошедших до нас. Она хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (фонд 256, № 198). В состав этого фонда входят рукописные книги из библиотеки известного библиофила, мецената и любителя древностей, государственного канцлера, графа Николая Петровича Румянцева (1754–1826), известного также как создатель славистического кружка, задачей которого ставилось изучение и издание текстов древнейших славянских рукописей.

Данная рукопись содержит текст Лествицы Иоанна Синайского – “книги для иноков драгоценной, и для мирян глубоконазидательной и многополезной” (Герман [Осецкий]. Преподобный Иоанн Лествичник и его Лествица постепенного нравственного усовершенствования. СПб., 1854). В тексте книги отсутствует дата, которую можно было бы с уверенностью считать точным указанием на время ее создания.

В целом, рукопись сохранилась сравнительно неплохо: блок книги не нарушен, он не распадается. Только на отдельных начальных листах книги текст затерт и некоторые слова практически не читаются. Все листы рукописи сохранились. Нижние внешние углы отдельных листов книги потрепаны и осыпаются. Первый лист изрезан каким-то острым предметом и чернила на нем полиняли. Некоторые листы книги повреждены жучком. Начало каждого “Слова” отмечают инициалы: они занимают пространство, по высоте равное примерно пяти строкам с междустрочиями. Почерк довольно уверенный, ровный, крупный и четкий. Рукопись не принадлежит к числу роскошных, бо-

гато украшенных, о чем свидетельствует и относительно невысокое качество пергамента, а также простота и скромность ее оформления.

Данная рукопись содержит “Житие преподобного отца Иоанна”, “Ответное послание Иоанна Лествичника Иоанну Раифскому”, текст 30-ти “Слов Лествицы”, “Слово к пастуху”.

Первое упоминание об этом памятнике содержится в частном письме Константина Федоровича Калайдовича (Письмо К.Ф. Калайдовича Н.П. Румянцеву от 14 октября 1824 года // Переписка государственного канцлера графа Н.П. Румянцева с московскими учеными. Пред., Прим. и Указ. Е.В. Барсова. М., 1882). Деятельность этого известного ученого имела основополагающее значение для научного становления славянской кирилловской палеографии. Напомним, что именно К.Ф. Калайдович нашел “Изборник Святослава 1073 года”, который по своим лексическим данным очень близок памятникам “Преславской книжной школы”, возникшей в Болгарии в период правления царя Симеона. Калайдович издал отрывки из этого памятника и ему же принадлежит честь открытия древнейшей рукописи “Шестоднева”, он является и автором книги “Иоанн, экзарх Болгарский” (М., 1824). Эти обстоятельства, свидетельствующие об интересе ученого к Преславской культурно-литературной традиции, и, в частности, к деятельности экзарха, позволяют нам высказать предположение о том, что К.Ф. Калайдович вполне мог сознательно и целенаправленно искать рукописи Лествицы, древнеболгарский перевод которой связан с деятельностью экзарха (Соболевский А.И. Древняя церковнославянская литература и ее значение. Харьков, 1908). Кроме того, как явствует из упомянутого письма, специально для приобретения рукописи Лествицы Н.П. Румянцев выделил К.Ф. Калайдовичу весьма немалую по тому времени сумму в 300 рублей.

10 октября 1824 года К.Ф. Калайдович нашел интересующий его манускрипт в Москве у одного старообрядца, торгующего рукописями, старопечатными книгами и другими памятниками древней культуры, который запросил за книгу 350 рублей. Ученый купил Лествицу и препроводил ее в Гомель, где в то время находился Н.П. Румянцев. В своем письме К.Ф. Калайдович извиняется перед его сиятельством за то, что “сделал передержку в 50 рублей, боясь, чтобы книга не попала в чужие руки”.

Получив рукопись, граф Н.П. Румянцев немедленно отправил ее Александру Христофоровичу Востокову – малоизвестному в то время молодому ученому, одному из членов основанного канцлером славистического кружка. Позднее А.Х. Востокова В. Копитар назвал “светилом русского ученого мира” (Колесов В.В. Александр Христофорович Востоков // Отечественные лексикографы XVIII–XX века. М., 2000). В своем письме Н.П. Румянцев обратился к А.Х. Востокову с просьбой, чтобы тот сделал о книге “решительное заключение”

(Письмо Н.П. Румянцева А.Х. Востокову от 28 октября 1824 года // Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными замечаниями И.И. Срезневского. Сб. ОРЯС. СПб., 1873, т. V. Вып. 2).

Конечно же, А.Х. Востоков по достоинству оценил присланную ему рукопись. В ответном письме графу Н.П. Румянцеву он поздравляет его сиятельство с приобретением “драгоценной” книги, которая будет “первой по древности” в библиотеке канцлера и третьей по древности в Императорской Публичной библиотеке; “древнее” этой книги только “Остромирово евангелие и Григорий Богослов” (Письмо А.Х. Востокова Н.П. Румянцеву от 22 ноября 1824 года (Там же). С этого времени рукопись стала предметом пристального внимания ученого. В письме К.Ф. Калайдовичу А.Х. Востоков писал: “Приобретенный Вами для канцлера Лествичник XII века уже несколько недель меня занимает. Я пересматриваю его, сличая с другими списками графской библиотеки, и весьма многому научаюсь из этой любопытной древней рукописи” (Письмо А.Х. Востокова К.Ф. Калайдовичу от 19 декабря 1824 года. Там же).

Заметим, что в библиотеке канцлера в 1842 году было уже шесть списков “Лествицы”. А.Х. Востоков в книге “Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея” (СПб., 1842), а также в письмах, адресованных Н.П. Румянцеву и К.Ф. Калайдовичу, оставил много интересных и ценных наблюдений над особенностями языка и орфографии рукописи. Таким образом, первым исследователем ее стал А.Х. Востоков и именно ему принадлежат первый палеографический обзор списка и датировка его XII веком.

Двумя самыми главными вопросами, на которые призвана ответить палеография, являются вопросы о времени и месте создания памятника. Помочь ответить на эти вопросы могут различные записи, заметки на полях, поздние исправления и приписки в тексте памятника, возникшие вследствие его бытования на определенной территории в определенное время.

На первом листе Лествицы начертаны некие, не совсем понятные письмена, в переводе с так называемой “тарабарской грамоты”: “климакс сиречь лествица божественнаго восхода имеющи степень”. Заметим, что именно с таких слов начинается сам текст Лествицы в этой рукописи. Обратимся к “зашифрованной” записи на первом листе. Интересно, что почти все написания в ней после ее “расшифровки” являются этимологически верными. Исключение составляют два момента: 1) буквы редуцированных употребляются только в конце словформ, и в некоторых словах на месте *ъ* написано *о*; 2) в формах *сиръчь* и *лъствица* буква *ь* употребляется этимологически верно, а в форме *имеющи* на ее месте написано *е*. Кроме того, в тексте “исходной” записи функционирует исконная форма действительного причастия настоящего времени нетематического глагола *имеющи* (мена *оу* – *ю*

свидетельствует о болгарском протографе или оригинале). Еще заметим, что почерк “зашифрованной” записи представляет собой младший устав, переходящий в старший полуустав. Названные факты дают основание полагать, что запись на первом листе памятника является достаточно поздней, сделана не ранее XV века.

На последнем листе книги много приписок, сделанных разными почерками. Среди них можно выделить отрывки из молитв и песнопений, отдельные части фраз, слова, буквы, а также имена, расположенные в таком порядке: *Петр, Христина, Иван, Симеон, Лавр, Вассиан, Силуян*. Рядом с первым именем – *Петр* изображен крест, что означает поминальные записи.

А.Х. Востоков замечал, что многие, на первый взгляд кажущиеся бессвязными записи могут принадлежать одному человеку, который “для упражнения руки своей повторяет часто одни и те же буквы и слова” (Переписка А.Х. Востокова...). При этом два раза в отрывках встречаются слова *от князя*. В первом случае даже есть имя этого князя: *Ярополк (ото князя от яръпока* – с пропущенными буквами *л* и *т* над *о*). “Имя Ярополка могло бы повести к открытию, когда начертаны сии пробы пера (или трости), если бы нам известны были все князья, носившие это имя. В XIV веке я не мог отыскать ни одного Ярополка. Моложе всех упоминаемых под 1197 и 1214 гг. Ярополк Ярославич, правнук Олега Святославича Черниговского. Прочие все жили в XII веке и ранее” (Там же). Однако, во-первых, чернила в этой записи более яркие и свежие, чем в других, и, во-вторых, особенности начертаний букв *з* и *ъ* свидетельствуют о том, что запись эта не может быть сделана ранее конца XIII – начала XIV веков (буква *з* имеет большую круглую головку и круто направленный вперед хвост; мачта буквы *ъ* имеет сильный наклон в правую сторону, петля буквы большая, набухшая и деформированная).

Во второй записи читаем: *от князя к тивуну да*. По всей вероятности, *да* – это начало какого-нибудь собственного имени (например, *Даниилу* или *Давыду*). А.Х. Востоков полагал, что “писавший сие был, может быть, дьякон какого-нибудь князя Ярополка и, пробуя перо или трость свою писальную, выбрал естественно такие для него слова, какими начинались грамоты княжеские: *от князя* и т.д.” (Там же).

К истории бытования памятника, помимо указанных записей на первом и последнем листах, необходимо отнести следы читательской правки, выражающейся в надписях в междустрочии над буквами древнего текста, относящиеся к тому же времени.

А.Х. Востоков датировал рукопись XII веком, не уточняя вопроса о месте ее написания, и ограничился тем, что назвал рукопись “восточнославянской” (Востоков А.Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842). А.И. Соболевский на-

звал ее одним из источников по изучению древнекиевского говора, утверждая тем самым, что рукопись создана киевским писцом, и уточнил датировку А.Х. Востокова, считая, что список создан в первой половине XII века (Соболевский А.И. Источники для знакомства с древнекиевским говором // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. № 2; Соболевский А.И. Как произносилась в древней Руси ижца после согласных? // Русский филологический вестник. Варшава, 1882. VII).

Достаточно подробный лингвистический анализ текста рукописи принадлежит П.В. Владимирову (Владимиров П.В. Пятидесятилетие “Мыслей об истории русского языка”. Румянцевская Лествица XII века, № 198 // Университетские известия. Киев, 1899. № 2). Исследователь обнаружил, что “с листа 178б Рум. написана другой рукой”, а также выявил такие существенные языковые особенности списка, как большое количество “русских форм” с *ж*, соответствующих *жд*, несколько полногласных форм, редкое “старославянское употребление *ъ* и *ь* при плавных *р*, *л*, заменяемое русским выговором, выдержанным в Лествице”, твердость *ж*, *ш*, *щ*, *ч*, отвердение [г], случаи употребления йотированных *юсов*, переход *е* в *о* после шипящих, *ј* и *с*, ряд написаний с *є* вместо *ѣ* (и наоборот), с *ѣ* вместо *и* (и наоборот), “полное отсутствие” мен *ц* и *ч*, *жг* и *жд* и др. (Там же). Заметим, однако, что в этом описании графико-орфографических особенностей рукописи содержится ряд неточностей. Так, например, по мнению П.В. Владимирова, в рукописи “после согласных *ж*, *ч*, *ш*, *щ* всегда, без исключения, употребляется *ъ*”. Между тем “исключения”, связанные с написанием *ь* после *ч* и *ж*, в рукописи встречаются: *сирѣчь*; *чьрньмць*, *ноужьныхъ* и др. Он же утверждал, что перевод, “по всей вероятности, сделан <...> в пределах сербохорватской речи” (Там же). Такое предположение ученый высказал, обнаружив в тексте типичные, “замечательные”, сербохорватские выражения и формы, зафиксированные в словарях Миклошича и Караджича.

К числу важных наблюдений, сделанных П.В. Владимировым, можно отнести следующие: 1) оригинал славянского текста Лествицы был глаголическим: его “остатки сохранились в некоторых начертаниях первого передельвателя из глаголицы в кириллицу”, и 2) рукопись имела “южнорусское” происхождение: “памятник писан в пределах волынских, но без галицких особенностей” (Там же).

Составители Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, датировали рукопись серединой XII – началом XIII века (Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (XI–XIII вв.). М., 1984).

К мнению А.Х. Востокова приближается точка зрения Н.Б. Тихомирова, который в устном разговоре с М.Г. Гальченко высказался о том, что эта рукопись (назовем ее *первой*) могла служить протогра-

фом для второй рукописи Лествицы из того же собрания Н.П. Румянцева, датированной А.Х. Востоковым XIII веком (Востоков А.Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842), поскольку на одном листе рукописи XII века он нашел почерк писца следующей рукописи (Гальченко М.Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы / Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М., 2001. Т. 1). В этом же устном сообщении Н.Б. Тихомиров указал М.Г. Гальченко на “следы болгарского протографа” в тексте описываемого нами памятника.

Л.П. Жуковская изучала художественное оформление и особенности языка этих рукописей, но не согласилась с их датировкой А.Х. Востоковым. С ее точки зрения, вторая древнее первой, так как время создания второй рукописи – не позднее второй половины XI – первой половины XII века, а первая создана не ранее XIII века (Жуковская Л.П. Древнейшие Лествицы Румянцевского собрания как лингвистический источник русского средневековья // Румянцевские чтения. М., 1994. Ч. II).

Таким образом, по мнению Л.П. Жуковской, А.Х. Востоков ошибся в датировке этих двух древнейших славянских Лествиц из библиотеки канцлера Н.П. Румянцева, и эта ошибка привела к нарушению логики в нумерации списков: получилось, что более древняя стоит после более молодой. К сожалению, эта точка зрения Л.П. Жуковской содержится лишь в последней ее работе, опубликованной после кончины ученого, – в тезисах, посвященных 200-летию библиотеки графа Н.П. Румянцева, которые должны были быть раскрыты в виде научного доклада на Румянцевских чтениях в апреле 1994 года. К тому же, эта работа Л.П. Жуковской малоизвестна, напечатана она во внутреннем издании Российской государственной библиотеки, тираж которого составляет всего лишь 200 экземпляров. В любом случае, сейчас представляется почти невероятным изменение нумерации этих рукописей, поскольку обе достаточно широко размножены в виде микрофильмов, ксерокопий и проч., а изменение названий может привести к большой путанице.

Этот краткий обзор по сути исчерпывает литературу, посвященную первой рукописи. В целом, она изучалась крупными палеографами и лингвистами, однако детальному систематическому обследованию не подвергалась.

Назрела необходимость в сплошном целенаправленном изучении всей совокупности графических явлений в тексте нашего памятника на фоне аналогичных рукописей, таких как Галицкое Евангелие (1266–1301 гг.), Паренесис Ефрема Сирина (до 1288 г.), Добролюво Евангелие (1164 г.), Типографское Евангелие (конец XII в.), Буцацкое Евангелие (XIII в.), Житие Саввы Освященного (XIII в.), Архивская Лествица (не ранее 1219 г. и не позднее третьей четверти XIII в.).

Галицкое Евангелие, Паренесис Ефрема Сирина, Житие Саввы Освященного хранятся в Петербурге в Российской Национальной библиотеке, Добролюбово Евангелие – в Москве в Российской государственной библиотеке (в том же собрании Н.П. Румянцева), Типографское Евангелие и Архивская Лествица – в Москве, в Российском государственном архиве древних актов, а Буцацкое Евангелие – во Львове, в Музее украинского искусства. Из перечисленных памятников хорошо изученными являются Галицкое Евангелие (его анализу посвящен ряд работ О.В. Малковой), Архивская Лествица (ее графико-орфографическим особенностям посвящена кандидатская диссертация М.Г. Гальченко) и Житие Саввы Освященного (оно издано в начале прошлого века, издание этого текста и сам текст стали предметом анализа В.В. Виноградова в его кандидатской диссертации – за это исследование в 1919 году 24-летний ученый получил золотую медаль Совета Археологического института).

Особое место в этом ряду занимает Галицкое Евангелие: именно по нему датируются многие языковые явления юго-западных говоров древнерусского языка, позднее нашедшее отражение в украинском языке (Малкова О.В. Палеографическое описание галицко-волынской рукописи // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982).

Изученный материал позволяет предположить, что описываемая нами рукопись была создана во второй половине XII века на территории, занятой одним из юго-западных диалектов древнерусского языка, которые позднее вошли в состав украинского языка. Эта гипотеза основана и на таких языковых фактах, характерных для галицко-волыньских диалектов древнерусского литературного языка, как мена *оу – въ* (*лаурьскаго, оу печали, паулъ, въстранивъся, оуселеная, въгажеть...*), мена *и – ы* (*нирания, отригноу, самы В. п. мн. ч. вместо сами, степени Тв. п. мн. ч. вместо степени...*), “новый ъ” (*знамѣния, дѣлатѣль, тѣльсьныи, горѣть, о нѣмь...*).

Как обнаруживается, древнейшая славянская рукопись Лествицы продолжает предоставлять исследователям истории русского языка огромные возможности для лингвистического анализа.

Северодвинск

Из жизни Николо-Карельского монастыря

© Е.Г. ГАНЬКОВА

Общеизвестно, что монастыри являлись в прошлом средоточием культуры, а по документам, хранящимся там, можно изучать историю государства. Николо-Карельский монастырь является тому примером.

С.Ф. Огородников в своем “Очерке истории городка Архангельска в торгово-промышленном отношении” с уверенностью называет 1410 год датой основания монастыря, но большинство исследователей ориентируются на 1419 год, дату первого летописного упоминания о монастыре, связанного с набегом скандинавов. Кстати, кто они были, доподлинно не известно. Очевидно одно: согласившись с мнением, что “для появления обустроенной монашеской обители, особенно в суровых условиях Крайнего Севера, необходимо как минимум 20–30 лет”,

основание монастыря можно отнести примерно к концу XIV – началу XV века (Климов А.И., Лизунов П.В. Небесные покровители города. Архангельск, 1998).

Весьма скудные сведения об основателе монастыря – преподобном Евфимии. Известно, что он был “просветителем корел”, «жил среди “корельских детей” на Летнем берегу и “просвещал” их, то есть обращал в христианство» (Шмигельский Л. Переключка времен // Северодвинск: Испытание на прочность. Северодвинск, 1998). Предание утверждает, что именно он принес в монастырь древнюю святыню – икону Николы Морского, а после скандинавского разорения в 1419 году вместе с монахами восстанавливал монастырь. Ни место, откуда пришел Евфимий на Карельский берег, ни тем более дата его рождения неизвестны, а дата кончины называется исследователями примерно 1435 год.

Тесно связана история монастыря с именем знаменитой новгородской посадницы Марфы Борецкой, о чем говорится в многочисленных исторических документах, а также в работах современных исследователей.

В настоящее время уцелевшие документы Николо-Карельского монастыря находятся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, но огромная их часть погибла во время сильных пожаров 1419, 1620, 1798 годов, тогда же пострадали монастырские постройки и имущество. В Государственном архиве Архангельской области (ГААО) в настоящее время находится свыше 3880 рукописей монастыря, многие из которых, к сожалению, ни разу не были востребованы.

В поле нашего зрения попал памятник деловой письменности монастыря конца XVI–начала XVII века “Приходо-расходная книга казначея старца Пимена казенным деньгам”. Она датирована 1601 годом. Документ написан скорописью и отлично сохранился. Рукопись дает широкое представление о хозяйственном состоянии монастыря в конце XVI–начале XVII века, то есть в период его экономического расцвета. Писец скрупулезно отмечает сделанные траты на продукты, одежду: хмель, солод, холст, сукно белое и черное, веревки, шубы, полушубки, овчины, рогожи, жернова, кожи, бумагу; мед, патоку, капусту, лук, чеснок, треску, палтус, конопляное семя, масло. И это далеко не весь перечень покупок. Кроме того, из записей видно, что деньги идут на молебен, на свечи, на церковное облачение, предоставляются в многочисленные монастырские деревни “на деревенский обиход”. Как свидетельствует “Сотная грамота из двинских писцовых книг... 1587–1588 годов”, Николо-Карельскому монастырю в конце XVI века принадлежало более 20 деревень (Климов, Лизунов. Указ. соч.). В тексте памятника находим названия некоторых из этих деревень: “В то(т) же д(е)нь да(л) ва(с)яну миронову в к(р)аснну ку(р)ю на дере-ве(н)скои обихо(д) ру(б)ль”.

Важную статью монастырских расходов составляют денежные расчеты с работавшими на монастырь крестьянами, которые не могли свободно покидать свои земли, но и барщины не было, а все взаимоотношения монахов с крестьянами строились исключительно на денежных расчетах: “Дано пастуха(м) лошадины(м) на(и)му от па(с)бы. ру(б)ль”; “...наняты были казаки на страду в со(л)зу сена коси(ти)”.

Особое внимание нужно уделить развитию в Николо-Карельском монастыре в конце XVI–начале XVII века рыболовного промысла. Так, в грамоте 1607 года, адресованной монастырю, говорится, что “игумен с братьею кормятся сами своими труды рыбною ловлею” (Булатов В.Н. Русский Север. Архангельск, 1999). Николо-Карельский монастырь в начале XVII века обладал своими судами, что подтверждает рукопись Пимена, где говорится о покупке лодки и двух карбасов: “Два ка(р)баса новы(х). 20 а(л)тын 60 гри(в)ною ... да у ста(р)ца логина ло(т)ку. 6 а(л)тын.” *Карбасы* – большие лодки – использовались для связей с берегом, при завозе якорей, для моржового и рыбного промыслов. Они были либо самостоятельными судами, либо буксировались кочами и лодьями (Шмигельский. Указ. соч.). Л. Шмигельский приводит и другие свидетельства того, что рыбный промысел монастыря был весьма развит на рубеже веков: “В 1572 году... богомольцы передали в... монастырь лодью-корелянку [лучшую для того времени по качеству лодку. – Е.Г.] со всей снастью, с двумя большими якорями и шеймами [якорными канатами. – Е.Г.]. В 1600 году... Степанов дал монастырю вкладом лодью-корелянку со снастью и с карбасом” (Там же).

К сожалению, в тексте рукописи нет упоминания о солеварном промысле, развивавшемся в Николо-Карельском монастыре в то время. Возможно, причиной этому послужил тот факт, что солеварение и продажа беломорской соли достигли своего наивысшего расцвета позднее, во второй половине XVII века, когда грамотой царя Алексея Михайловича (1642 год) был разрешен беспошлинный провоз шести пудов соли в одном дощанике и появились не только соляные варницы, но и заводы в Сюзьме (Булатов. Указ. соч.).

Стоит подробнее остановиться на размерах самого монастыря в означенный период: строения были лишь деревянные и только в 1664 году построена первая каменная церковь Успения пресвятой Богородицы. В 1587–1588 годы в Николо-Карельском монастыре было двадцать келий, в них жили “игумен Варлам да строитель Кирьяк, да братья 52 человека старцов” (Климов, Лизунов. Указ. соч.). В.Н. Булатов пишет, что “по описи 1601 года в обители проживали 51 монах и 23 человека слуг и трудников и детенышев в монастыре и по промыслам и по деревням” (Булатов. Указ. соч.). Впрочем, ситуация в течение нескольких веков была стабильной – монастырь оставался малонаселенным. И неудивительно: в северных условиях не было богатых па-

шен, а были, как пишет В.Н. Булатов, “мхи да болота”, да и вообще “место было убогое” (Там же).

Николо-Карельский монастырь в XVI–XVII веках получал, как и прежде, жалованные грамоты: в 1578 году – грамоту Ивана Грозного, запретившую брать людей из вотчин монастыря на военную службу, а в 1607 году царь Василий Иванович Шуйский жалованной грамотой игумену Калистрату подтвердил все льготы и привилегии (Предисловие к описи № 1 фонда № 191. ГААО). В целом, архив Николо-Карельского монастыря славен своими жалованными грамотами, среди которых одних только царских и великокняжеских более полутора сотен (Там же).

На протяжении всего XVI века монахи Николо-Карельского монастыря вели торговлю с иностранцами, в основном с англичанами. Особую известность среди них монастырь получил после 24 августа 1553 года, когда недалеко от Карельского устья Северной Двины бросил якорь корабль Ричарда Ченслера (Булатов. Указ. соч.). В конце XVI – начале XVII века торговля с английскими купцами продолжилась. Они покупали у монастыря рыбу, соль, муку, хлеб, овес, шкурки бобров, а в Россию привозили бумагу, сукно, олово, вина, пряности.

В 1568 году Николо-Карельский монастырь посетил Томас Риндольф, а в 1578 году по соседству с Никольским, на Кудожемском устье Северной Двины, обосновались торговые конкуренты англичан – голландцы. Монахи установили и с ними самые тесные отношения (Шаляпин С. Никольский причал // Летописец Севера. Архангельск, 1990).

Известность пристани святого Николая среди англичан стала причиной того, что она была упомянута наряду с пристанью святого Михаила (Архангельском) в грамоте английской королевы Елизаветы 29 мая 1589 года (Булатов. Указ. соч.).

Начало XVII века ознаменовано для Николо-Карельского монастыря двумя печальными историческими событиями: в 1613 году монастырь был разорен литовскими людьми и черкасами, а в 1620 году имущество монастыря сильно пострадало от пожара (Предисловие к описи № 1 фонда № 191. ГААО). Но эти события не дали повода для закрытия монастыря. Он восстановился и укрепил свои экономические и культурные связи.

Северодвинск

“Отчизна к вам взывает” Русская публицистика в 1812 году

© Г. В. СУДАКОВ,
доктор филологических наук

Общеизвестно, что вторжение французской армии в Россию вызвало острую, неоднозначную реакцию в дворянском обществе. Для простого народа француз как интервент был врагом с самого начала. А вот для дворян с последней четверти XVIII века всё французское: формы бытовой культуры, литература и искусство, язык – было образцом для подражания. Модным считалось не только говорить, но и думать по-французски. В городской усадьбе и сельском поместье функционировали два сословных языка: французский – для господ, русский – для простолюдинов. Война прояснила очевидную вещь: “с высшим состоянием хотя они [французы. – Г.С.] и сблизилась, будучи то дядьками, то учителями, но высшее состояние в России – еще не целая Россия” (Записки М.И. Маракуева // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников. М., 2001).

Вторжение Наполеона, связанные с этим бедствия, а особенно бесчинства его солдат в Москве в период с 2 сентября по 11 октября 1812 года поставили под сомнение галломанские идеалы высшего общества. Забегая вперед, заметим, что война не слишком помешала галломанским увлечениям дворянства. Прав оказался Ф.Н. Глинка, пророчески записавший в своем дневнике 7 ноября 1812 года: “Кто знает, может быть, эти выморозки поправятся, и наши расхватают их по рукам – в учителя, не дав им даже и очеловечиться” (Глинка Ф.Н. Записки русского офицера // Клятву верности сдержали: 1812 год в русской литературе. М., 1987). Уже 19 января 1814 года граф Ростопчин писал императору Александру: “Мания к французам не прошла в России” (Переписка императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчинным // 1812 год в воспоминаниях...).

Для речевой ситуации 1812 года наиболее актуальным было явление, замеченное и охарактеризованное В.Г. Белинским: “12-й год способствовал зарождению публичности как началу общественного мнения” (Белинский В.Г. ПСС. Т. XII). Само время обострило проблему формирования эффективных средств публичного общения, фактически тогда и возникла новая российская публицистика.

Начнем, однако, с самого острого момента – проблемы отношения к французской словесности и к французскому языку. А.С. Пушкин в

набросках рассказа “Рославлев” (1836) о языковой ситуации 1812 года писал: “Вдруг известие о нашествии и воззвание государя поразили нас. Москва взволновалась. Появились *простонародные* [курсив наш. – Г.С.] листки графа Растопчина; народ ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы вструхнули. Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх, и гостинные наполнились патриотами: кто высypал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюрок, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни” (Пушкин. Рославлев). А вот и свидетельство современницы тех событий – Марии Александровны Волковой: “Народ так раздражен, что не осмеливаемся говорить по-французски на улице. Двух офицеров арестовали: они на улице вздумали говорить по-французски; народ принял их за переодетых шпионов и хотел поколотить” (Из переписки М.А. Волковой и В.И. Ланской // 1812 год в воспоминаниях...); “Французский язык изгнан, крестьяне лишь услышат, что говорят на иностранном языке, сейчас же скорчат грозную гримасу... если, забывшись, по привычке начинали говорить по-французски, мужики сейчас спрашивали: не из тех ли негодяев, которые грабят Россию и Москву?” (Там же).

Итак, проблема употребления французского языка, по крайней мере, на период до конца 1812 года, была решена. Использование французского языка в публичном общении стало сомнительной, а то и опасной модой.

Появляются новые формы массовой информации, новые жанры публичного общения.

Прежде всего это печатные воззвания государя, Священного синода и Главного штаба. Высочайший манифест о созыве ополчения, как известно, был объявлен народу 6 июля 1812 года. Вслед за ним сразу вышло печатное (оформленное на отдельном листе – для раздачи и для расклейки) “Воззвание к первопрестольной столице нашей Москве!” Синода. Из-за необычности самого жанра первоначально эти манифесты произвели на население Москвы сокрушающее впечатление: “Когда я пробежал его, холодный пот выступил по всему моему телу; ужас, смешанный с каким-то болезненным чувством души, мешал видеть предметы в настоящем виде. Это воззвание в первый день напугало московских жителей, еще непривыкших, робких и болтливых”; “Решительный язык власти и барства более не годился и был опасен. Изданные тогда от правительства воззвания и различные извещения к народу чрезвычайно были любезны публике, а воззвание Св. Синода в особенности отличалось красноречием, силою и истинной” (Записки М.И. Маракуева).

Основа этих воззваний – церковно-проповеднический стиль. По стилистическим средствам, по используемым жанрам здесь можно видеть продолжение традиций агитационной литературы начала XVII века – периода Смуты, например, слог воззвания Святейшего синода: “Внушайте сынам силы в упование на Господа сил. Вооружайте словом истины простые души, открытые нападениям коварства. Всех научайте словом и делом не дорожить никакою собственностью, кроме Веры и Отечества” (цит. по работе: Мельникова Л.В. Отечественная война 1812 года и русская православная церковь // Отечественная история. 2002. № 6). Официально распространялись письма высокопоставленных особ священнического звания: “5 сентября проехали город Ефремов, где читали письмо Платона, митрополита Московского, к государю императору, пророческое. Сильное и чувствительное” (Записки М.И. Маракуева).

Прочитывались царские указы, манифесты и воззвания в приходских храмах, затем звучала проповедь священника, совершались молитва и богослужение. Таким образом, светская пропаганда дополнялась религиозно-патриотическим воспитанием.

Разнообразные критические замечания вызывали печатные афиши – прокламации Ростопчина. Они появились еще в июле 1812 года по идее военного губернатора Москвы Федора Васильевича Ростопчина – в первой прокламации извещалось о заключении мира России с Турцией: “Чтобы удовлетворить нетерпение тех лиц, которые везде и у всех и каждого спрашивали о подробностях, я приказал напечатать в полиции, для раздачи, несколько сот экземпляров с этим известием” (Переписка имп. Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным // 1812 год в воспоминаниях...).

К осени 1812 года афиши выходили ежедневно, однако для истории сохранилось не более двадцати таких текстов (см. их публикацию: Барсук Н.В. Ростопчинские афиши. СПб., 1912). Другие свидетельства об этих прокламациях: “4 сентября обедали в Ливнах, где читали афишку от 26 августа о битве Бородинской, которая состояла в нескольких строках” (Записки М.И. Маракуева); “В Москве напечатали известия, дошедшие до нас, в которых говорилось, что после ужасного кровопролития с обеих сторон ослабевший неприятель отступил на восемь верст, но, что для окончательного решения битвы в пользу русских на следующий день, 27-го, сделают нападение на французов, дабы принудить их к окончательному отступлению. Таково было официальное письмо Кутузова к Ростопчину, которое и поместили в печатном известии” (Из переписки М.А. Волковой и В.И. Ланской // 1812 год в воспоминаниях...).

Ростопчин справедливо решил, что “бороды будут оплотом России” (это выражение из его письма царю от 11.07.1812), но не нашел правильного тона в разговоре с народом. В оценке его афиш преобла-

дали отрицательные мнения: “А глупые афишки Ростопчина, писанные наречием деревенских баб, совершенно убивали надежду публики” (Записки М.И. Маракуева); “афишки московского градоначальника гр. Ростопчина выводили всех из терпения деревенским сказочным стилем, которым желал он приблизиться к понятию черни” (Там же). Избранный для изложения простонародный, сознательно вульгарный слог, излишне пафосная интонация вызывали раздражение у многих. Афишки продемонстрировали недостаток в стилистической системе русского языка начала XIX века общенародных средств, необходимых для публичного общения, в ростопчинской публицистике без разбору смешивались сатира и выспренность, грубое просторечие и церковнославянские архаизмы.

Денис Давыдов писал по этому поводу: “Я на опыте узнал, что в Народной войне должно не только говорить языком черни, но приноравливаться к ней и в обычаях и в одежде <...> Но не писать слогом объявлений Ростопчина. Это оскорбляет грамотных, которые видят презрение в том, что им пишут площадным наречием” (Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 года // Клятву верности сдержали: 1812 год в русской литературе. М., 1987); “Полина занималась одною политикою, ничего не читала, кроме газет, ростопчинских афишек, и не открывала ни одной книги... полицейские объявления графа Ростопчина выводили ее из терпения. Шутливый слог их казался ей верхом неприличия” (Рославлев) – такова пушкинская оценка этого жанра массовой агитации.

К счастью, агитационно-пропагандистская практика 1812 года, может быть, только у графа Ростопчина носила импульсивно-анархический характер. Более высоким уровнем отличалась иная, тоже официальная пропагандистская литература, о которой долгое время у исследователей не было полной информации. При Главном штабе по инициативе профессоров Тартуского университета А.С. Кайсарова и Ф.Э. Рамбаха был создан настоящий пропагандистский центр, ядром которого стала походная типография. Первоначальной целью, как написали в служебной записке инициаторы, было путем выпуска “летучих изданий” ведение разъяснительной работы в войсках неприятеля и среди населения соседних государств (Латвии, Польши, Германии), а также объяснение своему народу захватнических планов Наполеона (см. книгу “Листовки Отечественной войны 1812 г.: Сборник документов”. М., 1962). Кроме листовок, в походной типографии выпускали военную газету “Россиянин”.

Первая листовка тиражом не менее 600 экземпляров была издана около 20 июля 1812 года. Это было обращение М.Б. Барклая-де-Толли к жителям Псковской, Смоленской и Калужской губерний с призывом к вооруженной борьбе с противником (вот фрагменты этого воззвания): “Обыватели псковские, смоленские и калужские! Вы, истин-

ные сыны отечества, верные подданные монарху своему и бесстрашные защитники собственности! Внемлите гласу, воззывающему вас к собственному успокоению вашему, к собственной безопасности вашей... многие из жителей губернии Смоленской пробудились уже от страха своего. Они, вооружась в домах своих, с мужеством, достойным имени русского, карают злодеев без всякой пощады. Подражайте им все, любящие себя, отечество и государя!” (Листовки Отечественной войны 1812 г....). Идея защиты Отечества и защиты собственности, а также обращение к обывателям как истинным сынам Отечества означали новую концепцию войны: она – *Отечественная* (ради защиты Отечества), она – всенародная (призыв к развертыванию партизанского движения).

Через два дня после первой листовки было опубликовано обращение Барклая-де-Толли к российским дворянам с призывом о защите Родины: “Нашествие врагов силами великими на землю русскую возбуждает в каждом из нас дух справедливого мщения. Вера, обычай, свобода, целостность домов наших, словом, честь отечества в опасности... Увеличьте силу армий наших, поспешите в ряды между воинов русских... естли же отдаленность или другие препятствия не позволят иным присоединиться к нам, тогда, вооруженные в домах своих, истребляйте неприятеля мечом и пламенем... Да познают враги, на что народ наш способен. Не посралим земли Русские!” (Там же).

Листовки издавались также от имени М.И. Кутузова, от Главного штаба армии. Распространялись они в тех губерниях, населению которых были адресованы, а также по всей России, содержали объективную информацию и оказывали исключительно положительное воздействие на настроение народа: “Печатные известия из армии, рассылаемые по губерниям, конечно, уже известили тебя подробно обо всем” (Там же). Таким образом, Главный штаб занимался не только организацией обороны, но и организовывал общественное мнение. Выскажем предположение, что “летучие издания” в значительной мере способствовали закреплению ратной идеи русского солдата – “за веру, за царя, за отечество” (см. это выражение в письме смоленского помещика от 4–12.09.1812 в изд.: 1812 год в воспоминаниях...).

Строй мыслей, лексика и фразеология, понятные и нынешним русским, выбранный слог, воспроизводящий традиции древнерусских воинских повестей и патристических церковных проповедей, – всё было чрезвычайно успешно угадано и с энтузиазмом принято людьми.

После печатной пропаганды на второе место по значимости поставим устную речь полководца как образец ораторского стиля. Необыкновенным даром доброго русского приветливого слова отличался Кутузов: “Благодарить он куда мастер – так и вытянет душу на самый кончик носа” (Солдатская переписка в 1812 году // 1812 год в воспоми-

ниях...). Отмечали также солдаты речи генерала Милорадовича и полковника Дениса Давыдова.

Что касается текущих печатных изданий, то самым неоперативным средством массовой информации в 1812 году оказалась газета: “А в газетах о занятии Москвы напечатали недели через две. Кутузов, извещая о сем несчастье публику, утешал тем, что потеря Москвы не есть потеря отечества, что он запер неприятеля в ней, перерезал пути его сообщений и снабжения продовольствием. Таким рассказам тогда никто не верил, говорили на это, что Кутузов с ума сошел” (Записки М.И. Маракужева).

В ту пору выходили всего три газеты: “Санкт-Петербургские ведомости” (ежедневно), “Московские ведомости” (два раза в неделю) и еженедельные “Казанские известия” (Русская периодическая печать [1702–1894]. Справочник. М., 1959). Отдельное слово о журналах, которые оказались для общества более заметны. Прежде всего “Сын Отечества”, основанный Н.И. Гречем в 1812 году специально в связи с событиями Отечественной войны. В нем печатались официальные воззвания, публицистические статьи и художественные произведения о подвигах регулярных русских войск и партизан. Событиям наполеоновских войн были посвящены многие страницы ежемесячного журнала “Русский вестник”, издаваемого С. Глинкой. В нем публиковались рассказы о русской армии и информация об успехах в войне 1812 года. “Вестник Европы” выходил два раза в месяц, редактировал его в то время М.Т. Каченовский, который практиковал политические фельетоны и патриотическую лирику.

Весьма распространено было общение с помощью частных писем. Эпистолярный стиль – детище конца XVIII – начала XIX веков, именно письма стали главным средством передачи информации: “Письма из армии приходили почти каждый день, старушки искали на карте местечка *бивака* и сердились, не находя его” (Пушкин. Рославлев); “Получаемые тогда из Москвы партикулярные [частные. – Г.С.] письма ничего в себе не содержали, кроме известий о здоровье и уведомлений, что завтра или послезавтра поедут на богомолье к Троице” (Записки М.И. Маракужева); “Если через неделю ты не получишь от меня другого письма, значит, меня уже не будет в Москве. Куда мы поедем, не знаю, а равно не ведаю, каким образом буду получать твои письма и сама писать тебе” (Из переписки М.А. Волковой и В.И. Ланской // 1812 год в воспоминаниях...); “Я часто получаю послания от Валуевых; они так привязались ко мне в течение трех месяцев, проведенных с нами, что при всяком удобном случае посылают мне дружеские письма. Подробности, которые они сообщают мне о Москве, крайне интересны” (Там же).

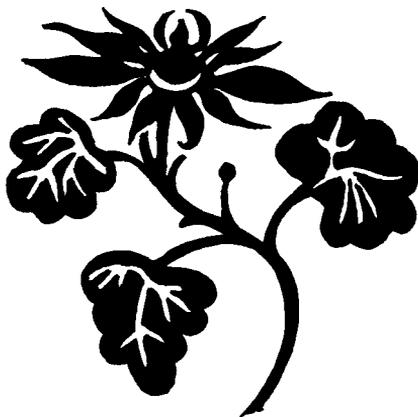
Самым массовым и эффективным средством коммуникации были слухи, распространяемые устным путем: “мы пробиваемся слухами, распускаемыми в народе, которые большею частию не что иное, как выдумки” (Там же).

Закончим рассказ сведениями о художественных текстах, созданных непосредственно в дни войны и распространившихся часто устно: это прежде всего народные песни (казацкие, солдатские). Образцом такой солдатской песни является датированное 5(18) июля 1812 года сочинение отставного солдата Фанагорийского гренадерского полка Никанора Остафьева из Вологды (возможно, это псевдоним) – “Песнь к русским воинам”. Приведем начало текста (цит. по изд.: Клятву верности сдержали):

Братцы! Грудью послужите,
Гряньте бодро на врага,
И вселенной докажите,
Сколько Русь нам дорога!
Посмотрите, подступает
К нам соломенный народ;
Бонапарте выпускает
Разных наций хилый сброд.
Не в одной они все вере,
С принуждением все идут;
При чувствительной потере
На него же нападут.
Вся Европа ожидает
Сей гибели его;
Бонапарта почитает
За злодея своего.

Уже в 1812 году издаются многочисленные анонимные антинаполеоновские брошюры: “Воззвание к соотчичам, найденное у подножия памятника князя Италийского графа Суворова-Рымникского”, “Разговор двух россиян и истинные чувства российского дворянства при получении Высочайшего Манифеста от 6 июля 1812 года”, “Беседа столетнего подмосковного жителя с пленным французским солдатом”, “Видение и разговор Н. с С. после сожжения Москвы и подорвания части кремлевских стен при уходе Наполеона с войсками из оной, куда он был допущен без бою и почти в пустую” и др. (Шведова Надежда. Злых фурий светоч: Образ Наполеона в русской публицистике XIX века // Родина. 2002. № 8). Появляются и первые авторские художественные патриотические произведения, например поэма Жуковского “Певец во стане русских воинов” (сентябрь – начало (до 6) октября 1812), строчка из которой использована нами в названии этой статьи.

Таким образом, короткое по времени французское нашествие в Россию вызвало мощную волну патриотического подъема, активизировавшего общественную жизнь, энергично отразившегося в различных формах речевого общения в 1812 году и гулким эхом прокатившегося в художественной литературе всего девятнадцатого века.

АНГЛИЦИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVI–XIX вв.

Историко-культурный аспект

© С.В. ЛИТВИНОВ,
кандидат культурологии

Многовековой процесс взаимодействия русской и английской культур довольно многогранен. Основная его часть – это взаимное обогащение словарного состава обоих языков.

Судьба таких лексических заимствований различна. Часть из них прочно вошла в состав русского языка, укоренившись в нем настолько, что перестала восприниматься как заимствования, считаясь исконно русскими словами. Судьба других быстротечна: забытые в пределах жизни одного–двух поколений, они являются свидетелями не только контактов между русским и английским языками, но и показывают картину глубокого интереса к английской культуре, который возник в России в середине XVI века. На протяжении последующих столетий этот интерес рос и укреплялся, развиваясь с разной степенью интенсивности в различные исторические эпохи – от простого любопытства до англomanии.

Так, на первых этапах знакомства русских с английской культурой сферы взаимодействия были немногочисленны и специфичны: торговля, дипломатия, военное дело. Им соответствует и тематика заим-

ствований: должности, титулы, названия учреждений, военные и морские термины, единицы измерений и денежные единицы. Первыми источниками, в которых находятся англицизмы, являются статейные списки русских посольств в Англию к королеве Елизавете и королю Якову I. Отсутствие в языке соответствующих слов заставляет русских дипломатов употреблять английские, передавая их в русской транскрипции. Прежде всего, это названия английских должностных лиц и титулов – *пристав алдраман* (alderman), *чифджестес* (Chief Justice – верховный судья), *лорд кинер* (Lord Keeper – хранитель государственной печати), *ерль* – (earl), *казначей лорд трезер* – (treasurer). Иногда эти слова калькируются. Так, например английское *speaker* превращается в русское *речник*.

В XVIII веке взаимодействие русской и английской культур выходит на новую, более высокую ступень развития. Этому способствовало установление тесных контактов между Россией и Англией в сфере экономических и научных отношений. Стал расти интерес к английскому языку, особенно после посещения Петром I Англии, одним из результатов которого был приезд в Россию английских корабельных мастеров, инженеров, ученых. За время его царствования в русский язык проникло около 3000 слов (Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху // Сб. отд. яз. и словесности. СПб., 1910. Т. 88. № 2). Именно на Петровскую эпоху и на царствование Анны Иоанновны (30-е годы XVIII в.) приходится чуть больше заимствований, вошедших в словарный состав русского языка за весь XVIII век (Биржакова Е.Э. и др. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972).

Основным каналом проникновения англицизмов в Петровскую эпоху были переводные иностранные книги, Петр I стал непосредственным участником этого процесса, составляя списки книг, которые должны были быть переведены. Он также занимался вопросами подготовки переводческих кадров и разработкой регламентации правил перевода. Английская переводная литература в этот период еще не занимает достаточно значительного места, уступая немецкой, французской, итальянской и голландской книгам.

Князь Б.И. Куракин, проведший в Англии значительное время, исполняя дипломатические обязанности при английском дворе, употреблял большое количество английских слов в своих письмах и дневниках. *Ординарий* – он называл трактир (ordinary), *портером* – привратника (porter), *ферой* – ярмарку (fair), *форейнером* – иностранца (foreigner) (Архив князя Куракина. Т. I–III.).

В царствование Екатерины II большое значение придавалось переводам и изданиям иностранной литературы. Для этого было учреждено переводческое общество, задачей которого стало распространение переводной литературы в России. Русского читателя с образцами англ-

лийской литературы знакомят Н.Н. Жданов, Л. Собакин, И. Акимов, А.Н. Лушков. Известный российский поэт и драматург А.П. Сумароков перевел шекспировского “Гамлета”. Но количество переведенных с английского языка книг по-прежнему уступает переводам с немецкого или французского языков.

Ценным источником для изучения распространения англицизмов в русском языке в XVIII веке служит трехтомный словарь Н. Яновского “Новый словотолкователь, содержащий в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно” (СПб., 1803–1806). Примечательно, что в нем впервые появляется термин *англицизм*, который трактуется как “выражение речи, свойственное английскому языку” (Яновский Н. Новый словотолкователь... Т. I). Здесь же впервые дается и объяснение слова *англоман*: “кто удивляется и подражает с излишеством, смеха достойным, всему тому, что делается в Англии”.

Особое место занимали слова из кораблестроительной и морской терминологии, что вызвало появление специального “Трехязычного морского словаря на английском, французском и российском языках, собранного и объясненного А. Шишковым”, изданного в Санкт-Петербурге в 1793 году.

XIX век стал временем расцвета Британской империи. Ее международный авторитет и роль в европейских и мировых делах неизмеримо возрастала. Англия стала передовой державой в развитии науки, техники, промышленности и сельского хозяйства. Торговые отношения России и Англии, которая становится крупнейшим потребителем русского экспорта, интенсивно развиваются. Различные стороны английской жизни находят отражение на страницах русских журналов, которые публикуют как переводные, так и оригинальные материалы об английской литературе, искусстве, науке, политике, системе воспитания и образования, театре, моде. Поездки русских в Англию с различными целями – туристическими, деловыми, учебными – оставляли впечатления, публиковавшиеся в виде дневников, путевых заметок, очерков, в которых авторы знакомили русскую публику со многими сторонами английской жизни. Эти литературные и публицистические произведения изобилуют словами английского происхождения, что вполне естественно, так как предметы и явления, характерные для английского образа жизни, не имели русских наименований. Н.М. Карамзин в “Письмах русского путешественника” приводил объяснение некоторым английским словам – *рост-биф*, *биф-стекс*, *сплин*. Так англицизмы становились достоянием широкой публики, которая вообще не владела ни письменным, ни разговорным английским языком. Значительная часть заимствований отражала быт и привычки английской аристократии: *денди*, *дендизм*, *комфорт*, *тост*, *раут*, *пикник*, *фешенебельность*. Предметы и явления английского образа жизни стали достоянием и русского общества.

В первой половине XIX века произошел ощутимый рост интереса к английскому языку и культуре образованного русского общества. К концу царствования императора Александра I английский язык вошел в число предметов, изучаемых детьми высшей аристократии и столичного дворянства. Знания, полученные при изучении английского языка, использовались для чтения оригинальной литературы, прежде всего, художественной, а также во время поездок в Англию.

Наряду с литературой значительную роль в распространении англицизмов играл и театр, где шли пьесы английских драматургов. В 20-е годы XIX века особым успехом пользовались переделки пьес Шекспира и романов В. Скотта, предназначенные для постановки на сцене.

С начала 60-х годов XIX века начинается эпоха широкого распространения преподавания и изучения западноевропейских языков в России. К этому же времени относится появление англо-русского билингвизма, что способствовало новому мощному потоку заимствований. Наиболее обширную группу из них составляют научные и технические термины. К ним примыкают общественно-политические, религиозные, философские, финансовые, военно-морские термины.

В заключение следует сказать о передаче англицизмов в русском языке. Произносительная норма не сразу стала единой. Так, английское *l* на конце слога могло быть как твердым, так и мягким – *Валтер Скотт* и *Вальтер Скотт*. В переводе байроновского “Дон Жуана” Н. Маркевича рядом стоят *Нельсон*, но *Трафалгар*. Не сразу установилось и произношение слова *фешенебельный*. “Говорят, что в издании Листка участвует лондонское *фешёнебельное* общество...” (Белинский В.Г. Русская литература в 1841 году. Курсив в цитатах наш. – С.Л.).

Также следует отметить различия в произношении слов *клуб* и *клуб* – “Он ездил в английский *клуб*, играл до глубокой ночи в вист” (Греч Н.И. Черная женщина. 1834), *комфорт* и *конфорт* – «На ночлегах чтоб “отели” Английский *комфорт* имели...» (Мятлев И. Сенсации и замечания г-жи Курдюковой. I, 1840), *раут* и *роут* – “Толкался на *роуте* австрийского посла” (Письмо А.И. Тургенева Вяземскому, 1832). С течением времени одна форма вытесняла все остальные и произношение англицизмов стабилизировалось.

Лексические заимствования из английского языка сыграли и продолжают играть важную роль в процессе взаимодействия русской и английской культур. За последние двадцать лет XX века процесс проникновения англицизмов в русский язык значительно усилился, что связано с коренными социально-экономическими и политическими изменениями, происшедшими как в России, так и в странах англоязычного мира.

БЫЛИЧКИ ОБ ОБОРОТНЯХ

© В.Ф. ФИЛАТОВА,
кандидат филологических наук

Былички об оборотнях до сих пор бытуют в Воронежском крае.

В мифологии оборотничество определяется как “магическая перемена облика персонажа. Преимущественно – временное превращение с последующим возвращением к первоначальному (подлинному) виду” (Неклюдов С.Ю. Оборотничество // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988. С. 234–235). С феноменом оборотничества связана лексика, называющая как процесс, так и его субъекты.

Перевоплощение именуется в воронежских говорах процессуальной лексикой: *обвертаться, обёртываться (обернуться), обращаться (обратиться), оборачиваться, перевертываться (перевернуться), переворачиваться, перекидываться, переметываться, превращаться (превратиться)*. Глаголы *обвертаться, обертываться, обращаться, превращаться* в рассматриваемом значении Словарем русских народных говоров не зафиксированы. Форма *обвертывать-*

ся в значении перевоплощения имеет пометы **Арх., Перм., КАССР, Олон., Новг., Сиб.** *Переворачиваться, перекидываться* в мифологическом значении сопровождаются пометами **Арх., Перм., Терск.** *Переметываться* в значении “перевоплощаться” зафиксировано без указания места, со ссылкой на Даля. Как видно, лексика перевоплощения не имеет помет как *воронежская*, в то время как она повсеместно бытует в воронежских говорах. Приведем примеры недавних записей: “Колдуны по ночам на ножах перевертывались и чем хошь могли сделаться” (с. Третья Александровка, Терновский р-н, Мишина З.П., 72 г., малограм., 1992 г.); “Ее мать была колдунья. Она в зверей обёртывалася” (с. Криуша, Панинский р-н, Поповская А.С., 85 л., малограм., 1999 г.); “Перемётки раньше были. Не видала, не довелось, как они перекидывались, не знаю. Свиньей перекидывалась, говорят” (с. Ярки, Новохопёрский р-н, Гранкина М.С., 1924 г. р., 7 кл., 1998 г.).

Перевоплощение происходит, согласно текстам, в кошку, собаку, лошадь, корову, свинью, теленка, жеребенка, то есть в любое домашнее животное; в ужа, жабу; в колесо, тыкву, цепь – не в странные, аномальные предметы, а в самые обычные. Однако все эти существа и вещи, в которые перевоплощаются оборотни, приобретают необычные свойства: вещи самостоятельно перемещаются, животные передвигаются с большой скоростью и ведут себя необычайно агрессивно: кусаются, бросаются под ноги, преследуют свою жертву, ломаются в двери, опрокидывают предметы, сцеживают молоко у коров: “Я обратня видала. Были мы на свадьбе у Мархуни. Шли оттуда – глядь, догоняет нас свинья, где Клеповы жили, большая, черная. Догоняет и – на нас: хо-хо-хо! Мы испужались и бегом домой, а свинья за нами. Вбежали в дом, ток дверь заперли, а свинья давай в дом стучать” (с. Левашовка, Аннинский р-н, Мошкина Е.Г., 73 г., малограм., 2001 г.); “Теперь такого немае, а раньше ведьмы ходили коров доить по дворам. У нас была корова, так мать, як устанет доить ее, а вона уся мокра та пуста. Немае молока, а тогда батько кажэ: кто цэ такэ робэ? Только стало светать, вин баче, якась била свинья в дверь зашла и с ведром” (г. Бутурлиновка, Жерегеля Т.И., 1915 г. р., малограм., 1998 г.).

Обряд перевоплощения в силу понятных причин не может быть подробно описан. Информанты сообщают отдельные его детали. К ним относится такая, очевидно, главная акция, давшая название обряду, как кувырkanie, переворачивание через голову. Вторая важная деталь обряда – воткнутые в землю двенадцать ножей: “Колдунов у нас, говорят, много было в те времена. Сейчас меньше. Собирались они на бугре на ливатарском, превращались в собак, кошек, лошадей. Для всех этих дел были у них двенадцать ножей” (с. Бирюч, Таловский р-н, Добрынина Р.С., 1935 г. р., 1999 г.); “Она перевернется через ноги...” (с. Рождество, Поворинский р-н, Воронин И.В., 60 лет, малограм., 1991 г.).

Лексика перевоплощения прежде всего подчеркивает изменение пространственного положения субъекта обрядового действия. В ней выявляются признаки: **кругообразное движение, интенсивное движение, пространственно-временная граница.**

Кругообразное вращательное движение приводит как бы к изменению физической оболочки оборотня, к отождествлению его с какой-либо ино-вещью в широком смысле слова, к переходу в инобытие (О магических свойствах круга см.: Жуйкова М.В. Заколдованный круг // Живая старина. 2003. № 2. С. 16–19.)

Обратимся ко второй детали обряда перевоплощения – воткнутому в землю ножам. Нож, являясь орудием разрезания, расчленения, умерщвления, очевидно, разделяет физическую оболочку, плоть и внутреннее “я” обращающегося, умерщвляя плоть, которую поглощает жерло земли. Освобожденное “я” облекается порожденной землею же новой оболочкой, новой шкурой: герой-оборотень волшебных сказок ударяется о землю, чтобы преобразиться, принять новый облик. Земля выступает здесь в качестве поглощающей, пожирающей плоть и в то же время возрождающей, преобразующей ее стихии. Любопытно, что лексема *переметываться* в Словаре русских народных говоров зафиксирована в значении “умирать” со ссылкой на Даля и пометой *Перм.* Сравните толкование этого обряда как “набрасывание шкуры” у А.Н. Афанасьева (Афанасьев А.Н. Мифы, поверья и суеверия славян. Т. I. М., СПб., 2002).

Первичное рассмотрение семантики лексики и структурных элементов обряда перевоплощения позволяет интерпретировать его с помощью оппозиции внешнего, видимого, зримого облика, образа и внутреннего, невидимого, незримого, скрытого под маской зримой оболочки. Эта оппозиция простирается далеко за пределы обсуждаемого здесь обряда. Приведем лишь некоторые примеры, указывающие на справедливость высказанного положения: устойчивые выражения *волк в овечьей шкуре, в чужую шкуру не влезешь, за шкурой ума нет – так к шкуре не пришьешь*; образ мудрой красавицы в облике мерзкой лягушки и др.

Роль ножа как режущего, расчленяющего орудия находит дальнейшее развитие в мотиве членовредительства оборотня: его, как правило, избивают, отрезают ему какой-либо орган (чаще всего – ухо, лапы), умерщвляют, возвращая таким образом в нормальное состояние: «Вышла баба замуж, а свекровь оказалась ведьма. Встает в двенадцать часов и уходит. Свекр думает, куда она ходит? Подглядел за ней: она пойдет, из пилён выващит ножи, навтыкает на дворе, перевернется и пойдет собакой. Он ножи эти пособрал, в избу приносит. Она приходит – ножей нету. Заходит в избу. “Отдай ножи, а то рассветает, а я такой-то буду. Отдай!” Он отдал ей ножи. Она опять ножи туда воткнула, перевернулась и пришла домой вся мокрая. Он тогда и

думает, чего мне с ней сделать? Пошел к попу. Поп ему сказал: “Возьми платочек невладелый и наотмашь дай по носу, чтоб кровь потекла. Оботри этим платочком и затопи печку и запули в печку”. Он так и сделал: запулил этот платочек. Тама и коровы ревели, и собаки, и овцы и лошади ржали. И с этих пор она боле не стала ходить» (с. Васильева, Грибановский р-н, Пономарева Е.Ф., 85 лет, неграмотн., 2003 г.); “Когда я в девках была, за мной поросенок гнался. Я забежала на двор, а мальчишки поймали его и отрезали ему переднюю ногу, а натуро у бабки кисть была отрезана. Так это переворотка была. Она нож перевернет и превращается то в свинью, то в собаку” (с. Троицкое, Новохопёрский р-н, Васильева М.Е., 1925 г. р., малограм., 1997 г.).

Оппозиция **внешнее/внутреннее** порождает оппозицию **нормальное/аномальное**. Параллель изменение пространственной ориентации – изменение сознания прослеживается и в заговорах: обряд, имеющий целью вызвать любовное влечение, называется *приворотом* (наряду с другими наименованиями), обряд с противоположной целью – *отворотом*. *Приворотить* – повернуть к себе, *отворотить* – отвернуть от себя. Душевнобольных в воронежских говорах называют *круговыми*. *Закружился* – говорят о том, кто отдал себя во власть любовной страсти. Кружение, верчение, повороты (ср. верчение водящего в детских играх) способствуют изменению ориентации, выходу из себя, “пересечению пространственных рубежей”, как указано в Мифах народов мира (С. 235), то есть нарушению нормы.

Невозможно не привести в связи с описанным размышления о мифе А.Ф. Лосева: “Принцип относительности, говоря о неоднородных пространствах и строя формулы относительно перехода от одного пространства к другому, снова делает мыслимым оборотничество...” (Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 33).

Оборотничество свойственно, как показывают материалы, людям, обладающим магической силой (колдунам, ведьмам), а также трансцендентным существам (мертвецам, нечистой силе). Некоторые информанты рассматривают его как самостоятельное явление, не соотнося с колдовством. В любом случае, оно мыслится как инобытие: «Идет человек вот выпимпши особенно, ну и: “Здорово!” – “Здорово. Садись, подвезу”. Едут, едут, ну и никого: ни лошади, никого. А он сидит посреди воды, говорят, что это нечистая сила, черти» (с. Бродовое, Аннинский р-н, Жихарева М.А., 76 лет, среднее образ., 2002 г.); «Он умер, хахаль-то. Смотрим, Дуня сохнет, сохнет. Спрашиваю: “Кума, ты скотине-то давала?” А она: “Да нет, ей Ваня дает”. – “Да он же умер”. – “Он ходит ко мне, конхветы носит, помогает”. Вон не стало печенья. Поглядели, а это котяхи козии» (с. Третьяки, Борисоглебский р-н, Темнова М.А., 80 лет, 1999 г.); “Возле Морозова переулкa шли с клуба. Вот тебе бежит огромная свинья, кто куды побег, а на второй день ребята избили ее, иссекли, а на другой день бабка Грушка

Кудинчева вся избитая сидела на печке и не выходила. Ее называли переметчица” (с. Алексеевка, Грибановский р-н, Челинина Р.Д., 66 лет).

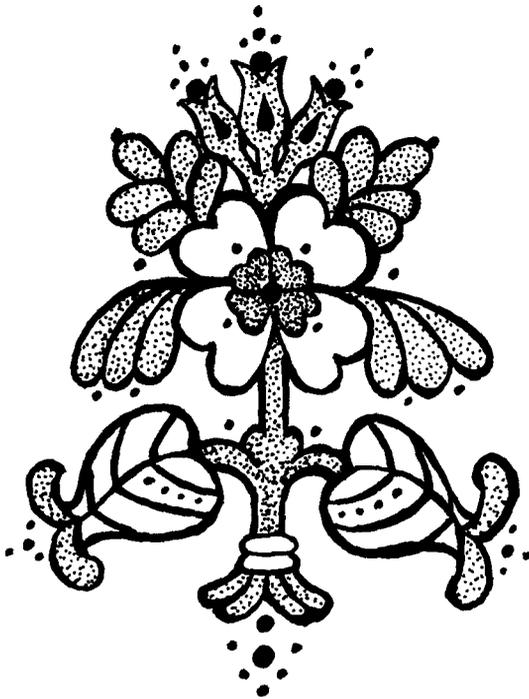
Лексика, именующая субъект обряда перевоплощения, соотносится с процессуальной: *оборотень, обротень, оборотка, перемётчик, перемётка, перемётчица, перемётчиха*. Слово *оборотень* в СРНГ имеет пометы **Тамб., Симб., оборотка – Перм.** Лексемы *перемётка, перемётчица* в мифологическом значении словарем не зафиксированы. *Перемётчиха* не дается вообще.

Факт бытования специальной лексики, именующей субъект обряда перевоплощения, подчеркивает оппозицию **бытие/инобытие**, порожденную, как видно из контекста, оппозицией **жизнь/смерть**. Народное сознание, столкнувшись с явлением смерти, могло примириться с ним только как с экзистенцией со знаком минус, как с инобытием. Таким образом, идеи перевоплощения, метемпсихоза связаны прежде всего с идеей трансцендентного существования человека (см. об этом Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987; Каннети Э. Превращения // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 483–503) и “взаимооборачиваемости” всех сторон и проявлений действительности.

Борисоглебск

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Грант № 02-04-00327а-Ц

ЧЕРЕЗ ПЕНЬ КОЛОДУ

© В. Л. ВАСИЛЬЕВ,
кандидат филологических наук

Все говорящие по-русски хорошо знакомы с выражением *через пень колоду*: 1) “без усердия, небрежно и неумело, кое-как (делать что-либо)”, 2) “без разбора, беспорядочно, кое-как”, 3) “несогласованно, с остановками и перебоями (идти, двигаться, развиваться и т.п.)” (Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь. М., 1990). Тот же круг значений отражен фразеологическим словарем русского языка под ред. А.И. Молоткова; но здесь разведены по двум словарным статьям как две отдельные идиомы: форма *валить через пень колоду* “делать медленно, неповоротливо, неумело или кое-как” и форма *через пень колоду* 1) “плохо,

небрежно (делать что-либо)”, 2) “негладко, неслаженно, с заминками и перебоями (идти, развиваться и т.п.)” (Изд. 4-е, М., 1987).

С исторической точки зрения фразеологизмы *валить через пень колоду* и *через пень колоду*, конечно, представляют собой развитие единого целого. Перед нами переходный, до конца еще не осознаваемый случай дробления фразеологизмов, происходивший, наверное, в течение последнего столетия. Поэтому, очевидно, правы и те авторы, которые разводят по отдельности обе указанные формы, и те, которые объединяют их на правах вариантов одной идиомы.

С.В. Максимов, русский беллетрист-этнограф XIX века, например, видел в обороте *через пень колоду* первоначальное выражение *через пень в колоду*, которое обуславливал ходьбой по бурелому: если случается идти по ветровалу, бурелому, то, перешагивая через пень, непременно попадешь ногой в трухлявую колоду (Максимов С.В. Крылатые слова. М., 1955). Такое объяснение не слишком, как кажется, отвечает значению фразеологизма, а главное – дано без учета родственного выражения *валить через пень колоду*. В самом деле, нужно признать, что форма с *валить* здесь плохо согласуется с идеей ходьбы по бурелому, поскольку глаголы *валить* и *идти* далеко не равнозначны. Впрочем, стоит заметить, глагол *валить* с указанием на ходьбу человека все-таки встречается (ср. хотя бы просторечное *вали(те) отсюда! сваливаем!*), но это современное экспрессивное словоупотребление.

Современные исследователи, исходя из первичности фразеологической формы *валить через пень колоду*, видят обычно в исходной смысловой основе отражение ситуации рубки леса. Предполагается, что выражение возникло в среде лесорубов. По мнению Н.М. Шанского и др., перед нами “редукция первоначального оборота (работает, делает что-либо и т.п.) как *через пень колоду валит*. Из речи лесорубов, заготовителей дров” (Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Краткий этимологический словарь русского языка // Русский язык в школе. 1980. № 2). Близкое объяснение находим в другом словаре: «При рубке дерева переворачивать тяжелое бревно через пень трудно, неудобно и опасно. Проще осторожно и аккуратно протащить его вдоль пня, хотя это требует больших усилий. Первоначально фразеологизм употреблялся в форме сравнения – (делать что-либо) как *через пень колоду валить*, *валить*, как *через пень колоду*... В дальнейшем сравнительный союз “как” стал не нужен. Часто, особенно в современном языке, опускается и глагол “валить”» (Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь. М., 1990). Сходные трактовки содержатся и в других современных справочниках фразеологии.

Следует, разумеется, согласиться с мнением, которое в общем-то лежит на поверхности и разделяется всеми, – о редукции первоначаль-

ной формы фразеологизма. «Из словосочетания *валить через пень колоду* вследствие экспрессивного стирания предметных значений образуется разговорная идиома *через пень колоду* в значении “как попал”, – писал В.В. Виноградов (Лексикология и лексикография: Избранные труды. М., 1977). Полная фразеологическая форма *валить через пень колоду* сейчас практически не употребляется: если открыть Фразеологический словарь А.И. Молоткова, то по иллюстративному материалу можно убедиться, что ее использование ограничено литературой XIX века (Пушкин, Л. Толстой, Салтыков-Щедрин, Писемский). Она послужила источником сокращенной формы *через пень колоду* и была вытеснена последней на периферию современного словоупотребления.

Изначальная полная фразеологическая форма *делать (что-либо) как через пень колоду валить*, т.е. “делать небрежно, кое-как”, подразумевает сравнение с неким трудовым действием. В том, что действие было связано с рубкой леса, сомнений почти нет. Однако сама трудовая ситуация, к сожалению, трактуется неопределенно. Явно недостаточно ограничиться констатацией того, что выражение содержит “вероятно... намек на нерациональную, небрежную укладку дров”. Нелегко объяснить оборот также процессом протаскивания или переворачивания тяжелого бревна (т.е. колоды) через пень, что “трудно, неудобно и тяжело” по сравнению с аккуратным протаскиванием бревна вдоль пня... Возникает вопрос: оправданно ли мотивировать ситуацией затрудненности, неудобства и опасности (при том, что само это действие мы вряд ли сможем со всей определенностью вообразить) фразеологическое значение “небрежно, кое-как (делать что-либо)”?

Трактовки подобного типа неизбежно вытекают из того понимания фразеологической формы, которое навязывается привычным синтаксическим строем русского языка: *валить (что-то) через (что-то); через пень валить колоду (бревно)*. Глагол *валить* легко ставится как в препозиции, так и в постпозиции оборота *через пень колоду*, но не может разбивать слова *пень* и *колоду*, сами же эти компоненты не меняются местами при употреблении. Структура оборота, конечно, застывала постепенно, но вместе с тем не пропадает впечатление, что сочетание *пень колоду* характеризуется некоей изначальной связностью, настолько тесной, что между этими словами нередко ставят дефис.

Недавно появилась еще одна интерпретация выражения *через пень колоду*, изложенная в словаре А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко “Фразеологизмы в русской речи” (М., 1997). Слова *пень колоду* трактуются здесь как единое сочетание (*пень-колода*), первоначально связанное с превращением леса в пахотную землю: «Дати пень и колода “дать право на расчистку леса под пашню”», фольклорное “завали,

Боже, дорогу пеньем колодем, Пеньем колодем и выскорью” и т.п. В фольклоре сочетания *пень-колода*, *гнилая пень-колода* характеризуют и человека – старого и нелюбимого мужа, что связано с отождествлением колоды со стариком, олицетворяющим старый год у балтов и славян. По мнению исследователей, «эти факты позволяют расшифровать оборот *через пень-колоду* как “идти через неудобное, необработанное поле с кочками, колодами и пнями”».

Данная точка зрения в том, что касается семантической мотивировки, по сути, близка к версии С.В. Максимова, поскольку истоки оборота в обоих случаях обуславливаются ходьбой по пням и колодам, будь то буреломный, ветровальный участок леса либо “неудобное, необработанное поле”. При этом опять же не получает достаточно приемлемого толкования более ранняя форма *валить через пень колоду*, где глагол *валить* прочно ассоциируется с валкой (рубкой) деревьев. Тем не менее мысль о наличии в обороте единого сочетания *пень-колода* действительно убеждает, поскольку подкрепляется материалом источников. Принимая это, можно предложить иное этимологическое решение, более тесно связывающее фразеологизм с древним процессом расчистки леса под пашню, с подсечным земледелием.

Самое древнее сочетание этих слов находим в новгородской грамоте, написанной не позднее 1270 года, – Духовной Климента. Богатый новгородец завещал в собственность Юрьеву монастырю (“одерьнь святому Гергью”) “два села с обильем, и с лошадьми, и с бортью, и с малыми селищи, и пень и колода”. В другом месте грамоты находим сочетание в форме винительного падежа: “А Воинову сынови Андрею даю Самуиловское село, и пень и колоду и с бортью” (Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.–Л., 1949). Комментаторы и составители словарей трактуют соответствующие места новгородской грамоты единообразно – через связь с подсекой. Вариации невелики: одни видят под *пнем и колодой* “участок вырубленного леса, вырубку” (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. Далее – СлРЯ XI–XVII вв.), а словосочетание *дати пень и колода* трактуют “дать право на расчистку леса под пашню” (Там же. Вып. 7); другие объясняют *пень и колода* как “место, предназначенное для расчистки под пашню” (Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1991. Вып. 4).

Близкий пример содержится в Житии Сергия Радонежского, XIV века: “Окрест же цркви часто колоды и пение повсюду обреташесь” (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 14). Сочетание *колоды и пение* здесь допустимо понимать либо в земледельческом смысле – “лесная росчисть” (как и новг. *пень и колода*), либо в смысле указания на захламленный участок леса. Оба эти значения могут устойчиво ассоциироваться с данным сочинительным комплексом, что подкрепляется другими известными случаями совместного употребления *пня и колоды*. Конкрет-

ный, интересующий нас материал дает русский фольклор, преимущественно северный, – былины, пословицы, исторические песни: *Ты по пенью ори* [т.е. паши], *по колодью ори!* (Мезен., Арх.); *Колодье-пенья вы повырубите* (Олон.); *Не поддержали Василья Буслаевича ни пенья, ни колодья, ни двери белодубовы* (Онеж.); *В темном лесе – пень да колода, в чистом поле – белоярова пшевица* (Малоарх., Яросл.). В словаре В.И. Даля даны поговорки: *через пень через колоду; лес – пень да колода!* – о буреломе (Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1990. Т. III). По семантическому наполнению к сочетанию *пенья и колоды* близки сочетания *дубья и колодья, пенья и кочек, пенья и кореня*.

Возникновение сочинительного комплекса *пень-колода* (который, как отмечают исследователи, не известен западно- и южнославянским языкам), в общем, ясно. Деревья падают, захламляя участок, сами по себе, от ветра, отсюда естественная предпосылка использования комплекса *пень-колода* для обозначения буреломного, ветровального участка. Но подобные участки создавались также искусственно, людьми, расчищавшими лес под пашню. Крестьяне лесной полосы в феврале–марте на избранном под посев облесенном месте вырубали деревья, крупные пни оставляли, чтобы были заметны при вспашке, а мелкие срубали под самый корень. Срубленные деревья оставляли до осени. Осенью теребили лядо, т.е. обрубали сучья, вывозили бревна для хозяйственных нужд, мелкие стволы и хворост оставляли еще на полгода, а весной сжигали на участке, который затем распахивался (Русские. Историко-экономический атлас. М., 1967. Т. 1). Подсечные участки со срубленными деревьями, оставленными на полгода или на год, имели свои особые обозначения. В Новгородской губернии, например, они именовались обычно *пеньями, пенистыми местами* – “Пенистое место – недавно вырублены деревья, но пенья не выкорчеваны”; *суками* или *сучьем* – “Пока не разработаешь до пашни, все суки. Ни кореня, ни пенья, так стала пашня” (Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995. Вып. 7).

С учетом “подсечного” значения *пенья-колоды* становятся ясны истоки диалектного идиоматического выражения, зафиксированного в Батецком районе Новгородской области: *пень да колоду знать*. О неграмотном деревенском человеке: “Пень она знает да колоду” – в ответ на реплику, что бабушка много знает (Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1995. Вып. 4). Здесь под *нем да колодой*, очевидно, “просвечивает” смысл, близкий к тому, который содержит *пень и колода* древненовгородской грамоты, а именно связка метонимически соотносимых значений “расчистка леса под пашню (способ); рощисть из-под леса (результат)”. По сути, в обороте экспрессивно оценивается ограниченный кругозор крестьянина, деревенского жителя, который будто бы, кроме своего прими-

тивного подсечного (“пеньколодного”) земледельческого быта, ничего иного не знает. Вообще говоря, такой способ земледелия не является элементом отдаленного прошлого: известно, что древняя подсека держалась в глухих углах Новгородской губернии вплоть до XX века.

Следовательно, *пень-колода*, рассматриваемое как устойчивое лексическое сочетание в ряду терминов подсечного земледелия, задает вполне определенное направление поискам исходного смысла оборота *валить через пень колоду*. В полном согласии с этими поисками находится глагол *валить*. Он настолько часто использовался для обозначения подсечной рубки леса, что северные говоры даже употребляли его в соответствующем терминологическом значении: *валить* “расчищать и жечь лес под пашню” – “Надо бы завтра валить идти”, то же – *валять* (Словарь русских народных говоров. Л., 1969. Вып. 4. Далее – СРНГ).

Сочетание глагола *валить* и *пень-колода* опосредуется предложом *через*, значение которого в данном случае вовсе не очевидно. Предлог *через* в русском языке полисемантичен. Наиболее привычны для нас значения “поперек чего-н., с одной стороны на другую” – *прыгнуть через ручей, мост через реку*; “поверх чего-н.” – *прыгнуть через забор*; “сквозь что-н.” – *ехать через город, смотреть через окно* (Ожегов С.И. Словарь русского языка. 18-е изд. М., 1987). Но иногда предлог *через* используется в орудийном значении “при помощи кого-н., посредством чего-н.” – *оповестить через газету, сообщить через друзей, узнать через лазутчиков*. Подобного типа предложно-падежные формы известны и в говорах, и нет никаких оснований сомневаться в укорененности их в древнерусском языке, приведем хотя бы пример из древненовгородской берестяной грамоты (сер. 20-х – сер. 50-х гг. XII века): “а ты чьрьсо силу деяшь”, букв. “ты через силу (при помощи силы, с натугой) делал(а)” (Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995). Обращает на себя внимание также способность таких предложно-падежных форм к воспроизводимости (идиоматичности): например, устойчивые *писать через черточку, делать через силу*, или диалектное онежское *через чудо (щодо)* “дивно, чудно, странно” (Даль. Т. IV).

На наш взгляд, именно орудийное значение предлога *через* необходимо учитывать при объяснении этимологии оборота *валить через пень колоду*. Данное выражение, вероятно, весьма древнее, пришло из речи крестьян, занимавшихся расчисткой леса под пашню. Глагол *валить* заключал в себе несколько специализированный смысл “валить лес, деревья”, *пень-колода* обозначало “подсеку”, предложно-падежная форма *через пень колоду* выступала в функции обстоятельства образа действия. Смысл всего словосочетания можно реконструировать приблизительно так “валить лес через подсеку; подсечным

способом для пашни (т.е. образуя участки из пней и колод, оставляемых для последующего теребления и выжигания)”. Первоначально словосочетание подчеркивало способ действия, выражаемого глаголом *валить*, эти способы применительно к лесу могли быть разными. *Валить*, вырубая участок под росчисть, – это одно, *валить*, имея в виду целенаправленную выборочную заготовку древесины для отопления и построек, уже другое; кроме этого, в результате метонимии глагол *валить* мог подразумевать не вырубку, а выжигание уже срубленных год назад сучьев, деревьев, кустарников на участке под пашню, например в олонецких говорах *валить* – “жечь мелкую подсеку под лен, репу или ячмень” (СРНГ. Вып. 4).

Указанная реконструкция первоначального смысла словосочетания адекватно объясняет фразеологическую семантику *валить через пень колоду* – “как попало; с трудом, медленно (делать что-либо)”. Работа по расчистке леса под пашню была трудной и долгой, требовалось всем деревенским миром вырубать большие площади леса. В отличие от обычных выборочных заготовок древесины, когда для хозяйственных нужд вырубались и вывозились только крупные стволы, на подсечном участке валилось все подряд: крупные деревья, подрост, кустарники, торчащие корни. Цель заключалась не столько в заготовке древесины, сколько в очищении участка из-под лесных зарослей. В результате сплошного вырубания леса образовывались хаотические труднопроходимые завалы из деревьев и кустарников, оставляемые на долгие месяцы. Образ сплошной рубки леса (рубки “как попало”) и ее результата (лесные завалы), очевидно, и является первоосновой тех экспрессивных значений, которые мы привычно связываем с оборотом *валить через пень-колоду* (> *через пень-колоду*).

Несколько слов о географии возникновения рассматриваемого фразеологизма. Несомненно, первоначальная территория ограничивалась северной лесной полосой, где подсека играла большую роль в жизни населения. Об этом же говорят приведенные лексические факты, которые преимущественно сконцентрированы в новгородских и связанных с ними по происхождению севернорусских (онежских) говорах. Это свидетельствует в пользу древненовгородских истоков выражения, особенно если учесть, что сочетание *пень-колода* в значении “подсека” впервые отмечено в новгородской грамоте XIII века.

Великий Новгород

***Древнерусская литература XI–XVII вв.:
Учебное пособие для студентов
высших учебных заведений***

Курс древнерусской литературы занимает особое место в системе филологического образования. С него, собственно, начинается цикл историко-литературных дисциплин. Подавляющее число памятников студенты-первокурсники открывают для себя впервые. Поэтому при освоении материала особенно важна роль издания, формирующего культуру восприятия древнерусских произведений, навыки их интерпретации. В конце 2003 года увидело свет пособие для вузов “Древнерусская литература XI–XVII вв.” (Под ред. В.И. Коровина). Оно, как представляется, отвечает этим насущным требованиям. Книга подготовлена коллективом авторов, в числе которых известные медиевисты кафедры русской литературы МПГУ, воспитанники проф. Н.И. Прокофьева – Л.А. Ольшевская, Н.В. Трофимова, А.В. Каравашкин и С.Н. Травников.

Пособие развивает традиции известных вузовских учебников по истории литературы Древней Руси. Его создатели получили возможность как бы суммировать важнейшие достижения литературоведческой науки минувшего столетия, оказавшегося наиболее продуктивным в плане исследования книжного наследия XI–XVII веков. В конце XX века специалистам и студентам стали доступны не только фундаментальные справочники, словари и энциклопедии, но и многотомные публикации древних текстов, снабженные детальными комментариями и переводами. Всё это изменило ситуацию с обеспечением учебного процесса книгами, конкретизировало задачи, связанные с систематическим изложением истории русской средневековой словесности. Вот почему авторы справедливо сосредоточились прежде всего на проблемах поэтики древнерусской литературы, вопросах формирования и эволюции жанровых форм, средств традиционной изобразительности.

Структура книги, группировка материала хорошо отвечают целям учебного издания. Наглядность подачи большого массива информации играет здесь не последнюю роль. Шесть крупных глав объединяют в себе рассказ о произведениях соответственно принятой авторами системе периодизации (“Литература Киевской Руси. Формирование

жанровой системы древнерусской литературы”; “Появление литературы отдельных княжеств в эпоху феодальной раздробленности”; “Новые явления в литературе в эпоху начала монголо-татарского ига”; “Литература эпохи Куликовской битвы; “Литература эпохи русского централизованного государства (XVI в.)” и “Русская литература XVII века: трансформация средневековой системы жанров и зарождение новых литературных форм”). Они дробятся на параграфы, а те, в свою очередь, на небольшие разделы, посвященные рассмотрению отдельных сторон конкретного произведения. Усвоению материала и самостоятельной работе студентов будут способствовать помещенные в конце глав проверочные вопросы и дополнительная литература.

Особо следует сказать о введении. Оно прокладывает путь к собственно историко-литературному анализу произведений. Тут устанавливаются необходимые исходные посылки, формулируются специфические черты средневековой словесности. Авторами найдены оригинальные подходы к сложным теоретическим категориям. Убедительно раскрываются как достаточно широко известные стороны своеобразия средневекового творчества и жизни книги, так и более частные вопросы. Например, весьма любопытны наблюдения над взаимодействием в Древней Руси нескольких жанровых систем, причинами отступления средневековых авторов от реальных событий, различными сторонами символики и т.д. Все это придает книге ценное качество новизны.

Не оставлены без внимания важнейшие вопросы истории науки, вспомогательные дисциплины, и прежде всего, текстология с палеографией. Читатель находится в непрерывном диалоге с современными исследователями и классиками отечественной медиевистики. Выводы формируются с учетом разнообразных концепций и гипотез. Тем более, что в ряде случаев наукой не выработано единой точки зрения на сложные дискуссионные проблемы. Таков, например, вопрос о характере взаимодействия и хронологии известных памятников бориголебского цикла.

История формирования и развития древнерусской литературы показана в живых связях с историей гражданской и церковной, на фоне всей культуры XI–XVII веков. Жанр пособия подразумевает как можно более полный охват произведений, изучение которых предписано программой. Поэтому круг текстов, подробно анализируемых в учебниках, постоянен. Вместе с тем, в книге найдена своя мера детализации, оригинальные пути расширения числа используемых источников. Все это обусловлено сферой научных интересов каждого из авторов. Можно сказать, что никогда прежде на страницах учебной литературы не появлялось столь подробного рассмотрения исторической воинской повести. Эта разновидность древних повествований представлена на разных этапах ее долгой жизни и эволюции. Показаны важнейшие типы летописных и внелетописных воинских повествований.

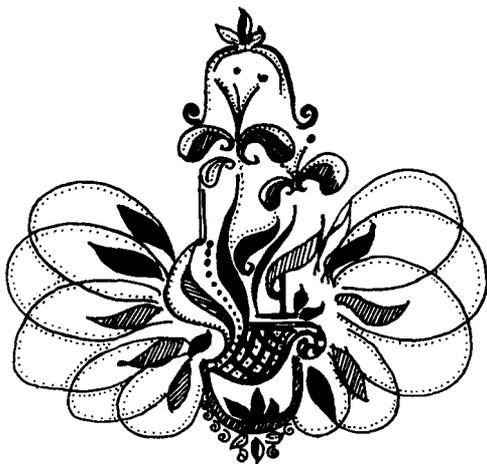
Вообще летописям как явлениям древнерусской литературы, их региональным особенностям наконец-то уделяется достойное внимание. Характерным примером удачного анализа воинской летописной повести является рассмотрение рассказа о походе Игоря Святославича на половцев из состава Киевского свода. Раскрытие стиля, композиции, характера изображения персонажей в этом произведении важны как сами по себе, так и в связи с более известным памятником – “Словом о полку Игореве”.

Найдены свои подходы и при рассмотрении древнерусской патирикографии, житий и, конечно, публицистики XVI века. Весьма содержательны разделы, посвященные хождениям. Тут показано не только историко-литературное значение очерковых произведений Древней Руси, но и предложена богатая историческая, географическая и культурологическая информация. На фоне различных по времени и направлению хождений освещается такая существенная проблема, как путешествие в культуре русского средневековья.

Одним из практических итогов обращения к памятникам прошлого становится способность студентов распознавать в произведениях нового времени мотивы и образы, восходящие к средневековой книжности. И хотя в пособии нет раздела, освещающего проблемы традиций древнерусской литературы, во многих главах и параграфах щедро рассыпаны ссылки и упоминания главных вех на пути художественного освоения наследия Древней Руси. Кроме того, справедливо отмечаются взаимные влияния древних текстов друг на друга (например, использование “Слова о Законе и Благодати” митрополита Илариона книжниками последующих столетий или воздействия “Жития Феодосия Печерского” на позднейшую агиографию).

Новое учебное пособие, безусловно, привлечет к себе внимание студентов и преподавателей. Книга не только богата фактическими сведениями, полезна и доходчива по форме, но обладает и еще одним весьма важным свойством. Она пробуждает интерес к предмету, исследованиям медиевистов, увлекая читателя в мир литературы высоких идеалов. Поэтому трудно не согласиться с оптимистическим утверждением авторов: “Наука о древнерусской литературе молода и перспективна, у нее впереди великие открытия”.

© А.А. Пауткин,
доктор филологических наук

Образы елецкого кружева

© О. Ю. ПИЩУЛИНА,
кандидат филологических наук

Россия издавна славилась своими ремеслами и промыслами, самым изящным из которых остается кружевоплетение.

Кружево – искусство европейское. Как ажурный орнамент, создаваемый путем различного переплетения нитей и существующий самостоятельно, без какой-либо тканой основы, оно появилось в России на рубеже XV–XVI веков.

Обратимся к сфере наименований кружевного дела. Здесь обнаруживается большая распространенность метафорического переноса. Жизнь слова в новом “поле” начинается с применения его старого названия к новым по содержанию предметам и явлениям. Термины, образованные путем метафорических переносов наименования, являются количественно наиболее широкой группой во всех ремесленно-промысловых терминологических системах.

Наши наблюдения показали, что большинство терминов кружевного дела образуется путем сопоставления внешних признаков предметов (формы, общего вида, цвета). Это проявляется прежде всего в назывании рисунков и узоров, например: *репей*, *репейёк*, *листья*, *листки*, *листочки*, *деревца*, *цветы*, *цветочки*. Слово *репей* обладает рядом значений, приведем лишь одно: “узор в виде зубчатых листков

или цветочков”, которое развивается как вторичное путем метафорического переноса наименования, основанного на внешнем сходстве реалий (растение → узор, подобный его листьям или цветам).

Орнаменты с элементами в виде каких-либо повторяющихся листьев обозначались лексемами *листья, листки, листочки*. “Словарь русского языка XI–XVII вв.” указывает для *лист* и *листочек* значение “узор в виде растительных листьев”, которое развивается как вторичное путем метафорического переноса наименования, основанного на внешнем сходстве реалий.

Вид растительного орнамента, включающий стилизованное изображение деревьев, в старорусском языке носил название *деревце*. Основное значение слова *деревце* – “уменьшительное к *дерево*”, а его семантическая эволюция сходна с ранее описанными.

Орнаменты с элементами в виде каких-либо повторяющихся цветов обозначались родовыми – *цветы, цветочки* и видовыми словами – *розы, маки* и т.п. Эти термины образованы при помощи метафорического переноса по сходству: узор, подобный *цветам, розам, макам*.

Одно из значений слова *звезда* в кружевоплетении – “узор в виде геометрической фигуры, изображающей звезду”. И здесь внешнее сходство реалий: “звезда – геометрическая фигура с остrokонечными выступами, равномерно расположенными по окружности; фигура с лучами, исходящими от центра” (Словарь русского языка. В 4 т. М., 1981. Т. I). *Кружочки* – так кружевницы называют повторяющийся орнамент округлой формы: от *круг* – “предмет, имеющий округлую форму кольца” (Там же. Т. II); *веточка* от *ветка* – “боковой отросток, побег, идущий от ствола дерева (кустарника) или стебля травянистого растения” (Там же. Т. I).

Вагончики. Прямоугольники, следующие друг за другом и соединенные между собой тонким жгутом. Видимо, прямоугольники по форме напоминают кружевницам настоящие вагоны поезда. Отсюда и название одного из узоров кружевного дела.

Лимоны. Узор овальной формы с вытянутыми концами, похожий по форме на лимон.

Павлинки. Рисунок в виде развернутого веера. С.И. Ожегов приво-дил два значения слова *веер*: “1. Небольшое, обычно складное опахало, раскрывающееся полукругом. 2. перен. То, что имеет форму полукруга, усеченного с боков и книзу” (Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1988).

Яркой особенностью терминологии кружевоплетения является наличие в ней большого числа терминов в форме существительного в творительном падеже: *огурцами, колесами, сердцами, корзинкой, корбочками* и т.д. Эти термины представляются нам результатом распада составных наименований, таких, как *рисунок огурцами, рисунок колесами, рисунок сердцами* и т.д., в которых творительный падеж

выступает в качестве несогласованного определения, связанного с именительным падежом связью примыкания. В этих многочисленных конструкциях устранено без нарушения понимания легко подразумеваемое “избыточное” слово *рисунок*.

В настоящее время они воспринимаются и профессиональными мастерицами, и рядовыми пользователями в качестве самостоятельных названий, например: *огурцами* – продолговатый рисунок, не только напоминающий своими очертаниями огурец, но имеющий даже выплетенные плодоножку и выпуклые места, как у настоящего овоща; *колесами* – рисунок округлой формы, существенным отличием которого является наличие нитяных оси и спиц внутри круга, выполненного основной нитью; *корзинкой (корзиночкой)* – рисунок, по форме напоминающий корзину, внутри которой выплетена косая сетка, “подтверждающая”, что корзина сделана из прутьев.

Внешнее сходство сопоставляемых предметов, используемое для образования терминологии путем метафоризации, нередко бывает относительно случайным, как бы не имеющим очевидного логического и лингвистического обоснования. Например, *сценное немецкое калязинское кружево*. *Сцеп, сцепить* – это “скрепить, прицепив одно к другому”. Однако в названном кружеве нет никакого видимого сцепления частей. Возможно, название образовалось оттого, что в этом кружеве соединились, “сцепились” традиции, мотивы, орнаменты немецкого и русского кружева, которое плели в городе Калязине Тверской губернии.

Судя по названиям рязанского кружева (*травчатое, ветка травчатая, ветка с виноградом, обрывной черенок, двадцать огурчиков*), основные мотивы были первоначально растительными. Эти названия сохранились и впоследствии, но сами узоры приобрели геометрические очертания и в настоящее время можно только догадываться об их растительной основе.

Существует еще одна группа названий рисунков, которую образуют, как правило, составные термины, и прежде всего к ним относятся разновидности “края”: *мысы, бубенцы, балалайки, павлинки, денежки, круги* и т.д.; в них первое слово *край* является прямым наименованием (предельная линия, ограничивающая поверхность или протяженность чего-либо), а второе – переносным. Аналогичное положение с термином *круги-край*, где часть составного наименования *круги* создана в результате метафорического переноса. *Круги* здесь обозначают узор кружев, состоящий из трех рядов ромбов, расположенных в шахматном порядке.

В группу терминов, образованных путем сопоставления признаков назначения, образа действия, состояния, положения, входят и другие наименования, как составные, так и одиночные: *накладная мушка*. Вид кружевного узора округлой формы. *Мушка* имеет вид выпуклого

узелка, как бы наложенного на основной орнамент; следовательно, *накладная* – прямое наименование, образованное от глагола *накладывать*; *запонки вишвочек* – рисунок, по форме напоминающий запонку, которая как бы вшита в основной рисунок, отсюда *вишвочек*; *череночки прошивные* – выполненные прошивкой растительные мотивы в кружеве, по форме сходные с черенками (отрезок стебля, корня и места растения, отделяемые для вегетативного размножения), вторая часть термина – от глагола *прошивать* что-то; *цветами тонкий* – первая часть, метафорический перенос по внешнему сходству (*цветами*), а вторая *тонкий* – прямое наименование, указывающее на размер узора; *суровые маковки* – узор по внешним очертаниям напоминает распущенный цветок мака, где опорное слово *маковки* образовано путем метафорического переноса, зависимое же определение указывает на материал, из которого выполнено кружево, т.е. из суровых ниток.

Аналогичным способом образованы профессиональные термины *колеса суровые* и *мысы суровые*.

Достаточно широкую группу в лексике русских кружевниц представляют составные термины, зависимые слова которых указывают на присутствие в орнаменте другого цвета, а иногда даже уточняется, какого именно, например: *разноцветные решетки*, *жучками край с цветом*, *пышка с цветом*, *копытца цветные*, *запонки с красным*, *огурчиками с белым*, *огурчиками с черным* и мн. др.

Метафорический способ образования терминов кружевоплетения используется достаточно широко. К сожалению, до “корня” названий многих рисунков добраться чрезвычайно трудно. Например, такие оригинальные названия, как *травчатый рубчик*, *московочка*, *рябка-перевенька*, *ординарки*, *бахилочки*, *рефетка* и некоторые другие не имеют очевидного логического и лингвистического объяснений.

Елец

**ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ “РУССКАЯ РЕЧЬ”
В 2004 ГОДУ**

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова И.Б. И.А. Крылов-баснописец	6
Александрова И.Б. М.Н. Муравьев: новая эстетика поэтического языка	4
Аврух Д.Д. “Язык должен быть прост и изящен” (Синонимы у А.П. Чехова)	4
Балакай А.Г. Пустое вы и сердечное ты	3
Барсукова-Сергеева О.М. Символика гнезда и бездны в романах И.С. Тургенева	1
Бельская Л.Л. “Века загадочно былые” в поэзии Юнны Морич	1
Бельская Л.Л. “Стихов российских механизм”	5
Березкина С.В. “И ветер воил и летал” (Воил в стихотворении А.С. Пушкина “Буря”)	3
Воропаев В.А. Что означает слово “самовластье” у Ф.И. Тютчева?	6
Гапоненко П.А. “Способность черкать безжалостно” (Черновые варианты стихотворений А.К. Толстого)	4
Граудина Л.К. “Мое святое ремесло!” (О поэзии К.К. Павловой)	4
Дановский А.В. Пушкинские поэтизмы в эпопее И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»	3
Дизенко Н.Д. Природа в стихотворениях Ф.И. Тютчева о любви	2
Долгушев В.Г. Образ маски в поэзии М. Лермонтова, А. Блока и А. Ахматовой	5
Иванова Н.Д. Зимний пейзаж в прозе И. Бунина и С. Клычкова, Л. Андреева и А. Платонова	1
Иванова Н.Д. Осенний пейзаж у С.А. Клычкова	5
Ильченко Н.М. “Черная женщина” Н.И. Греча (К проблеме цветовой символики)	2
Кезина С.В. Тема природы в романе М.Ю. Лермонтова “Вадим”	5
Ким Чжи Хан, Молчанова С.В. Обращения и ключевые слова в пьесе М.А. Булгакова “Дни Турбиных”	2
Ким Чжи Хан, Молчанова С.В. Ремарки в пьесах М.А. Булгакова “Дни Турбиных” и “Бег”	1
Ковтунова И.И. Язык прозы И.А. Гончарова	4
Лекманов О.А. Из комментария к “Чистому понедельнику” И.А. Бунина	6
Лекманов О.А. О двух пародиях на “Зверинец” В. Хлебникова	4
Мазур А.В. Бунинское в поэзии В. Набокова	5
Максимов В.И. Звукоописание и звукоподражание	2
Маркова Т.Н. Метафорическое пространство в прозе В. Пелеви-	

на	5
Маркова Т.Н. Поэтика повествования Л. Петрушевской	2,3
Озеров Ю.А. “Я вам несу мою мечту...” (О поэзии Н.Н. Матвеевой)	6
Орлова И.А. Цветовая палитра в поэме Н.В. Гоголя “Мертвые души”	6
Осипов Сара. Тень “Вишневого сада” в поэзии М. Цветаевой	1
Попова Е.А. “Молитвы пречистое слово”	6
Рожкова Н.Е. Островок в холодном море (О современной поэзии русского зарубежья)	3
Рублева Л.И. Описания в прозе В.Т. Нарезного	4
Серебряная И.Б. “Следы родимой почвы” в поэзии И.З. Сурикова	2
Сморodinская Т. “Лавка древностей” Константина Случевского и ее посетители	5
Суханова И.А. Лара Гишар и Дуня Раскольниковы	5
Суханова И.А. “Необъятно тождественная жизнь...” (Отсылки к чеховской “Степи” в “Докторе Живаго” Б.Л. Пастернака)	4
Тарланов Е.З. “Поэт меня поймет...” (О “Сонете на льдине” И. Бунина)	1
Темнова Е.М. Житийная лексика А.С. Пушкина	1
Фролова О.Е. “История... просвечивает сквозь искусство” (Предлог <i>сквозь</i> в романе В.В. Набокова “Дар”)	3
Хисамова Г.Г. Речевое поведение героев рассказов В.М. Шукшина	4
Шкиль С.В. “Синий пурпур кружит вниз” (Поэтика синего цвета в лирике И. Бунина и М. Кузмина)	3
Шустов А.Н. Эпитет <i>маслянистый</i> у К.Г. Паустовского	6
Ястребова Н.Г. “Беспечных лохов стан сонливый” (Диалектизмы в поэме Ф.Н. Глинки “Карелия...”)	2

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ

Москвин В.П. Лингвистическая стилизация и пародия	2
Сковородников А.П. Алогизм как риторический прием	1
Сковородников А.П. Асиндетон как стилистическая фигура	4
Ушакова Ю.Ю. Определения при творительном падеже со значением сравнения	6

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Алиева Г.Н. Аббревиатуры должны быть краткими и благозвучными	1
Глазкова И.В. <i>Все и каждый</i> вчера и сегодня	4
Глазкова И.В. <i>Наши – не наши</i> в советское время и сейчас	1
Емельянова О.Н. О “пассивном словарном запасе языка” и “устаревшей лексике”	1

Емельянова О.Н. О ремарках в толковых словарях	4
Заварзина Г.А. Неологизмы в политической сфере	6
Зеления А.В. Мультимедиа	2
Зеления А.В. <i>Мыло, намылить, мыльница</i>	6
Максимов В.И. О новом проекте Свода правил русского правописания	5
Панова М.Н. Школа для чиновников (II, III, IV)	2,3,6
Романов Д.А. Части речи “на службе” у эмоций	5
Фролова О.Е. Прилагательное <i>пошлый</i> в научной и наивной лексикографии	6
Халикова Н.В. Что делают “во все лопатки” и “во всю ивановскую”?	5
Хан-Пира Эр. Об одном лексическом значении, которому не повезло в словарях	3
Чудинов А.П. Фитонимная метафора в современной политической речи	4
Шацкая М.Ф. <i>Белая гвардия</i> вчера и сегодня (Идиомы и перифразы-советизмы в зеркале современного языкового сознания)	5

Язык прессы

Басовская Е.Н. Риторические вопросы в современной публицистике	1
Головина Э.Д. “Друг мой Аркадий, не говори красиво...” (О лексических ошибках в современной публичной речи)	6
Клушина Н.И. Язык публицистики: константы и переменные ...	3
Муравьева Н.В. Нелогичный язык	2
Сквородников А.П. Рефлексы постмодернистской стилистики в языке российских газет	6
Формановская Н.И. Нужно ли русскому человеку отчество?	5

Язык рекламы

Клушина Н.И. Реклама, которая лечит?	1
---	---

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Владимир Андреевич Никонов (1904–1988)	4
--	---

ИЗ АРХИВА УЧЕНОГО

Гнесин М.Ф. Размышления о статье А.А. Реформатского “Речь и музыка в пении”	3
--	---

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

Башлыкова М.Е. “...По глаголу Твоему...” (Библейские реминисценции в чудесах “Киево-Печерского патерика”)	1
Ганькова Е.Г. Из жизни Николо-Карельского монастыря	6

Девяткина Е.В. Рыцарь правосудия (Нравственная позиция ритор в обвинительных речах А.Ф. Кони).....	1
Державина Е.И. Писатель и переводчик И.С. Захаров	2
Литвинов С.В. Англицизмы в русском языке XVI–XIX вв. (Историко-культурный аспект)	6
Литвинов С.В. О возникновении и изменении значения термина <i>англомания</i>	3
Литвинов С.В. “Русская грамматика” Генриха Вильгельма Лудольфа	5
Маркелова Г.В. “...Язык чужой не обратился ли в родной?” (А.С. Пушкин о месте родного и иностранных языков в речи женщин).....	2
Науменко С.В. В. Разыграев и орфографическая практика XIX века	2
Никитин О.В. “Ведомости” времен Петра Великого.....	2
Никитин О.В. Деловая лексика в народном творчестве XVIII века	4
Никитин О.В. Лингвистические традиции приказной школы стихотворства XVII века	5
Никитин О.В. <i>Лихое дело, лихие люди, наймиты</i> (Древнерусская юридическая лексика).....	1
Попова Т.Г. Об одном памятнике из библиотеки Н.П. Румянцева.....	6
Решетова А.А. Золото аравинское, манна небесная, река драгоценная (Интерпретация образа в “Слове о некоем старце”).	3
Судаков Г.В. М.Н. Загоскин о речевых вкусах современников.	1
Судаков Г.В. “Отчизна к вам взывает” (Русская публицистика в 1812 году)	6
Трофимова Н.В. “В третьей ходи князь велики к Смоленску, да и Смоленск взя”.....	5
Трофимова Н.В. Стиль изложения и проблема авторства в “Повести о взятии Царьграда турками”.....	1
Чистякова И.Ю. Об одном публичном выступлении Марка Шагала	5
Шишков А.С. О русском языке (К 250-летию со дня рождения).	2
Ясинская М.Б. <i>Амор, амур или любовь</i> (О некоторых заимствованиях в сочинениях князя Куракина).....	1
<i>История грамматики</i>	
Дубкова О.А. Конституция – конституциональный, традиция – традиционный	4
ОНОМАСТИКА	
Максимов В.О. Толковый словарь российских фамилий.....	3,4,5
Сотникова Е.А. “Аромат цветущих роз” (Об именовании в пар-	

фюмерии).....	4
---------------	---

Топонимика

Лагутина О.В. Колодезь и колодец.....	4
Лагутина О.В. Ручей.....	5
Шиллов А.Л. Московская Болвановка.....	3

РУССКИЕ ГОВОРЫ

Бобровская Г.В. Лазоревый цветок.....	1
Маршева Л.И. “А еще у нас на Комарёвке рыги были”.....	5
Судаков Г.В. Вологодский крестьянин в зеркале родного говора.....	3

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

Долгушев В.Г. “Выпустил зайку – не гайкай” (О вятских пословицах и поговорках).....	1
Коршунков В.А. “Ладушки” и народные обряды.....	2
Криничная Н.А. “Душ изначальный огонь...” (Легенды о невидимом граде Китеже).....	3
Савенкова Л.Б. Орать – не на дуде играть (Почему устаревают пословицы?).....	5
Филатова В.Ф. Былички об оборотнях.....	6

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Арапова Н.С. Шкап для гардероба.....	3
Баранова Л.А. Сласти и их названия: от Даля до наших дней.....	1
Бортник Г.В. Барашек в бумажке.....	2
Васильев В.Л. Через пень колоду.....	6
Добродомов И.Г. Выйти в тираж.....	4
Зеленин А.В. Здесь и сейчас.....	5
Зеленин А.В. Русская рулетка: вчера и сегодня.....	1
Симонов Р.А. Логистика в “Арифметике” Л.Ф. Магницкого.....	2
Шустов А.Н. Сыроежка.....	5

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

Муравьева Н.В. Известный материал на новый лад (О системе обучения пунктуационной грамотности).....	4
Чупашева О.М. Как определить способ словообразования и посчитать количество морфем в слове.....	3

СРЕДИ КНИГ

Ганцовская Н.С. Костромское народное слово.....	3
Древнерусская литература XI–XVII вв.	6
Дурново Н.Н. Грамматический словарь: Грамматические и лингвистические термины.....	1
Ковтунова И.И. Очерки по языку русских поэтов.....	4
Полякова Е.Н. Лексика и ономастика в памятниках письменнос-	

ти и живой речи Прикамья.....	2
Саблина Н.П. Слова под титлами.....	3
Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.	3
Улицы Москвы. Старые и новые названия	2
Шулежкова С.Г. Словарь крылатых выражений из области искусства	3

ПОЧТА “РУССКОЙ РЕЧИ”

Баева М.И. Красный цвет в русском и английском языках	4
Еськова Н.А. <i>Máma, pápa – mamá, papá</i> (О знаке ударения)	2
Еськова Н.А. Так кто же она такая – сватья баба Бабариха?	3
Кожин А.Н. Катюша	3
Пищулина О.Ю. Образы елецкого кружева	6
Хан-Пира Эр. Роль орфографической реформы в ослаблении “мужского начала”?.....	5

ХРОНИКА

Афанасий Матвеевич Селищев и современная филология.....	2
---	---

Ответы к заданиям:

Задание 1.

1. Следует различать ошибки и заблуждения (отличать ошибки от заблуждений).

2. Они заинтересованы в том, чтобы у заведующего отделом была поддержка.

3. Вопреки распоряжению администрации завода график работы не изменился.

4. Что характеризует ситуацию в отрасли? (Чем характеризуется ситуация в отрасли? Что характерно для ситуации в отрасли?).

5. Система управления госслужбой нуждается в реорганизации.

Задание 2.

1. Из девятисот пятидесяти шести статей; 2. Шестистам семидесяти девяти гостям; 3. С семью тысячами четырьюстами семьюдесятью шестью делами; 4. Из (одной) тысячи семисот пятидесяти восьми; 5. Обоих государств.